

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**МАРТ
2005**

**АДАР
5765**

№ 3 (155)

распространяются на всех окружающих, или об абсолютной необходимости «соблюдать законы чести и честности» в отношении неевреев. Есть и гораздо более частные установления. Тот же «Шулхан Орух» в разделе «Законы о торговле» особо подчеркивает запрет обманывать иноверца: «Нельзя продавать ему негодное мясо под видом кошерного или продавать обувь, сделанную из кожи животного, умершего своей смертью, под видом обуви, сделанной из кожи животного, умерщвленного кошерным способом. Ибо первый вид кожи не такой крепкий, как последний вид кожи. Дополнительная причина: возможно, животное умерло от укуса змеи, и тогда такую обувь опасно носить. И таким образом – всё подобное этому».

Есть и специальные установления в отношении народов, познавших Б-га Единого, но не пришедших в иудаизм (христиан и мусульман). В «Законах царей» Рамбама подчеркивается, что «Закон требует помогать, спасать и защищать их, как собственных братьев». Особо Закон велит чтить и соблюдать законы народов, предоставивших еврейской диаспоре кров и защиту: в трактате «Пиркей Овойс» говорится, что евреи должны молиться о благополучии этих стран и их правительств. А «Шулхан Орух» предписывает и сотрудничать с этими народами во всех сферах, включая военную.

Вопрос: что мы, евреи, должны делать, когда антисемиты возводят на нас напраслину, в том числе цитируя отрывки из еврейских книг, которые они не в состоянии (а главное – не желают) понять? Борьба с антисемитизмом всеми доступными средствами? Разумеется, да – но при этом ни на минуту не забывая, что искоренить само явление мы не сможем, ибо причина его не в евреях, а в их лютых врагах. Следует ли нам разъяснять постулаты иудейского вероучения? Конечно, но разъяснять только тем людям, что действительно хотят его понять, а не «упертым» юдофобам, ищущим лишь повода для очередного приступа ненависти.

Главное – оставаться евреями. Создатель выбрал нас, чтобы мы исполняли Его волю, несли свет Единого Б-га другим народам. Мы не должны становиться, «как все». У нас своя миссия. Наш долг – быть на уровне задач, которые Он возложил именно на нас.

...Каков же всё-таки лучший ответ антисемитам всех мастей? Да просто быть евреями и соблюдать закон Б-га нашего.

אֱלֹהִים וְעַל כָּל אֲשֶׁר יִצְוֶה אֱלֹהִים

УЧЕНИЕ РЕБЕ ОБ УЧЕНИИ

יְאֹוֹיֹאֲנֵעָא יִיִנְעָאִי עֵב עֵפֶ אֲאֵעֶ נְעִיִאִי דְאֲאִי

אֲדִיאִ נְאֵרִי יִי

נְעִיִ אִיֵּעָאִ יִיִאִיִאִי עֵוֹ יִדְאָאִי עֵעִיִאִ

Традиционно движение Хабад связывает три праздника, требующих от евреев ритуального паломничества в Иерусалим и увязанных с сельскохозяйственным циклом, с метафорой, встречающейся у Пророка и описывающей общину Израиля как «урожай Б-га»: «Исроэл – святыня Г-сподня, первые плоды Его; все поедающие его будут осуждены; бедствие придет на них, – сказал Г-сподь» (Ирмияу, 2:3). Метафора эта тем более уместна, что нисхождение души в тело можно уподобить посеву. Высеваемое зерно даст урожай, многократно превосходящий его (Псохим, 876), – так же «падение» души в существование в материальном теле оправдано тем, что его следствием должны стать духовный рост и последующее восхождение. И такое падение, подобное «падению с высокой башни в глубокую долину» (Хагига, 5б), подразумевает, что впоследствии душа обретет статус много выше того, что предшествовал падению.

При этом Ребе подчеркивал, что только гибель зерна, его саморазрушение, то есть отказ от всякой заботы о самосохранении, становится залогом нового урожая. Напомним слова псалма: «Сеявшие в слезах – жать будут с пением. Идет и плачет несущий суму с семенами, придет с песней несущий снопы свои» (Теилим, 126:5,6). В этом можно видеть параллель с тем, что отвержение человеком собственного «я» («битул») и безусловное принятие Б-жественной власти над собой («Каболас Ойл») становится залогом духовных достижений.

יִדְאָאִי עֵעֵ, אֲדִיאִ עֵעֵ נֹאֲוֹוִי עֵ «וִי אֵעִי עֵ»

Праздники на иврите называются «регалим» (буквально «стопы»), и в этом названии содержится аллюзия по поводу праздников, требующих паломничества: «направления стоп» еврея в Иерусалим. В самом этом акте – пешем странствии к Иерусалиму – заключается повиновение власти Б-га и ее принятие.

С другой стороны, паломничество в Новогодие Царства выражает умаление народа Израиля перед стоящим над ним царем. Но этот акт самоуменьшения народа перед ликом стоящего над ним делает для царя возможным возвысить свой народ до высот, прежде недостижимых. Так, возвышение народа следует за его умалением, как плодоношение зерна – за его распадом.

Однако и царь умалиет себя во имя своего народа. Алоха подчеркивает: на молитве царь должен стоять склонившись – подчеркивая свое умаление и покорность воле Всевышнего. Это – битул царя, но речь идет не только о его умалении перед Создателем, но и об умалении царя перед лицом народа Израиля.

Í ðaçaí eé Nócéíñè ñèì àíèèèà «áíññíæääí èý». Í íèí íòà ðääíñò è èaé ðaçéüò àò «í èññíæääí èý»

Комментарий, данный в Мидраше, объясняет, почему именно праздник Суккос должен быть наполнен проявлениями радости. Этот праздник приурочен ко времени, когда поля дают урожай, а деревья – плоды. Заметим: Пейсах приходится на время, когда об урожае на полях можно говорить только лишь применительно к будущему времени – то есть можно предполагать, каков он будет, но у земледельцев нет твердой уверенности в том, чем увенчаются их труды. Праздник Швуэс отмечается тогда, когда поля уже колосятся, но еще не сжаты, и неясно, каков будет урожай древесных плодов. А праздник Суккос отмечается, когда поля уже сжаты и идет сбор плодов. Мы видим венец наших усилий – и потому должны преисполниться радости.

Ребе привлекает наше внимание к стоящей за этим символике. Имея дело со злаками, мы в тот же год, как посеяли их, можем собирать урожай: лишь небольшой промежуток времени отделяет наше усилие от исполнения наших надежд. Но если мы сажаем в землю дерево, то до момента, когда оно даст плоды, проходит не один год.

В книге Дворим (20:19,20) встречается сравнение дерева с человеком: «Если осаждать будешь город долгое время, чтобы завоевать его, чтобы взять его, то не порти деревьев его, поднимая на них топор, потому что от него ты ешь, и его не срубай, ибо разве дерево полевое – это человек, чтобы уйти от тебя в крепость? Только дерево, о котором ты знаешь, что плоды его несъедобны, его можешь срубить, чтобы строить осадные башни против города, который ведет с тобой войну, пока не покоришь его». Комментарий Талмуда к этому фрагменту поясняет, что подобное уподобление указывает на процесс развития личности человека по мере изучения им Торы. Ребе замечал: как выращивание дерева требует от садовника трудов и непрестанной заботы, так и постижение Торы возможно лишь в результате многолетних усилий.

Áçäýä í à ì èðíçääí èá

Ребе указывал: первый стих Торы «В начале сотворения Всесильным неба и земли» (Брейшис, 1:1) должен обращать наше внимание на то, что сперва Писание говорит о сотворении физического мира, а потом уже обращается к принципам его духовного устройства. Так, о Б-жественных заповедях сказано лишь во второй книге Торы Шмойс (12:1,2 и далее). Возникает соблазн считать, что физическому миру от Б-га сообщена никак не меньшая ценность, чем духовным измерениям бытия, о которых речь заходит позже. Но Ребе подчеркивал, что такой вывод был бы ошибочным: физическое существование не является самоцелью, смысл всего сущего заключается в трансформации физического в духовное, в одухотворении материи.

Ребе обращал внимание на введение к комментарию Раши к Торе: «Сказал рабби Ицхок: „Надлежало бы начать Тору со стиха „Этот месяц для вас – глава месяцев“, который является первой заповедью, данной сынам Исроэла. Почему же она начинается с сотворения мира? Потому что „силу дел Своих явил Он народу Своему, чтобы дать им владение племен“ (Теилим, 111:6). Ибо если скажут народы Исроэлу: „Разбойники вы, захватившие земли семи народов“, то ответят им: „Вся земля принадлежит Святому, благословенен Он. Он сотворил ее и дал тому, кто Ему угоден. По своей воле Он дал ее им, по воле Своей Он отнял у них и дал ее нам“». Ребе подчеркивает: формулу «силу дел Своих» следует понимать также как «цель дел Своих», и в этом он видит ключ ко всем взглядам Раши на природу сотворенной реальности. Пассаж, которым открывается текст Раши, посвящен доказательству неправомочности обвинений Исроэла в том, что завоевание Кнаана было актом несправедливости со стороны евреев и не имеет оправданий. Тексты, которые Раши приводит в доказательство своей точки зрения, указывают на то, что в творении Б-га изначально заложена некая внутренняя цель. И Раши предполагает, что истинная реальность творения находит выражение в пластичности материального мира, его изменчивости, смысл которых в том, что материальное создано, чтобы быть трансформированным в духовное. Осуществить эту трансформацию от века предназначено народу Исроэла. Ребе специально останавливается на значении слова «игид» в стихе из псалма, цитируемом Раши: буквально это слово значит «переправлять, сообщать», а в контексте стиха указывает на то, что Исроэл наделяется силой и побуждается к тому, чтобы выполнить стоящую перед ним задачу. Кнаanei, пытаясь доказать неправомочность

завоевания их земли Исроэлом, в качестве аргумента ссылались на то, что страна Кнаан изначально существовала сама по себе, и это существование могло длиться лишь в силу того, что на это была воля Б-га. Раши считает этот аргумент несостоятельным и полагает, что для Б-га цель существования Кнаана заключалась именно в том, чтобы быть завоеванным избранным народом и преобразиться в Святую землю. То же самое можно сказать и о всем сущем на земле: цель его бытия в том, чтобы претерпеть преобразование и трансформироваться из чистой материальности в то, что причастно духовному.

Размышляя над тем, признавать ли независимую ценность земного, Ребе обращается к истории десяти разведчиков, посланных «высмотреть» страну Кнаан. По возвращении из десяти посланных лишь Калев из колена Иеуды настаивал: «Непрерменно взойдем и овладеем ею, ибо в наших силах это». Люди же, которые ходили с ним, сказали: «Не можем мы идти на народ тот, ибо он сильнее нас». И распускали они злую молву о стране, которую высмотрели, между сынами Исроэла, говоря: «Страна, которую прошли мы, чтобы высмотреть ее, – это страна, губящая своих жителей, и весь народ, который мы видели в ней, – люди-великаны. Там видели мы исполинов, сынов Анака, потомков исполинов, и были мы в глазах своих, как саранча, такими же были мы в их глазах» (Бемидбар, 13:30–33). Ребе поясняет: разведчики, признавая жизненную важность священного, стоящего над миром, не допускали мысли о том, что духовное властно над сферой материального. Завоевание Кнаана Исроэлом в их глазах было не более чем вторжением, рискованной авантюрой. В основе их помыслов лежали те же представления, что и у народов Кнаана, ссылающихся на то, что они обитали на этих землях ранее Исроэла и потому земли эти принадлежат им. То, что евреи призваны освятить Землю обетованную и сделать ее Святой землей, в глазах кнаанеев было пустой риторикой. И кнаанеи, и посланные к ним разведчики отрицали саму идею трансформации материального мира и превращение его в обитель духовного.

О «переписи» народа Исроэла и исчислении левитов, осуществленных Моше по указанию Б-га, в Торе рассказывается как об уникальном историческом событии. На левитов были возложены заботы о Шатре Завета, благодаря которому пустыня преобразилась в центр духовности. Это занятие выделяло левитов из среды народа Исроэла, и такое выделение требовало, чтобы они были сосчитаны. Закон гласит: факт продажи предметов поштучно выделяет их в особую группу, придавая каждому предмету самостоятельную значимость, не позволяющую образовать из них индифферентное множество. Уже само повеление Б-га пересчитать левитов придавало им особый статус, с одной стороны, удостоверяющий их способность трансформировать во благо свое окружение, а с другой – отделяющий их от окружения и освобождающий от его влияния. Но что такое трансформация окружения? Прежде всего это напоминание о Б-жественном тем, кто о Нем забыл. Но и те, кто сознает присутствие Б-га в мире и их жизни, также могут быть объектом трансформации, ибо всегда есть возможность достижения большей гармонии человека с Создателем. По словам царя Шломо, «нет на земле такого праведника, который творил бы благо и не погрешил бы» (Козлес, 7:20).

Ребе отмечает, что память о странствии через пустыню для всех последующих поколений евреев служила источником силы и толчком к дерзанию. Длительное пребывание в пустыне и изоляция были свидетельством того, что евреям поручена особая миссия – даже бесплодную и жестокую землю преобразить в обитель Б-га.

При этом Ребе указывает, что преобразование некоей среды в обитель духа подразумевает, что Б-жественное присутствие становится ее неотъемлемой чертой. В подтверждение он ссылается на стих: «И провели вы в Кадеше многие дни, столько же дней, сколько вы провели раньше» (Дворим, 1:46) – некоторые комментаторы считают, что стоянка в Кадеше могла продолжаться до 12 лет.

В подтверждение правильности своего подхода Ребе ссылается на «Танию» рабби Шнеура-Залмана из Ляд, в частности на формулу «возжелал Всевышний, чтобы было Ему жилище в нижних» (Тания, часть I, гл. 36) и на мидраши.

Ошибка разведчиков, посланных осмотреть землю Кнаанскую, заключалась в том, что они отвергали мысль о преобразении в обитель Б-га как конечной цели физического творения. Поэтому всё сущее в физическом мире ждет, пока включится в служение Всевышнему, ибо только на этом пути оно может соучаствовать в порядке священного.

В связи с этим Ребе комментирует высказывание Раши. Касаясь претензий кнаанеян к Исроэлу, Раши, приводя слова рабби Иццока, пишет: «Надлежало бы начать Тору [...] с мицвы», то есть с заповедей, определяющих порядок духовного, а не с рассказа о творении, повествующем о порядке материального. Какова логика высказывания рабби Иццока? Торе, казалось бы, нет нужды начинать рассказ с сотворения мира, ибо не земным озабочена Тора. Более того, разве что-то сотворенное обладает существованием, независимым от Торы? Однако подход рабби Иццока ведет к тому, что сфера духовного ограничивается заповедями. Тора же описывает весь мир, она является чертежом и духовного, и физического мироздания. Однако если она распространяет свою власть и на духовное, и на физическое, то это возможно лишь в том случае, если возможно освящение и одухотворение физического бытия. Раши начинает с цитирования рабби Иццока, чтобы отвергнуть его подход.

Тора начинается с рассказа о сотворении мира, чтобы указать на истинную, хотя и скрытую цель, во имя которой сотворен мир. Эта цель может быть достигнута лишь на путях преображения физической реальности за счет исполнения заповедей, придающих материальным объектам духовный смысл.

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ: וְיֵשׁוּעָה לְעַמּוּנוּ וְלְאֵלֵינוּ

Характерной чертой толкований Торы, предлагаемых Ребе, является оптимизм. Даже в наиболее драматических эпизодах Торы он стремится выделить благую весть.

Так, рассказывая о карах Египетских, Тора подробно останавливается на событиях той ночи, когда Б-г истребил всех первенцев в стране Египетской. Традиционно комментаторы этого эпизода акцентируют идею кары и воздаяния. Ребе же, напротив, в рассказе об этих событиях склонен видеть проявление благоволения Всевышнего к Своим чадам. В связи с этим он анализирует формулы, с помощью которых Б-г сообщает о Своих намерениях. Всевышний объявляет: «Пройду Я по стране Египетской в ту ночь и поражу всякого первенца в стране Египетской, от человека до животного» (Шмойс, 12:12). Но ранее Б-г открывает Свое намерение Моше в следующих словах: «Около полуночи явлюсь Я посреди Египта. И умрет всякий первенец в стране Египетской...» (Шмойс, 11:4,5). Заметим, что употребленное здесь выражение, на русский язык переводимое глаголом «явлюсь», имеет буквальное значение «идти вперед, сопровождать», и с этим же выражением мы встречаемся в стихе Псалмопевца: «Пусть только благо и милость сопровождают меня все дни жизни моей» (Теилим, 23:6). В псалме это выражение связано с даянием благ праведнику – и тем более странно видеть его в контексте кары. Нигде ранее в Торе это выражение в таком контексте не встречается.

Вспомним, какими словами Б-г открывает Моше Свой замысел: «Сошел Я спасти его из-под власти Египта и привести его из той страны в страну прекрасную и просторную – страну, текущую молоком и медом» (Шмойс, 3:8). В этих словах Всевышнего – несомненное обещание блага.

Обратим внимание: Всевышний объявляет Моше: «Явлюсь Я посреди Египта и умрет всякий первенец» – важно, что во второй части этого высказывания Он не говорит «Я истреблю» или «Я поражу». Ребе считает: это само по себе свидетельствует о том, что главное для Г-спода – спасение угнетенных евреев, а не воздаяние египтянам и истребление их первенцев. Первенцы страны Египетской страдают из-за того, что фараон упорствует и не желает отпускать евреев. Это страдание оказывается неизбежным, но предопределено оно человеческой волей и человеческим выбором.

В подтверждение правильности своего подхода Ребе приводит комментарий Раши на стих Шмойс (12:12): «Пройду Я по стране Египетской...» Раши сравнивает эту формулу с формулой, описывающей объезд царем его владений. Смысл путешествия царя не в посещении конкретного города, а в том, чтобы ознакомиться с жизнью страны в целом. Ребе указывает на то, что эта аналогия Раши недвусмысленно дает понять: смерть египетских первенцев была вовсе не целью, а средством. И весь акцент делается не на суровости кары, а на неизбежной цене спасения.

Подтверждение тому мы можем найти и в комментарии Раши на следующий стих главы Шмойс. В нем идет речь о том, что косяки и притолоки домов, в которых живут евреи, должны быть окроплены кровью пасхального агнца: «И будет та кровь для вас знамением на домах, в которых вы пребываете, и увижу ту кровь, и миную их; и не коснется вас кара губительная» (Шмойс, 12:13). Раши задается вопросом: зачем, если Б-г всевидящ, помечать дома кровью? Всевышний Сам ведает, где кто обитает, и Ему не нужен никакой знак. Раши утверждает: повинение евреев словам Всевышнего

указывает на то, что они принимают спасение. Акцент опять делается на спасении – и на праведности спасаемых, а не на греховности угнетателей.

Экзегеза, предлагаемая Ребе, дает понять, что, постигая Тору, мы должны в первую очередь стремиться увидеть благие аспекты, заключенные в ее послании.

Ōäüü íáó:áí èÿ – í ðáí áðàæáí èá ó:áí èèà í àñò àáí èèîí

Наставник подобен земледельцу, собирающему в поле колосья. В связи с этим Ребе вспоминает сон, который Йосеф рассказывает своим братьям: «Вот мы вяжем снопы посреди поля, и вот поднялся мой сноп и стал, и вот кругом стали ваши снопы и поклонились моему снопу» (Брейшис, 37:7). Ребе напоминает, что в своем комментарии на этот стих Раши, следуя толкованию Таргум Онкелос, отличному от того, что дает Таргум Йонасан, поясняет: речь идет не о том, чтобы собирать колосья в сноп, а о том, чтобы именно вязать их. Отталкиваясь от этого образа, Ребе утверждает: задача наставника не только в том, чтобы привлечь к учению человека, прежде далекого от систематического знания, и приохотить его к занятиям. Это было бы то же самое, что собирать снопы, не связывая их, – когда даже легкому ветерку не составит труда эти снопы разметать. Мало дать человеку опыт приобщения к знаниям: ведь в основе своей всякий опыт текуч и изменчив. Цель наставника – добиться преобразования ученика, когда ценности, о которых говорится по ходу занятий, для обучаемого становятся основой его существа. В связи с этим Ребе напоминает о том, что его отец отмечал этимологическую связь между словом «алам», означающим «сила, устойчивость», и выражением «малмим алумим» («вязать снопы»). Обучение должно вести к такому преобразению ученика, чтобы в любых жизненных ситуациях он отстаивал те ценности, которые постиг.

Впрочем, сбориание и связывание колосьев в сноп – еще не всё. Во сне, который видел Йосеф, связанные снопы стали и поклонились перед ним. Ребе видит в этом метафору конечной ступени обучения. На этой ступени учитель полностью отождествляется с теми идеалами, воплощение которых мы видим в цадике, «наставнике» и моральном образце для всего поколения, – таким был Йосеф, истинный праведник.

Для хасидов образовательный идеал связан с пробуждением в учениках готовности не только возвыситься до тех идеалов, которые нашли воплощение в их наставнике, но и передавать эти идеалы дальше. При этом Ребе вспоминает о комментарии, который рабби Шнеур-Залман из Ляд дает в «Тойра Ойр» ко сну Йосефа: снопы братьев, окружившие сноп Йосефа и поклонившиеся ему, указывают на особенно значительный вклад Йосефа в процесс собириания Б-жественных искр, растерянных в мире. Преобразование и восхождение к Б-жественному, нашедшее свое выражение в образе восставших снопов, было бы невозможно без вклада Йосефа, о котором мы не должны забывать.

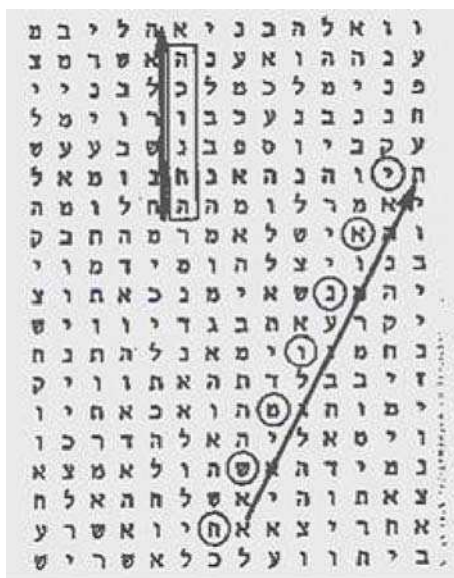
СКЕПТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА КОДЫ В ТОРЕ

Барри Саймон

В последнее время много говорят и пишут о кодах в Торе, прежде всего из-за шумихи, поднятой в прессе после выхода книги Майкла Дроснина[1], которая в какой-то момент входила в десятку самых популярных бестселлеров. Эта волна интереса утвердила меня в решении обратиться к проблеме кодов. Я сосредоточусь на трудах израильских ученых, в число которых входит профессор Еврейского университета Элияу Рипс, а не на поверхностных рассуждениях Дроснина.

Феномен популяризации – одно из чудес нашей эпохи, и я отношусь к специалистам-популяризаторам с огромным уважением. Однако убежден, что большинство утверждений, сделанных этими людьми, следует рассматривать исключительно как комментарии. Некоторым же идеям, представленным возможным неопитам и религиозному сообществу в целом, придается излишнее значение. Появились сообщения о том, что рассказ о кодах многих людей привлек к «идишкайт», однако также стало известно, что на многих это произвело обратное действие, поскольку от того, что называется наукой, они ожидали совсем иного.

В иудаизме скрыто множество богатств, и я надеюсь, те, кто пользуется кодами, чтобы обратить людей к Торе, поймут, что ошибочно называть научными идеи, обоснование которых столь сомнительно, тем более что эти идеи в системе ценностей иудаизма и в его практике имеют второстепенное значение.

יְדַעְתָּ אֲדוּמָה אֵי אֵי

Все коды основываются на поиске так называемых «равных буквенных последовательностей» (РБП), где слова находятся на одинаковом расстоянии друг от друга. То есть берется вся Тора или некая другая книга, закладывается одинаковое расстояние между словами, и в новой последовательности ищутся новые слова – например, учитывается каждая четвертая буква, а предыдущие опускаются. Расстояния могут быть значительными: например, в найденном Дросниным имени Рабина промежуток составлял 4772 буквы, то есть между буквами, составляющими это имя, оставалось по 4771-й «неиспользованной» букве.

РБП часто представляют в виде записанного отрывка из Торы, где строки либо равны длине РБП, либо на несколько букв длиннее или короче. Таким образом, РБП имеет вид вертикали или диагонали (см. рисунок, где представлен только фрагмент длинных строк, расположенных горизонтально). Прошу не забывать, что этот способ изображения не имеет особого значения, хотя позволяет забыть о том, как велики могут быть промежутки между буквами. РБП может идти как снизу вверх, так и сверху вниз. Обе РБП на рисунке идут снизу вверх.

Имейте в виду: количество РБП очень велико. В Пятикнижии 304 805 букв, и, значит, количество РБП с промежутком в 5000 букв и меньше, прочитанное сзади наперед или спереди назад, – порядка трех миллиардов! Поэтому если вы ищете РБП для сравнительно короткого слова, вы ищете не иголку в стоге сена: вы ищете в сене определенный стебелек.

Простейшие примеры кодов либо опираются на тот факт, что некоторые слова появляются чаще, чем можно ожидать, либо два или более слова находятся рядом друг с другом. Например, «Ханука» и «Хашмонаи» (династия, основанная Маккавеями) на рисунке расположены рядом. Некоторые другие примеры: названия многих деревьев можно найти рядом с главой, где Аврааму была обещана земля Израиля. Я называю эти примеры парами простых слов.

Поскольку в Пятикнижии многие слова встречаются как РБП множество раз, наиболее ответственные исследователи обычно ограничиваются РБП с минимальным расстоянием между буквами. Дроснин не всегда в этом отношении был корректен. Этим объясняется то, почему «Ханука» на рисунке начинается с «хэй». Это слово встречается как РБП и без «хэй», но не в случае минимального расстояния между буквами.

Значительное внимание уделялось второму примеру, представляющему собой сложный статистический анализ списка раввинов с датами их рождения и смерти. Это довольно запутанная попытка доказать, что коды не объясняются случайностью. Анализ опубликовали Д. Уитцум, Э. Рипс и И. Розенберг в журнале «Статистикал сайенс»[2]. Назовем этот пример «Знаменитые раввины».

В-третьих, имеется рукопись статьи, данная мне профессором Рипсом, где найдены соотношения между названиями семидесяти народов («гоим») в главе Ноах и местонахождение определенных фраз, в которых упоминаются эти народы. Например, авторы ищут соотношение между народом Магог в оригинальном тексте и четырьмя фразами: «народ Магог», «земля Магог», «язык Магог» и «письмена Магог». Название народа присутствует в самом тексте Ноах, а фразы ищутся в виде РБП с интервалом в две и более букв. Статистический метод используется для определения степени случайности. Разумеется, ищутся ивритские фразы (например, «ам Магог» для «народа Магог»). Вслед за Уитцумом и его соавторами я называю этот пример «Народы».

Короче говоря, я рассматриваю примеры пар простых слов как бесконтрольную словесную игру, которую не могу принимать всерьез. Я объясню, почему меня несколько не убеждает пример с народами. Также у меня есть много причин скептически относиться к примеру со знаменитыми раввинами.

ÇÀÛØÁÍ Í ÛÁ Ĩ ĐÈÒBÇÀÍ ÈB

Работа с описанием кодов, касающихся знаменитых раввинов, использовалась многими организациями. Прозвучал ряд утверждений, основанных на преклонении широкой публики перед наукой, и все они демонстрируют непонимание процесса научного исследования.

Есть мнение, что статья Уитцума с соавторами как раз является научным доказательством того, что в Торе есть скрытые коды. Но ведь научное утверждение может быть, в принципе, опровергнуто. Только непонятно, что именно сторонники теории кодов сочтут опровержением. Если я, скажем, буду искать в тексте примера «Знаменитых раввинов» знаменитых ребец и не найду их, – уверен, сторонники кодов ответят, что здесь можно найти не все. Какое количество ненайденных кодов нужно, чтобы опровергнуть эту гипотезу? И какие примеры следует приводить?

Я напрямую спросил об этом профессора Рипса, и он признал, что вопрос интересный, но ответа у него нет. Гипотеза, которую невозможно опровергнуть, не может считаться научной. При этом я не хочу сказать, что статистический анализ не может быть эффективным методом анализа.

Во многих изданиях приводился одобрительный отзыв, подписанный четырьмя выдающимися математиками (Йосефом Бернштейном, ранее профессором Гарварда, а теперь Тель-Авивского университета, Гилела Фюрстенберга из Еврейского университета, Давида Каждана из Гарварда и Ильи Пятецкого-Шапира из Тель-Авивского университета и Йеля). Трое из них – ортодоксальные иудеи, и мне было бы трудно найти более представительную группу математиков. Но их письмо составлено весьма осторожно, и в нем говорится лишь о том, что они находят эксперимент со «Знаменитыми раввинами» интересным и заслуживающим дальнейшего изучения.

Я обсуждал проблему кодов со многими религиозными математиками: спектр ответов весьма широк. Раввин Шломо Штернберг, математик из Гарварда, написал крайне негативную рецензию на коды в «Байбл ревью». Я уделяю внимание откликам религиозных математиков не потому, что их точка зрения отличается от точки зрения других математиков (наоборот, большинство математиков настроено отрицательно), но потому, что среди религиозных обывателей, с которыми я беседовал, бытует мнение, что я разговаривал только с «учеными-атеистами», которые, скорее всего, будут ставить под сомнение существование кодов.

Утверждение, будто научная общественность считает исследование обоснованным, неверно, более того, большинство доброжелательно настроенных ученых, знакомых с этой гипотезой, придерживаются прямо противоположного мнения.

*Ààòîð - ÷éáí Àáñððééñéé ÁĬ, îðîáññðéàðááððî î àðáí àðééé è òáíðáððé-áñééé ðéçééé
Èáééòîðíééñééá òáñíîéñééá-áñééá éíñðéòóòà*

ÀÁÐĬBÒÍ ÎÑÒÈ ÁĬ ÈÈÈ Í ÎÑÈÁ ÔÀÈÒÀ

Подбросьте монетку 30 раз и запишите, в каком порядке у вас будут выпадать орел и решка. Вероятность того, что эта последовательность повторится в точности, меньше одной миллиардной, но у вас выпала именно она. Если кто-то в поисках чего-то предпримет несколько попыток, но будет сообщать только об удачных, подсчет априорных вероятностей этих удач не будет иметь никакого смысла.

Юджин Вигнер, один из величайших физиков-теоретиков XX века, в автобиографии рассказывает о том, как в 1928 году ходил на занятия, которые проводил Эйнштейн: «Однажды он сказал нам: “Жизнь конечна. Время бесконечно. Вероятность того, что я сегодня жив, равна нулю. Однако же я жив. Как такое может быть?” Ответа на этот вопрос не было ни у одного из студентов. Тогда Эйнштейн ответил сам: “Когда факт уже свершился, не стоит спрашивать о вероятности”». Хотя ни современная наука, ни иудейская традиция не согласятся с утверждением Эйнштейна о том, что время бесконечно, его основная мысль беспорна: опасно полагаться на вероятности, когда факт уже существует.

Именно это обстоятельство ставит под сомнение примеры с парами простых слов: слишком уж напрашивается аналогия с человеком, который сначала пускает стрелу, а потом рисует вокруг нее мишень. Существует не только множество возможных комбинаций слов, но, из-за особенностей иврита, есть еще и варианты. И наша традиция, и иврит настолько богаты, что в книге такого объема, как Пятикнижие, можно найти множество комбинаций. Нет сомнений, что схожие комбинации можно найти и в других текстах того же объема.

Из чего следует, что эти простые пары по своей сути – текстуальные шутки. Следует подчеркнуть, что нет устоявшейся традиции анализа кодов, такой, какая имеется для алохического анализа. Есть очень немного примеров, когда ученые при изучении Торы пользовались РБП в качестве инструмента исследования, но лишь в определенных случаях, и не оставили нам руководства о том, как мы можем этим пользоваться.

Использование метода без четких указаний может привести к его искажению, как случилось с различными христианскими миссионерами, пытавшимися обратить в свою веру евреев.

ÀÙÁ Î Æ ÎÃÑ×ÀÒÁ ÁÁÐÌÈÒÌ ÎÑÒÆ

Есть способ так описать итог исследования, если вы сообщаете только об удачных попытках, что станет ясно: таким образом можно получить совершенно невероятные результаты. Предположим, есть тест, который удастся в одном случае из тысячи. Вы проводите тест на компьютере, пока не получаете три успешных результата. Это потребует около 3000 попыток. Теперь рассмотрите результат не как три отдельные удачи, а как успешное проведение теста по обнаружению именно тех трех случаев, которые вы и обнаружили: с вероятностью один к миллиарду (1000x1000x1000).

Пример «Народы» как нельзя лучше подходит под эту методику. При поисках выражения «язык Магог» авторы использовали для слова «язык» слово «сфас», хотя могли использовать и «лошон». Профессор Рипс сказал мне, что, если бы использовали слово «лошон», такого результата не было бы. Так же для слова «народ» использовали слово «ам», а не «бней». Кроме того, если выбор этих фраз оправдан мнением Виленского Гаона, то есть исследователи Торы (например, Рамбам), которые использовали не эти три фразы, применяемые к народам, а другие, поэтому апелляция к Гаону выглядит как показательный выбор.

Повторяемые тесты на компьютере необязательно проводит тот, кто намеренно хочет нас обмануть. Сам факт, что этот феномен называется «кодами», свидетельствует о том, что исследователь должен проводить эксперименты, чтобы найти то, что может быть закодировано. Компьютеры позволяют проверить бесчисленное множество возможностей, поэтому даже добросовестный исследователь, проводя многократные тесты, может непреднамеренно получить редко встречающиеся результаты.

Î Æ ÈÑÀÌ ÈÁ Æ ÈÈÌ ÁÐÀ «ÇÌÀÌ ÁÌ ÈÒÛÁ ÐÀÁÆÌ Û»

Проблемы с примером «Знаменитые раввины» менее очевидны, и я должен пояснить некоторые тонкости анализа.

Авторы составили список из имен 32 сравнительно известных раввинов.

Идея состояла в том, чтобы взять имена этих 32 великих людей, их даты рождения и смерти и проверить, насколько близко по принципу РБП расположены даты от имен в Книге Бытия. Для этого они изобрели «меру близости» (к которой я вскоре вернусь) и, руководствуясь ею, сравнивали правильные наборы имен и дат с некоторыми неправильными.

Правильный набор имен и дат они получили, поместив имена в одну колонку, а даты в другую. Неправильный сделали так: колонку с именами оставили без изменения, а даты переставили. Есть множество вариантов, как расположить колонку из 32 пунктов (их более чем 2 с тридцатью пятью нулями!). Авторы сделали случайную выборку из 999 999 вариантов, чтобы было миллион возможностей для расчета верного варианта. Эти варианты они выстроили по порядку, используя изобретенную меру близости.

Вообще-то они использовали четыре различные меры близости, и по этим мерам степень правильной парности из миллиона возможностей колебалась от 4 до 453, то есть подавляющее большинство перестановок не соответствовали мере близости. Для сравнения они взяли начало перевода «Войны и мира» Толстого на иврит: отрывок того же объема, что и Книга Бытия. В этом случае расстановка варьировалась от 277 103 до 748 183.

В этом анализе есть некоторые сложности, которые весьма важны. Во-первых, из того, что я уже сказал, можно предположить, что у каждого раввина было по одному имени и по одной дате, но это не так. Во-первых, дат две (рождения и смерти!), но написание этих дат может быть различным. Используются только месяц и день (но не год), и есть три способа написания дат на иврите – без начальной «бейс» (вместо предлога «в»), с «бейс» перед днем и с «бейс» перед месяцем. Пятнадцатое и шестнадцатое числа тоже пишутся разными способами, поскольку существует два формата для этих чисел. Авторы использовали не даты из энциклопедии, а те, которые определили путем собственных исследований. Не у каждого раввина указаны даты и рождения, и смерти, а у двух вообще нет этих дат!

Имена раввинов на иврите тоже могут писаться по-разному, поскольку раввины часто известны по названиям их книг (например, Хофец Хаим). Здесь использовались варианты написания имен,

предоставленные неким профессором из Бар-Илана. Количество наименований для каждого раввина варьировалось от одного до одиннадцати, поэтому на 32 раввина было более 100 имен.

Для каждого раввина составляли все возможные пары из одного имени и одной даты, поэтому пар получилось несколько сотен. Каждой паре присвоили номер от 1 до 125, что должно обозначать степень близости пар слов в исследуемом тексте. Затем проверили общую степень близости – методом, который определяет, имеется ли среди нескольких сотен пар исключительное количество очень близких соответствий. Следует отметить, что исключительно близкие словесные пары находятся не для всех 32 раввинов, а лишь для нескольких (от 5 до 10).

Важно отметить количество отобранных вариантов в этой процедуре, поскольку каждый вариант может стать источником случайной погрешности в результате. Важно не только то, что отбирается, а также то, что не отбирается: поскольку анализ подсчитывает количество исключительно близких пар, постольку то, что не учитываются неблизкие пары, улучшает результат. Кроме того, некоторые опущенные пары могли улучшить один из выбранных вариантов. Авторы выбрали, какие формы записи данных использовать (кроме тех трех, которые они используют, есть еще и другие) и какое из имен отобрать для каждого раввина, но эти выборы не основывались на критериях, которые позволили бы независимому наблюдателю подтвердить сделанный выбор.

«СІ АІ ÈÒÛÀ ÐÀÁÂÈÍ Û» È ÂÎÇÌ ÎÆÍ ÛÀ Î ØÈÁÈÈ Ì ÁÒÎÁÁ

Марк Твен говорил: «Есть ложь, есть чудовищная ложь, и есть статистика».

Дело в том, что даже серьезно настроенные люди, анализируя данные при помощи различных методов, могут прийти к статистически необоснованным результатам.

В примере со знаменитыми раввинами поражает количество случайных аспектов методики, основанных именно на этом, а также на утверждении, что исследования показывают, насколько близки пары слов. Как я уже объяснял выше, мера близости определяется номером от 1 до 125. Если показатель невысок, то это не обязательно значит, что слова расположены близко в нашем с вами понимании этого слова. Скорее, здесь сравнивается близость РБП, связанного с парой слов, и некоей не-РБП, связанной с этой парой.

Математики часто говорят о натуральном методе и натуральных объектах. Можно дать и такое определение натуральности: если какой-то другой математик будет пристально изучать предмет исследования, он найдет схожий объект. В этом смысле я считаю метод распределения по степени близости ненатуральным – я имею в виду метод в целом, который по причине его сложности здесь нельзя описать, а не только последний шаг, распределение порядковых номеров от 1 до 125.

Эта ненатуральность меня смущает и внушает подозрение, что авторы пришли к своей системе измерений путем экспериментов с несколькими данными – возможно, с данными по нескольким знаменитым раввинам. Учитывая, что другие аспекты их анализа придают незаслуженное значение нескольким избранным исключительно «близким» парам. Предвзятость, даже непреднамеренная, этого метода, может завести слишком далеко.

Хочу подчеркнуть: я вовсе не утверждаю, что это заведомый обман. Побеседовав с профессором Рипсом, я понял, что он искренне верит в то, что написал. Но уже то, что люди, пытаясь что-то расшифровать, разработали специальный метод, наводит на мысль, что они неминуемо должны были что-то обнаружить. В подобных ситуациях, когда применяется надуманная методика, небольшое, пусть непредумышленное допущение в методе может иметь серьезные последствия.

«СІ АІ ÈÒÛÀ ÐÀÁÂÈÍ Û» È ÂÎÇÌ ÎÆÍ ÛÀ Î ØÈÁÈÈ Á ÁÁÍ Î ÛÕ

Анализ во многих аспектах зависит от точности используемых данных. В нашем случае данные делятся на две части: с одной стороны, текст Книги Бытия, а с другой – список раввинов с именами и датами.

Что касается текста Книги Бытия, мы знаем, что есть несколько незначительных отличий между текстом, который принят сегодня, и тем, который использовался ранее. В трактате Кидушин (30а) говорится,

что мы уже не разбираемся в различных возможных гласных буквах, таких, как «йуд» и «вов». Эти различия не влияют на смысл текста, однако могут существенно менять коды. Лишняя буква в РБП уничтожает саму РБП!

Одно из возражений по поводу неточного текста заключалось в том, что результат может быть даже лучше, чем «настоящий» текст. Это полная чепуха. Четыре из миллиона – это не просто хороший результат, это результат фантастический. Если оригинальный текст был бы так хорош, случайные перестановки данных неминуемо ухудшили бы ситуацию, поэтому второе возражение неизбежно.

А оно таково: если мы ищем доказательства того, что Б-г расположил в тексте коды, мы, естественно, можем вообразить, что Он расположил их не в изначальном тексте, а в том, которым, как Он знал, будут пользоваться в эпоху компьютеров. Вследствие произвольной природы анализа, мы также должны предположить, что Б-г написал Тору, имея в виду именно этот определенный анализ и именно этот список имен, которым пользовались исследователи. Столь сложное построение не убедит никакого скептика.

Проблемы метода, выбранного так, чтобы он соответствовал данным и неточному тексту, заставляют сомневаться в анализе, но самый важный повод для сомнений я оставил напоследок. Это касается зависимости результата от конкретных вариантов имен раввинов. Поскольку используемая «мера близости» так связана с несколькими исключительно мелкими параметрами, то результат во многом зависит от включения тех немногих имен, которые соответствуют этим параметрам. Он зависит не только от того, какие имена выбираются, но и от того, какие имена исключаются, поскольку исключенные имена могут обеспечить переделанному списку больший уровень близости.

Это положение проиллюстрировано в некоторых работах Бар-Натана и Маккея, математиков, которые решили проанализировать работу Рипса и его коллег, чтобы проверить, насколько она обоснована.

Они представили список имен умеренно знаменитых раввинов, который несколько отличается от списка в работе Уитцума и его коллег.

Из списка написаний имен Бар-Натан и Маккей взяли около 51 варианта написания, несколько изменили написание четырех, исключили 15 и добавили 24 других написания. По поводу каждого из добавленных ими написаний они приводили доказательства того, что выбор оправдан.

Внеся изменения, они повторили анализ «Войны и мира» в переводе на иврит. И результаты показали... что по этому списку раввины закодированы в романе Толстого!

Я уверен, что в Интернете будут яростные споры об обоснованности каждого внесенного ими изменения, но для меня важно то, что с этими простыми изменениями результаты Уитцума и коллег в корне (!) изменились, что доказывает: пример «Знаменитых раввинов» полностью зависит от определенного выбора имен, и это заставляет сомневаться в обоснованности всего предприятия.

[1] M. Drosnin. *The Bible Code*. Simon and Schuster, New York, 1997. (נִי. הַאֵלֶּה הַיּוֹדִים בְּיַד הַיְיָ «Эти имена в руке Господа»)

[2] D. Witztum, E. Rips, Y. Rosenberg. *Equidistant Letter Sequences in the Book of Genesis*. *Statistical Science* 9(1994). P. 429-438

АНАЛИЗ КАЛА

Éáíí eá Dááçéóíáíéé

Èçáéíýþííí áðáá ááí àí è, íí èáéíáá òáí à – òáéíáí íàçáí eá

Òáí à æá – íéííí í á í òíéóðáòóðó 19 ááíóòáòíá ÁÁ í áíðíáá ñ ááðýí è. Áííðóóíáý á ÑÓ, ááíí òíéóðáò Óíðéííá, á íòááò íá çáíðííííí áòíðá Í áðíííáé, íèáçáé: «Í á òðííí.. íáí è çí ááòá ÷òí, ííí áííýòóííá áóááò».

Насчет «вонять не будет» – не согласен. Уже воняет – к счастью, на весь мир (если бы не вышло в мировые СМИ, если бы не резкая позиция Израиля – в России бы вообще «замяли дельце», российская общественность, как ей и положено, воды в рот набрала – отмашки сверху ведь не было). А воняет, потому что «не трогают», точнее – не убирают.

Тем не менее с самим определением, которое Генпрокурор дал депутатскому письму, трудно спорить. Термин хоть не юридический, но точный, выверенный.

Меня, понятно, заинтересовали избранники народа. Их было 20, этих «неизвестных депутатов», из которых 19 побоялись поставить свои подписи под текстом письма, опубликованного какой-то «газетой» «Русь православная». Затем, при первом сигнале тревоги, они начали тихо-тихо расползаться как тараканы. Но громко заявил о снятии своей подписи лишь один депутат – Чуев. Ну что ж – его из дальнейшего рассмотрения исключаем. Остается, стало быть, 19 истинных и немых бойцов. 19 – немного, но и один в поле воин, если он – Воин.

Партийная принадлежность: 13 из «Родины» (всего членов фракции 39, так что – каждый третий), 6 – из КПРФ.

Антисемитизм – удел темных масс? Ошибочка! Перед нами – генерал армии Игорь Родионов (экс-министр обороны РФ Родионов, прославленный еще «Тбилисской битвой!»), генерал-полковник, генерал-лейтенант. 2 академика Российской академии естественных наук, академик Академии сельхознаук. А уж докторов наук! Доктор юридических, и исторических, и политических, и технических... В общем – 4 доктора, все остальные (за редким исключением) – доценты с кандидатами. Старые (75 лет) и молодые (42 года), мужчины и одна прелестная дама, г-жа Ирина Савельева, москвичи и представители живой провинциальной интеллигенции... А какое образование – МГУ (2 человека), МФТИ, МГИМО, Ленинградский университет, Военная академия Генерального штаба (3 выпускника) и т. д. и т. п. И уж кстати – всего-то один (Н. Павлов) в прошлом, говорят, сидел, да и статейка какая-то пустяшная – не то грабеж, не то разбой...

Да, национальная элита, «не зря на нас надеется страна – священные слова “Москва за нами!”, мы помним со времен Бородина!»

Известно, что в любом конфликте (тем более национальном) обе стороны обороняются. Вот и «представители русской общественности» решили перейти к активной обороне – «пресечь безнаказанное распространение еврейского национального и религиозного экстремизма».

В начале письма, в разделе абсолютно точно названном «Кто кричит “держи вора”?» они с детской непосредственностью объясняют свои тревоги: в России начало расти количество дел по ст. 282 УК РФ о «разжигании национальной розни». «Подавляющее большинство этих дел инициируется еврейскими деятелями или организациями, обвиняющими своих (?) ответчиков в “антисемитизме”». Отсюда следует прямой и логичный вывод – надо запретить эти еврейские организации!

Следующее письмо в прокуратуру логично было бы написать представителям «нарко-общественности»: ссылаясь на большое число дел о продаже наркотиков, закрыть комитет по борьбе с незаконным оборотом наркотических веществ и привлечь его руководителей к ответу... Ну-с, идем дальше.

В разделе письма «Мораль еврейского фашизма» авторы приводят массу выдержек из «иудейского свода законов “Шулхан арух”», скромно добавляя, что составлен этот свод «несколько столетий назад на основе Талмуда». Конечно, от цитат из этого «Шулхан арух» никому мало не покажется: «Его (нееврея) семья рассматривается как семья скотины» – это еще не самое резкое. Есть и практические предписания: «Еврейке не следует помогать нееврейке при родах», «Запрещение обучать неевреев ремеслу».

Что ж, всё это интересно как памятник истории, теологии, философии... Но политика-то здесь при чем? А вот при чем: эти предписания «и по сей день не только теория, но и практика». Из этого следует, что жены и матери наших депутатов при родах не имели дела с «еврейками акушерками и гинекологами», – может быть, имели дело с гинекологами-евреями? Кроме того, ни в школе, ни в ВУЗе никому из них, как ни странно, не встретился учитель или профессор еврей. Это весьма удивительно – но ведь и результат обучения этих депутатов тоже довольно странный, не так ли?..

В разделе «Провокаторы и человеконенавистники» наши депутаты пишут, что «множество антиеврейских акций во всем мире устраиваются самими евреями с провокационной целью». Ну, кто не знает, что «унтер-офицерская вдова сама себя высекла», евреи устраивали погромы, Холокост... А может, и это письмо евреи организовали? Не грех бы авторам приглядеться попристальнее друг к другу!

Ну, о таких мелочах еврейской гастрономии, как употребление крови христианских младенцев, можно долго не распространяться.

И конечный вывод – еврейская религия антихристианская и человеконенавистническая, форма сатанизма.

В этом письме нет ничего оригинального. Такие тексты все эти «Русь-православные» охалками печатают в каждом номере, собственно, ничего другого они и не печатают. Необычно лишь одно – подписи членов парламента. Вот это – сенсация. В Европе подписать такой текст – совершить самоубийство. В России – собрать голоса на будущих выборах.

Путин сказал, что ему стыдно за антисемитизм. Да, президенту России тут есть чего стыдиться. Посмотрим, заставит ли он устыдиться самих подписантов?

«БЫТЬ ИЛИ ЧУВСТВОВАТЬ?»:

ПРОБЛЕМЫ ЕВРЕЙСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ У ПОТОМКОВ СМЕШАННЫХ БРАКОВ

Александр Рапопорт

Культурно-просветительское общество российско-еврейской интеллигенции «Ковчег», возглавляемое издателем Феликсом Дектором, в подмосковном пансионате «Песчаный берег» провело семинар, посвященный самоидентификации людей, родители которых принадлежат к разным этносам.

В рамках семинара состоялось обсуждение новой книги кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН Елены Носенко «Быть или чувствовать?» (М.: Институт востоковедения РАН; «Крафт +», 2004). Книга имеет подзаголовок: «Основные аспекты формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России». Книга написана на основе бесед с 83 респондентами, у которых один из родителей – еврей. Собеседниками автора были мужчины и женщины в возрасте от 18 до 75 лет из различных социальных слоев: учащиеся, пенсионеры, бизнесмены, врачи, представители технической интеллигенции, гуманитарии.

Отвечая на вопрос о названии «Быть или чувствовать», Елена Носенко сказала, что выбрано оно с целью заострить проблему. Существует крайняя точка зрения, которой придерживаются многие и, в частности, главный раввин Великобритании, утверждающий: «Евреем нельзя себя чувствовать. Евреем можно либо родиться, либо стать». А Елену Носенко, как исследователя, интересовало именно самоощущение тех, кто с рождения поставлен перед выбором и самостоятельно решает, к какой нации и культуре примкнуть. На основании своих опросов исследовательница выделила четыре группы людей.

К первой относятся те, кто никак не ощущает или активно отвергает свою еврейскую составляющую, евреем быть не хочет.

Вторая группа – это люди, которые свое еврейство не отвергают, но относятся к нему равнодушно. Они ощущают свою связь с еврейством только в ситуациях проявления антисемитизма по отношению к себе или другим людям – в печати, на службе, в быту. По терминологии Е. Носенко, это негативный тип самоидентификации.

Третья группа: очень распространенный «раздвоенный» тип, когда люди в каких-то ситуациях чувствуют себя русскими, а в каких-то – евреями. Они говорят: «я чувствую, что я отчасти еврейка», или «я наполовину еврей», или «да, что-то есть во мне еврейское». Они затрудняются определить себя однозначно.

Наконец, четвертая группа: люди с осознанной самоидентификацией, не только по рождению, но прежде всего по интеллектуальному предпочтению. По терминологии Е. Носенко – «новые евреи» (никакой параллели с «новыми русскими» здесь нет). Их самоидентификация отличается от прежней, дореволюционной, которая на данный момент утрачена. В какой-то степени у «новых евреев» она возрождается, но всё-таки это уже другое сознание.

Если подводить количественный итог, то, по данным исследования Е. Носенко, дети от смешанных браков в большинстве своем не ощущают себя евреями и не стремятся ими стать. Такова общая тенденция.

Разговор об этой книге перерос в обмен мнениями о том, что такое «еврейская самоидентификация», из каких составляющих она складывается, на каком этапе формирования личности человек задумывается о своих корнях.

***Àèààèì èð Ñíàèèí, àíèòíð ìíèòíèíàè-àíèèò íàóé, àèàààì èé
Ðííèéíèé àèàààì èè íáðàçíààíèý, àèðàèòíð Óàíòðà ìòèèéíàè
íáðàçíààíèý ÐÀÍ:***

– Говоря об идентификации, следует отдавать себе отчет, что это очень сложный психологический процесс. Наше «Я» носит много шляп: я – мужчина, я – отец, я – еврей, я академик и так далее. В разных смысловых ситуациях мы актуализируем разные идентичности, в зависимости от того, с какими личностными проблемами сталкиваемся и какие задачи решаем. Более того, я не могу одновременно актуализировать все свои идентичности. Сама по себе идентификация – это механизм решения человеком определенных смысловых задач. Если я себя к чему-то отношу, с кем-то идентифицируюсь – я решаю какой-то вопрос. Иудей вообще – это непонятно. Я иудей не тогда, когда вхожу в троллейбус и плачу за билет: в тот момент я пассажир. Но в какой-то ситуации я актуализирую свое еврейство.

Самоопределение – сложная когнитивная задача, возникающая в разных контекстах. В одном контексте мой респондент, студент из Махачкалы, актуализирует себя как мусульманин по параметру активности, а в другом контексте он же актуализирует себя как христианин по параметру доброты. Разве это не удивительно?

Коллеги, возможно, читали мою статью, написанную в 1993 году, об исследовании еврейских подростков: были предложены национальные стереотипы «грек», «русский», «еврей», понятия «мой идеал» и «мой антиидеал», по отношению к которым еврейским школьникам предлагалось себя определить.

Выяснилось, что существует именно такая самоидентификация: «еврейский подросток». По определенным параметрам он себя идентифицирует: «еврей-иудей». Собственное «Я» и «еврей-иудей» у него «стоят» очень близко. Но удивительнее всего то, что понятие «мой идеал» коррелирует у него с понятием «христианин». И когда мы говорим об идентичности «здесь и сейчас», формирующейся в контексте русской культуры, возникает своеобразный феномен.

Самоидентификация и сформированность идеалов связаны также с подсознанием. Очень важно, на чем строится идеальное «Я». Оно зависит не только от религиозных стереотипов, но и от героев кино, персоналий, связанных с искусством. Формирование этих вещей связано с подростковым возрастом: именно тогда происходит самоопределение. Подростковый кризис описан во всех учебниках по психологии, отечественных и зарубежных: постпубертатный кризис, поиск себя, соотнесение себя с другими и так далее. Не зря Эрик Эриксон назвал свою книжку «Юность и кризис идентичности». Я предложил бы продолжить проект, начатый в 1993 году. Тогда у нас был довольно большой опрос учеников из еврейских школ Москвы. Сейчас целесообразно повторить его и сравнить изменения за десять лет.

Возможен иной путь рассмотрения проблематики идентичности. Он строится не на анализе соотношений «Я-реальное» и «Я-идеальное», а на другой логике изучения идентичности. Иной подход может быть построен на анализе трех факторов: культура, поведение, эмоциональная включенность.

Сначала о том, что касается культуры. Насколько люди включают себя в культуру определенного этноса? Между прочим, все модели работы с мигрантами находятся в этой области.

Существует четыре типа людей: первые знают и свою, и чужую культуру; вторые не знают свою, зато знают чужую; третьи знают свою, но совершенно не знают чужую; и последние – не знают никакой культуры.

Можно создать такую же таблицу по поведению: например, соблюдает традиции – не соблюдает традиции. Приехал в Израиль, свининку зажарил в субботу, шашлычок покушал – приемлемо это для вас или нет? Так выявляется поведенческий аспект.

Эмоциональный же аспект – это очень тонкий момент: эмоциональное принятие и сопереживание своему или чужому, как своему. В книге Елены Носенко особое внимание уделено именно эмоциональному отношению к своему еврейству или к тому, что человек находится в двойственной ситуации. Кстати, Фрейд гениально разыгрывал этот аспект на антисемитских и еврейских анекдотах для проверки: свой или чужой. Ведь анекдот либо эмоционально понятен, либо не понятен. Приведу пример. Идут дедушка с внуком, птичка капает дедушке на шляпу. Он ее снимает и говорит: «Ну вот, смотри, Мойша, а православным они поют...» Либо мы на это откликаемся, либо – нет. Другой пример эмоциональной включенности: за кого я тут в России переживаю – за «ЦСКА» или за «Маккаби»? Ведь это предпочтение говорит о многом! Поэтому в своих исследованиях мы обязательно учитываем знание культуры, поведение и эмоциональную составляющую.

По моему мнению, изучать еврея в России, не соотнося его с русским и другими этносами, неправильно. Некоторые мои коллеги считают, что надо соотносить данные наших исследований еврейских подростков с данными израильских подростков. Я бы сказал, для «дизайна» исследования действительно важно сравнить подростка из Израиля с еврейским подростком из Москвы. Но когда мы говорим о еврейском подростке из России, то необходимо всё-таки исследовать и русского подростка: по отношению к терроризму, к реалиям русской культуры, к религии.

В ходе исследования мы опросили 800 русских и 400 еврейских студентов. В анкете был вопрос: национальность отца и национальность матери. Есть подростки, назвавшие себя русскими, у которых мать и отец русскими не являются. Таких было 0,4%. Соответственно, есть и такие студенты, которые назвали себя евреями, хотя ни мать ни отец евреями не были. Таких было 5,6%.

Вдумайтесь: это почти каждый двадцатый студент! Что же происходит? Это стремительный возврат – через поколение – к своим корням. У русских студентов 85% тех, у кого оба родителя русские. У евреев таких студентов 49%, когда оба родителя евреи. Около 22% – когда мама еврейка, отец русский, и 23%, когда папа еврей, мама русская: вот это и есть тема книги Елены Носенко и тема сегодняшнего семинара. Среди тех, кто идентифицирует себя как еврей, примерно каждый второй – полукровка. А каждый двадцатый – это тот, у кого еврей дед или еврейка – бабушка.

Это очень серьезная тема для современного мира и, в частности, для межкультурных контактов. Два года назад в Израиле была устроена огромная конференция по демографии. Оказывается, везде, где есть крупные еврейские диаспоры, существует проблема смешанных браков. Как вести в этом случае национальную политику? Может быть, потомков таких браков считать евреями, поскольку по всем демографическим тенденциям еврейское население стремительно уменьшается (то есть самоидентификацию считать ключевым параметром)? Ведь если не задумываться о появлении «новых евреев», то популяция стремительно сократится. Мы читали статьи о том, что произойдет с Россией через 15 лет, когда ее население будет составлять лишь 100 миллионов человек. Почему мы думаем, что с численностью евреев дело будет обстоять лучше, если значительная их часть живет в диаспоре? Какое чудо должно произойти, чтобы они не вступали в смешанные браки?

У полукровок очень важен гендерный аспект. Девушки и юноши национальность выбирают по-разному. По нашим данным, для мальчиков самоидентификация не зависит от мамы или папы: половина опрошенных ориентируются на отца, половина – на мать. А вот для девочек национальность матери играет определяющую роль при самоидентификации себя как еврейки. От этого зависит зачастую и выбор будущего супруга, и отношение к супружеству, переживание своей успешности, тип эмоциональности и так далее.

Для живущей в диаспоре группы увеличение числа смешанных браков неизбежно. Противостоять депопуляции евреев следует воспитанием и развитием еврейской идентичности. В этом смысле очень важно еврейское образование, возрождающееся ныне в России. Детские сады и школы, профессиональные и технические училища, высшее образование – вся вертикаль должна быть задействована в этом важном деле. Также должны существовать общественные структуры, обеспечивающие людям возможность включения в еврейскую среду.

***Είπα Διάσειά, ατέοιδ γέιιι έ-ατέο ίαοέ, çàààòpùäý
ëàáíðàòíðèæέ γέιιι έ-ατέέ möèîëîæè ÈÑÝÍÍ ÐÁÍ, çàñëóæáííúé
ääýòæüí áóéè ÐÔ:***

– В 1996 году вышла моя книга «Евреи постсоветской России – кто они?», основанная на опросе тысячи евреев из Москвы, Петербурга, Екатеринбургa и Ростова-на-Дону – по 250 респондентов от каждого города. В этом году мне предложили повторить исследование 1995 года. Но так как средств на это выделили немного, то в опросе мы ограничились Москвой: это 250 респондентов.

Цель опроса 2004 года состояла в том, чтобы выявить перемены в составе евреев и в разных сторонах их жизни, аспектах их поведения. Изучались перемены в сфере их труда (профессионально-должностной состав работающих, стабильность мест работы, зарплаты), перемены в образовательном составе, в семейном положении, в религиозной ориентации. Также изучались перемены в оценках антисемитизма в России, в миграционных установках и планах на будущее. Наконец, выяснялось, как изменилась картина национальной самоидентификации евреев Москвы. В настоящее время обработка результатов закончена и получены динамические таблицы.

Назову главные перемены.

Во-первых, изменилась картина занятости: сократилась доля занятых на государственных предприятиях и в 2 раза выросла доля занятых на частных, коммерческих предприятиях. Выросла доля занятых индивидуальной экономической деятельностью: торговлей, посредничеством, дилерством. Сократились доли занятых в сфере науки и инженерного труда, выросли доли занятых в сфере услуг и управления. Эти перемены отражают становление в России рыночной экономики.

Во-вторых, несколько изменилась картина национальной самоидентификации, то есть структура ответов на вопрос: «Кем по национальности вы себя считаете?» Выросла доля тех, кто считает себя русскими (с 3% в 1995 году до 10% в 2004-м) и полукровками. Соответственно, незначительно снизилась доля считающих себя евреями.

В исследовании выявился парадоксальный факт: из числа лиц, опрошенных как евреи, оказалось, что одна треть евреями себя не считают. Отбор людей для опроса осуществляли квалифицированные интервьюеры, опрашивали они частично своих знакомых (по методике «снежного кома»), частично тех, кого находили в еврейских организациях. При этом, конечно, до начала интервью национальность возможного респондента не выяснялась.

В результате оказалось, что 10% отобранных как евреи считают себя русскими, а 23% – полукровками (например, одновременно евреями и русскими). Это – результат общепринятой технологии опросов. Науке остается объяснять этот феномен.

В-третьих, резко снизилась (в 2,5 раза) доля желающих эмигрировать из России. И, напротив, выросла (с 50% до 70%) доля тех, кто на вопрос о планах выезда ответил: «Выезжать не собираюсь». В анкете был вопрос: «Как должны вести себя российские евреи: эмигрировать, жить в России по еврейским обычаям или ассимилироваться?» Оказалось, что установка большинства – «быть евреем, но в России».

В-четвертых, изменилось отношение к Израилю. Наблюдается полная противоположность надеждам 1980-х годов, когда подавляющее большинство евреев связывали улучшение жизни с переездом в

Израиль. Сегодня 40% опрошенных считают, что переезд в Израиль принесет больше минусов, чем плюсов. И только 8% считает, что плюсов больше.

В-пятых, произошла переориентация в отношении евреев к России. Доля тех, кто считает, что их детям лучше было бы жить именно в России, а не в Израиле или в другой стране, по сравнению с 1995 годом выросла с 15% до 37%.

В-шестых, произошел «взрывной» рост численности евреев, участвующих в жизни еврейских организаций. За десятилетие количество еврейских организаций в России заметно выросло. В 1995 году вопроса об участии людей в жизни еврейских организаций в анкете не было, потому что самих этих организаций в значимом количестве не наблюдалось. Сегодня сложилась их развитая сеть. Когда мы задали вопрос: «Являетесь ли вы членом еврейских организаций?» – 60% (!) ответили «да».

Очень заметны различия в ответах на вопрос о вероисповедании: иудаизм или православие. В 1995 году православными считали себя 31%, иудаизма придерживались 24%. В 2004 году доля тех, кто назвал иудаизм, оказалась на 10% больше.

Совсем другой характер носят перемены, касающиеся еврейских языков. «Знаете ли вы иврит?», «Знаете ли вы идиш?», «Обучаете ли вы своих детей еврейским языкам?», «Ходите ли вы в синагогу?» – 10 лет назад эти вопросы были в состоянии «мертвой зыби»: положительные ответы давали единичные респонденты. Сейчас имеются значимые цифры: евреи начали учить языки, начали учить своих детей. Хотя, отвечая на вопрос «Какой язык в семье является основным», 100% ответили «русский».

Очень значимые перемены произошли в оценках влияния евреев на политику в России. Доля критических оценок влияния евреев на политику («оказывают слишком большое влияние») в сравнении с 1995 годом выросла почти в 4 раза. Такой же сдвиг – в оценках влияния евреев на экономику: доля считающих, что влияние евреев на экономику чересчур велико, выросла с 10% в 1995 году до 41% в 2004 году. Опрошенные резко осуждают участие евреев в «олигархических играх», в капитализации российской экономики. Большая доля ответивших считает, что евреям не следует играть значимую роль в российской экономике, в развитии бизнес-структур.

Изменилось отношение к еврейству. В 1990-х годах, в «паспортную» эпоху, чем моложе был ребенок в смешанных семьях, тем реже его записывали евреем. Эта закономерность сейчас не проявилась.

В 1995 году на вопрос «Есть ли антисемитизм в России?» 84% отвечали «да». «Бойтесь ли вы антисемитизма?» – 63% отвечали «да». На вопрос «Возможны ли погромы в России?» около 60% отвечали положительно.

Сейчас эти 60–80% остаются, люди по-прежнему боятся антисемитизма, боятся за свою жизнь. На вопрос «Как власть реагирует на антисемитские акции?» ответы были очень резкими. 90% опрошенных обижены на то, что государство не реагирует на антиеврейские акции в стране.

Ситуация противоречивая: с одной стороны, растет число еврейских организаций, растет вовлеченность евреев в их деятельность, в то же время страх евреев по поводу антисемитизма не становится слабее. А претензии к власти по поводу игнорирования ею антисемитских выпадов увеличились.

В 2004 году в анкету были включены вопросы о еврейской общине. Что такое еврейская община? Лидеры российского еврейства широко пользуются этим понятием, постоянно говорят от имени еврейской общины России, но смысл этого понятия не раскрывают. По одним оценкам, «община» – это все евреи России, включая тех, кто не проявляет никакой еврейской активности. По другим оценкам, «община» – это только лидеры еврейских организаций, активное ядро. Поскольку это понятие не имеет четкого определения, то возникает расхождение с международным социологическим словарем, где «община» определяется как большая семья, система неформальных взаимоотношений.

В дискуссиях, идущих на эту тему, выявляется, что многие их участники, говоря об общине, имеют в виду еврейские организации. Но «община» и «организация» в социальном отношении разные феномены. Сумма организаций не образует общины.

Новый этап трансформации России рождает новые проблемы, касающиеся российских евреев. Изучение этих проблем важно для понимания общих тенденций перемен в российском обществе. В

частности, нужны исследования по проблемам русского национализма – его генезиса и масштабов распространения.

Àëàèíàí äð Ñëíàëüü èëíá, èáí äëääò ýéííí è-áñëö íàóé, äíöáí ò èàòááðí ðöëíëíáëè ðàí íë ðöëíëíáë-áñëíá òàéóëüòàòà Ì ÁÓ:

– Моя тема – исследование еврейского самосознания в России. В ходе своей работы я сталкивался с различной аудиторией, но всегда смешанной. Как говорится, без очков было видно, что смешанных семей в аудитории больше, чем чисто еврейских. Коль скоро мы говорим о проблеме еврейского самосознания у потомков смешанных браков, то я не согласен с мнением, что евреем можно или быть, или не быть. Есть много промежуточных вариантов. И с ними мы имеем дело в реальности. Если человек смешанного происхождения, то у него и самосознание тоже смешанное. Елена Носенко выделила четыре группы и определила, что среди людей смешанного происхождения обладатели ярко выраженного еврейского самосознания составляют меньшинство.

Когда же эти семьи – по разным причинам, в основном не национального характера – оказываются в Израиле, там их самосознание меняется. Впрочем, у многих оно колеблется и здесь. Промежуточная группа в этой среде составляет большинство: ее самосознание частично русское, частично еврейское. И в какую сторону оно склоняется, зависит от того, какая сторона согласна их принять, какая дает им лучшие условия.

Кафедра социологии семьи МГУ проводит исследование о влиянии религиозности на семейную жизнь. Это исследование охватывает христиан, мусульман и иудеев. В анкете есть вопрос о национальной принадлежности и о том, на каком основании вы причисляете себя к той или иной национальности. Списка подсказок национальностей нет, поэтому у меня оказалось много вариантов ответов: русский, еврей, полуеврей, был даже ответ: «что-то среднее между русским и евреем». Поскольку анкета касалась религиозных евреев, то людей, которые определяли свое еврейство по отцу, было в два раза меньше, чем тех, которые определяли еврейство по матери. Меня удивило, что значительная группа людей определяли свое происхождение даже не по папе или маме, а по бабушке или дедушке! Их численность сопоставима с группой людей, которые считают себя евреями потому, что евреями считают их другие. Мне казалось, что вывод своего еврейства из одной четверти примеси еврейской крови – это какой-то казус. Но выясняется, что это не совсем казус!

Откуда взялись внуки, определяющие себя как евреи? Я думаю, что это радостная для нас новость, потому что она продлевает сроки существования еврейской жизни в России. И это парадоксальная новость, идущая вразрез с данными, например, американских социологов: там много людей, у которых либо отец, либо мать неевреи. И лишь очень немногие, кто вступил в брак с неевреями, думают, что их дети (которые евреи по бабушке и по дедушке) действительно являются евреями. Сами родители придерживаются весьма пессимистической точки зрения о том, станут ли их дети евреями, если сами они – половинка, а другой супруг вообще никакого отношения к еврейству не имеет.

И вот выясняется, что в наших условиях категория внуков, идентифицирующих себя как евреи, существует. Я могу дать этому два объяснения. Первое: люди, ознакомившись с алохическим определением о передаче еврейства по материнской линии, признают его, хотя прежде оно казалось им странным. Второе: люди, узнав об израильском законе о возвращении, а также о поправке к нему, дающей право на репатриацию внукам, ухватились за этот закон, поскольку он им в данный момент выгоден. Если молодые ребята могут поехать в Израиль по программе «НААЛЕ» или по другим программам, то они выводят свое еврейство из бабушки или дедушки, что 15 или 20 лет назад показалось бы полным нонсенсом.

Есть еще одно объяснение выведения еврейства от деда или бабушки. Чем наша ситуация отличается от американской? В Америке дедушка и бабушка – это дальние родственники. Там всегда существовала традиция нуклеарной семьи. А в России расширенных семей очень много. Они не всегда совместно проживают, но всё-таки дедушку и бабушку рассматривают как членов семьи. Они принимают активное участие в воспитании внуков и могут оказать активное влияние на их еврейское самосознание, чего не происходит в западных странах.

«Возвращение» внуков – это действительно радостная для нас информация. Продление сроков еврейского присутствия в России до бесконечности, думаю, невозможно. А вот насколько надолго это возможно – зависит от гибкости израильских законов и практики их применения, а также от практики здешних еврейских организаций. Если еврейская организация не приспособливается к тому, что ее члены – это не только евреи, но и члены смешанных семей, что это дети евреев и внуки евреев, я думаю, она просуществует недолго.

***Ī adē Eōīīāāööéé, yōīīāāī īāāō, ēmīīēīēōāēūūūé äēdāēōīō
Dīīēēēī-āī ādēēāī nēīā ōāī ōdā āēāēāēñōēēē ē ēōāāēēē DĀĀŌ:***

– Люди этнически смешанного происхождения являются чрезвычайно интересным объектом исследования. Поэтому книга Е. Носенко для меня очень важна. Метод, которым пользовался автор, хорошо известен в западной социологии и культурной антропологии. Это так называемое «глубокое интервьюирование». Такие исследования ставят целью качественный анализ тех или иных социокультурных феноменов, в том числе и этнической идентичности. При этом количественный анализ проблемы не входит в круг задач подобных исследований. Анкетные исследования этнической идентичности евреев и лиц смешанного происхождения, которые проводились в постсоветской России, не дали, на мой взгляд, цельной картины в силу объективных сложностей этого феномена. Монография Елены Носенко заполняет вакуум по этой проблематике.

Сложность в том, что любая социологическая анкета резко сужает возможности получения информации, особенно в смысле глубины самоанализа. Владимир Собкин приводил данные опроса 400 студентов-евреев. Это интересные данные, но как формулировки вопросов, так и формулировки ответов дают большой простор для интерпретаций. Эту серьезную проблему Елена Носенко отчасти решает.

Автор удачно концентрирует внимание читателя на том, что является поворотным пунктом для формирования еврейской идентичности у большинства ее респондентов. Выясняется, что этническая идентичность у потомков этнически смешанных браков окончательно формируется не в детском и не в подростковом, а в достаточно зрелом возрасте. На это влияют два фактора: во-первых, проявления антисемитизма, во-вторых, контакты с еврейскими организациями, когда люди туда приходят. Это первый важный вывод.

Далее хочется подчеркнуть значимость таких факторов, как ощущение сопричастности еврейскому культурно-историческому наследию, а также происхождение. Для людей этнически смешанного происхождения, судя по их ответам, существенна именно последняя составляющая. Хочу отметить, что между ответами респондентов и одним из выводов автора есть, на мой взгляд, явное расхождение. При ответе на вопрос «Кого считать евреем?» большинство опрошенных Еленой Носенко подчеркивают: «Человека, в жилах которого течет еврейская кровь». Однако в конце книги делается вывод, что важнейшим

фактором, определяющим этническую идентичность респондентов, является их ощущение «общности исторической судьбы с еврейским народом».

Есть поведенческий стереотип, о котором говорил Владимир Собкин, есть знания о культуре, есть происхождение – и есть то, что мы называем самосознанием. Для людей этнически смешанного происхождения существенна именно последняя составляющая. Она чрезвычайно непроста, ее невозможно оценить количественно. Выскажу предположение, что ответы на вопрос о национальности всегда будут неоднозначны. И необязательно, чтобы у такого человека было двойственное сознание.

Возможно ли вообще двойственное этническое самосознание? Есть ситуативные проявления, в которых один и тот же человек может искренне идентифицировать себя то с одним народом, то с другим. В этом случае всё зависит от контекста. Постоянство процесса самоидентификации действительно ярче проявляется у человека смешанного происхождения: у него есть больше возможностей для выбора.

Вторая интересная проблема заключается в следующем: всё-таки «быть или чувствовать»? Между советской властью и ортодоксальным раввином в Израиле напрашиваются некоторые параллели. Советская «юридическая национальность», записанная в паспортах граждан СССР, и определяемая Алохой принадлежность к евреям часто имеют весьма отдаленное отношение к самосознанию тех, кто считает себя евреем. В этом смысле можно быть русским по паспорту, неевреем по Алохе и при этом ощущать себя евреем.

Вот хороший пример. В 1980 году, методом «снежного кома», я провел исследование брачных предпочтений московских евреев и людей этнически смешанного происхождения, заключивших браки в период между 1968 и 1980 годами. Опрос охватил родственников, друзей, коллег, их родных и знакомых. В результате была получена выборка около тысячи супружеских пар, в которую попали около 350 человек этнически смешанного происхождения. Результаты, которые я получил, были для меня неожиданными. Более половины девушек и около трети молодых людей этнически смешанного происхождения, согласно полученным данным, вступили в браки или с евреями, или с людьми такого же этнически смешанного происхождения. Значит, у этих молодых людей и девушек, в том числе неевреев по Алохе, при выборе брачного партнера – а это немаловажная составляющая этнической идентичности! – были вполне отчетливые брачные предпочтения. Оказывается, при прочих равных условиях еврейское или частично еврейское происхождение мужа или жены играли для них немаловажную роль. Примечательно, что на 95% это были люди, которые по паспорту числились «русскими» и более половины из них не были евреями по Алохе.

Еще один пример. Некоторые активисты еврейского движения в 1970–1980-х годах и в паспортах были записаны как неевреи, и не являлись таковыми по Алохе: к подобному выводу пришли исследователи истории еврейского движения в СССР. Таким образом, можно констатировать, что «юридическая национальность» в паспорте и еврейство по Алохе для людей этнически смешанного происхождения часто не являлись определяющими.

Монография Елены Носенко свидетельствует, что для респондентов старшего и среднего поколений при формировании их этнической идентичности определяющими стали эмоциональные факторы, а для молодого поколения более важен оказался когнитивный фактор. Но в этом интересном результате есть, на мой взгляд, и слабая сторона книги. Среди своих респондентов автор выделяет четыре основные группы: группа с русским самосознанием, группа с – условно говоря – космополитическим самосознанием, группа, названная переходной (мне кажется, ее правильней было бы назвать ситуативной), и группа с еврейским самосознанием. Последняя группа – это в большинстве молодежь, которая работает или учится в еврейских структурах. Представляется, что если человек идет на работу или на учебу в такую структуру, то это сознательный выбор. Получается следующая картина. Большинство людей этнически смешанного происхождения старшей и средней возрастной группы не являются носителями еврейской идентичности, а молодая когорта таковой является, но при этом едва ли можно говорить о корректности выборки.

Противоречивость и кризисность идентичности характерны не только для людей этнически смешанного происхождения. Кризис еврейской идентичности имел место на разных этапах. После разрушения второго Храма раввины не обсуждали проблему: должен ли еврей верить в Б-га. И не обсуждали этого еще почти тысячу лет. Поэтому то, что называется еврейской философией, появляется только в раннем Средневековье. Почему это не было значимой проблемой? Потому что вопрос, который поставили раввины перед еврейством, звучал – я упрощаю – так: хочешь остаться евреем – следуй Закону. Тот, кто не принимал подобного подхода, зачастую уходил к христианам или мусульманам. Вплоть до конца XVIII века господствовала традиционная еврейская идентичность, основанная на следовании Алохе. А затем

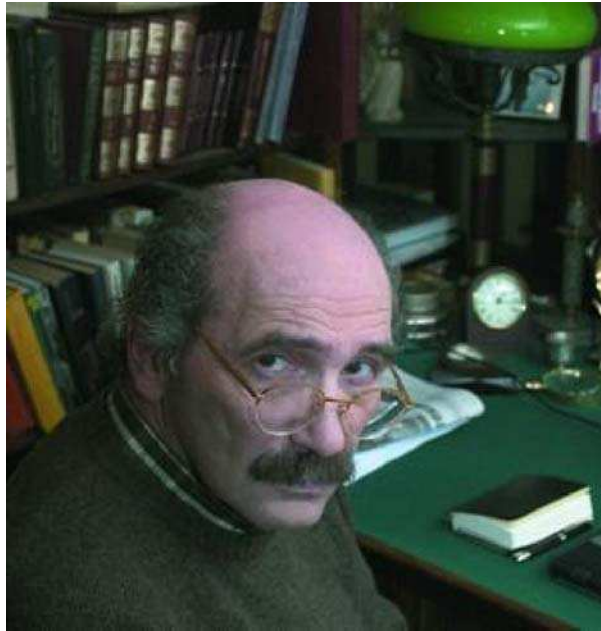
эта модель оказалась в состоянии кризиса, что породило новые концепции в рамках реформистского и консервативного иудаизма. Впрочем, эти концепции не затрагивали важнейшего в самосознании евреев: еврейская идентичность продолжала сохранять преимущественно религиозный характер. В конце XIX века религиозная еврейская идентичность испытала очередную фазу кризиса в ходе бурно развивавшихся тогда процессов секуляризации.

Секулярная еврейская интеллектуальная элита конца XIX – начала XX века в этой ситуации предложила свои альтернативы. В их понимании еврейская идентичность трактовалась как этническая или – в качестве компромисса – как этноконфессиональная. Уточню, что имею в виду прежде всего сионистскую концепцию и взгляды С. М. Дубнова. В том же ряду стоит и советская еврейская идентичность, которая на наших глазах распадается в современной России. Сейчас, в начале XXI века, мы являемся свидетелями очередной фазы кризиса. Он охватывает как традиционную, так и альтернативные ей модели еврейской идентичности.

АЛЕКСАНДР КАБАКОВ:

«ВСЕ, ЧЕМ ХОТЕЛОСЬ БЫ, НО ЛУЧШЕ, ЧЕМ МОГЛО БЫТЬ ...»

Ááááá àáááá Òàòúúí à Ááé

Áééééíáð Èááééíá ìðíéáéééú á éííóá 80-ò ðíí áííí -òòííéáé «Ì ááíçáðáíáíáá», éíòíðúé ñòáé çí áéíáíí ÿáéáí éáí ÿííðé. ×éòáòáéé òíðíóí çíáðò ááí é éáé æòðí áéééíòá, ÷áíðííáá é ííòðíáá.

Á ííéááíáá áðáí ÿ íðíçá Èááééíáá áúóéá íá áéíáíéðúæòáééúíí ñáæééé æòíé. Ðíí áí «Áí ÿííðáééí í» áíçáéé íáðíí íúé éíòáðáí é æèðíééé ááééòíðéé, é ÿééòáðííé éðéòééé. «Ì-áíú éíòáðáíí ðáííòááò Áééééíáð Èááééíá.. - ñéáçéé íááááíí Ááíéééé Áéééíá - Áí ñáðííçíí, áí áííòíááðíí, ñ òáééáðáðééíí ááòáéé. Èáé íááááéééíí ÷òí áéé á 50-ò, íá éáééò éíííéáò éáòáéééíí ááòé... Íúóáí éáí áòáðéáéúí íé éóéúòòú - ðáíéáú ááúí...»

Áúóéé á ííáò ííáíá ðáííéáçú é «Ì ííéíáíééá ñéáçéé» í éíáòáéú.

Èòáé, ñ ááééáéúí í áéú «Èáóáéí á» - ðáçáíáíð ñ Áééééíáá ðííí Ááðáí íáé-áí í ááí æéçíáíííí íúòé é òáéíáò ðáí áíéá.

– Саша, вы себя с какого возраста помните и с какого момента?

– Я родился в 1943 году. А помню себя примерно года с 46-го, когда после войны отца послали служить в Оршу, и мы туда с матерью приехали из эвакуации, из Новосибирска, где я родился. У меня и ранние мемуары – лирические воспоминания и размышления о детстве и молодости – так называются: «Далеко эта Орша»...

И вот теперь мне шестьдесят один год. В прошлом году было шестьдесят, что я отметил с неумеренной помпой...

– Сейчас читаю дневники Александра Трифоновича Твардовского (они из номера в номер печатаются в «Знамени») – он въезжает как раз в этот возраст и изобретает дивное словосочетание:

«новизна старости». Целый месяц только об этом и думает, всё время к означенному открытию возвращается...

Ñ ðíàèòàèyù è á áíáí íí ðáí àòíðèè.

Ñí:è. 1953 ãä

– Хорошо сказано. Для меня «новизна старости» (не знаю, для печатного ли это текста, поглядим) оказалась связана с несколькими сильнейшими переменами в образе жизни. Пьющие люди поймут – я бросил пить. Совсем. А пил я сильно.

– Запой были?

– Я не запойный. Я просто год за годом пил каждый день. Каждый – и много. Мой врач даже удивляется: «Не может быть, чтобы при этом не было социальных проблем». Не было. Работал, писал, ходил на службу, ничем от людей не отличался. И практически не бывал пьяным.

– А зачем тогда бросили?

– Печень. Печень у человека одна.

Вообще-то у меня сильная психика, но совсем бросить пить – это, согласитесь, очень сильный стресс. У меня и без того уже давно тяжелая форма депрессии. И всё это совпало с наступлением старости... И остался я с нею один на один.

– Старость (я уже и сама это почувствовала) – как творческое испытание, которое нужно переносить достойно.

– У меня три года – чудовищные испытания. При том что я очень редко меняю работу – за полтора года дважды ее сменил. Сменил и место жительства – переехал из Москвы в подмосковную

деревню. И много чего еще... Меня можно показывать студентам, потому что нормальный человек всего этого никогда не выдержит.

– А плюсы есть?

– Есть. Жуткая активизация писания. За два с половиной года я написал большой роман, который очень неплохо встречен и читателями, и даже критикой, и книгу рассказов, которую на днях закончил и отдал... Помните: «И поражения от победы ты сам не должен отличать»? Я не считаю свой последний роман «Всё поправимо» намного лучше предыдущих, но он... Он имеет успех!

Я на трезвую голову стал писать так, что сделался более понятным другим людям. Мое прежнее – это была умелая литература, но в любом случае это была запись алкогольного бреда.

– Никогда бы не подумала. Мне ваш роман «Всё поправимо» показался чрезвычайно интересным – и художественно, и социально, и психологически.

– Бывает так: два человека говорят между собой, и один из них, в силу того, что он быстро думает, проскакивает некие логические звенья. Проскакивает – и становится непонятен. Так и я: пока пил – постоянно в своих сочинениях многое проглатывал. Для меня что-то ошутимо с полуслова, а для моего читателя – нет. Вот мы с ним и расходились. А на трезвую голову мы с ним взяли и сошлись.

– Но ведь и раньше у вас был сугубо «свой» читатель, и достаточно широкий... Он что – тоже пьяный был (вряд ли), или просто он так же проскакивал некие звенья? Ведь есть люди, которые легко погружаются в метафоры раннего Пастернака, где половина звеньев опущена, а есть – которые не принимают их начисто...

– Да. Так. Но тут оказалось, что просто больше тех, кто теперь меня понимает. Именно теперь.

– Сквозная тема романа «Всё поправимо» – это предательство. Предательство, как таковое, вас вообще волнует. Почему?

– Раньше меня вся эта проблематика не так волновала. А в последнее время я стал если не больше сталкиваться с предательством, то просто отчетливее его замечать. И я решил исследовать это не на понятном мне, заметном материале, а придумать некие ситуации. Например, всю фабулу детства я придумал... Я действительно из семьи военного инженера. Еврейская семья. Еврейское военное окружение – оно не такое уж банальное. Оно специфическое. Оно мною не придумано. Но коллизия – придумана.

– И отец самоубийством не кончал, как в романе?

– Я – из благополучной семьи, и ничего похожего у нас не было. Я придумал коллизии неочевидного (непознаваемого!) предательства. Предательство – вещь метафизическая, когда может быть и непонятно: кто? кого? что?

– А юность героя списана с вашей?

– Да нет. Я не был фарцовщиком – скорее покупал. Я, повторяю, был из благополучной семьи.

– А вас вербовали в органы?

– Вербовать вербовали. Но гораздо позже. Наименее выдумана третья, поздняя, часть. Она не выдумана по коллизии – только в смысле антуража. Я никогда не занимался бизнесом, но я хорошо знаю таких людей.

Тоже непонятно, что произошло: кто-то забрал деньги... Кто-то... Что-то... Куда-то деньги исчезли... Кто-то выживает героя из бизнеса... И при этом говорят все кругом: «Да нет. Мы тебя не выживаем...»

Не то чтобы предательства стало больше – оно стало заметнее. Раньше оно меня не занимало. Я вообще довольно поверхностный человек. Я долго, насколько это возможно для человека умственного труда, вел растительный образ жизни.

– **Что значит «растительный»?**

– Неосмысленный. Писать я всегда писал. Но всё мое писание заключалось в довольно умелом складывании слов. Ничего в этом не было. Ничего. Нуль.

– **Постойте, а когда вы начали писать? Вы же на мехмате, кажется, учились... И уже тогда начали?**

– Я долго ничего по-настоящему не умел. Начинать и бросал. Мне было скучно дописывать. Не любил работать. Был патологически ленивым.

Сейчас-то я очень много работаю – работаю за то, что недоработал в молодости. Феноменально был ленивый! Сплошная... То, что сейчас называется «тусовка». И больше ничего.

Я не умел хотеть. Да, я хотел быть писателем, но ничего для этого не хотел делать. И не делал.

– **А когда оно сдвинулось?**

– Сильно поздно. Я вообще поздний. Я ведь сначала был как бы юмористический писатель. «Литературка» – 16-я полоса. Лауреат премии «Золотой теленок!» «Московский комсомолец»... Так писать я умел. А серьезно писать? Три страницы, а на большее у меня духу не хватало.

– **Ну, юмористы тоже всегда разные были.**

– Мне за те рассказы не стыдно абсолютно. Я их потом собрал в книжку, она при советской власти семь лет пролежала в «Советском писателе», благополучно дожила, ненапечатанная, до перестройки, и я ее сам выкинул. Да. Долго так было: три страницы, ну пять, а на большее меня не хватало.

– **Ну и что же должно было случиться, чтобы?..**

– Я в ранней молодости написал повесть. Я ее недавно нашел. Юношеская, конечно. Но она нестыдно написана. По советским-то временам... По-советски писать мне было противно – я всегда был настроен несоветски. Писать про комсомольские стройки я не мог. И потому еще я не рвался в советские писатели...

– **Но можно было и в антисоветские пойти.**

– Я никакую борьбу тоже не принимал очень рано.

– **А если бы писать, как Юрий Трифонов?**

– Ну, так я не умел... Да я никак не умел! И, повторяю, недостаточно хотел. Но всё-таки эту повесть я написал, было мне лет двадцать семь, и я был немножко знаком – по джазовым делам – с Аксеновым. Я его очень люблю, он меня никогда ничему не учил, мы просто дружим много лет. Я Аксенову эту вещь показал. И он мне сказал (я даже запомнил) – ничего особенного: «Никогда не пиши по свежим впечатлениям...» А у меня там чувства по свежим следам были описаны. И я ничего не стал ни переделывать, ни доделывать...

Серьезно я стал писать, когда мне надоели фиги в кармане. И я начал писать лютую антисоветчину.

– **В каком году это произошло?**

– В 80-м. Мне было уже, слава Б-гу, тридцать семь лет. Читал своим приятелям по юмористическому цеху. Это был мой первый роман – маленький, но я его писал довольно долго. Очень кинематографичный роман. Потом по нему был действительно снят фильм. И с этого момента я стал хоть как-то, чуть-чуть, мало-мальски взрослым.

– **Вернемся вспять, ладно? Кто были ваши родители?**

– Отец – офицер, военный инженер. Мать? Ну, домохозяйка просто, так тогда говорили. Жена офицера.

– **А дедушки-бабушки?**

– По линии матери – мещане купеческих занятий, дед со стороны отца – портной, мастеровой.

– **Русские?**

– Нет, я – стопроцентный еврей. Мать – Фрида Исааковна, отец – Абрам Яковлевич. И при всех ста процентах я – наименьший еврей из всех, кого я знал и знаю.

– **Почему?**

– Если говорить по-честному (это, наверное, очень не понравится читателям), я себя вообще не считаю евреем. Во мне, по моим наблюдениям, очень мало еврейства. Кроме того, я – православный христианин. Крестился взрослым, двадцать лет назад... Насколько это возможно для человека моих занятий и моей профессии (я ведь еще и журналистикой занимаюсь – профессия совершенно не божеская и ужасная), я не только верующий, но и религиозный... Я чувствую себя, конечно, какой-то частью еврейского народа – отторгнувшейся, но частью. Чувствую и всегдашние еврейские муки, особенно те, что пришлось на середину XX века. Я и теперь абсолютно на стороне евреев в ближневосточном ужасе. Никакого, как принято теперь у либералов, признания «своей правоты» за палестинцами, арабами. Евреи, дай им Б-г сил, на переднем крае борьбы с этим кошмаром... А христианство – в заведомом проигрыше. В заведомом. Христианство – оно не сильное и молодое, а старое и усталое.

Но прежде всего, раз и навсегда, – я русский писатель. А каким еще можно быть писателем, если пишешь по-русски? Только русским. И, значит, мой народ как писателя – русский.

– **Но этот вопрос имеет и другую сторону: мы можем себя ощущать так, но нас-то не всегда так ощущают.**

– Ну и что? Кому-то не нравится, что у меня написано в паспорте. Кому-то моя рожа не нравится. Это их, а не мои проблемы. Меньше всего из того, что обо мне подумают, меня волнует, что подумают про мою национальность. Я от антисемитизма не очень много страдал. То есть страдал, конечно,

но я считал, что это не просто антисемитизм, а что это – одна из составляющих советской власти, которую я ненавидел по всем пунктам.

– А разве после крушения советской власти антисемитизма у нас стало меньше?

– Вы знаете, я вообще в народный антисемитизм не очень верю. Какой антисемитизм, если есть такой феномен, как Жириновский? О чем говорить? Есть, конечно, антисемитизм, но он как нелюбовь к очкарикам или вообще людей друг к другу. Меня это касается как одна из социальных проблем, но не больше. Как можно ощущать себя кем-либо, кроме как русским, если ты русскоязычный? Ведь язык – это жизнь. Особенно я не понимаю всего этого, когда разговор – о писателе...

Согласитесь, было бы комично, если бы в Израиле жил человек, по происхождению русский, писал бы о евреях и на иврите, но считал бы себя русским писателем. Зеркальная картина, да? Его бы назвали сумасшедшим. А жить в России, писать о русских и считать себя еврейским писателем – нормально?

– Но в романе «Всё поправимо», особенно в первой части, еврейская тема звучит очень сильно.

– Просто как одна из сюжетных линий.

– Есть там у вас и государственный антисемитизм, и то, как мальчик от него страдает. Выходит, вы всё же к этому равнодушны.

– Я это знаю. Я же сказал, что государственный антисемитизм советской власти прекрасно знал и чувствовал. Меня, например, на работу не брали, а если брали, то вопреки норме... В романе вообще борьба с космополитизмом изображена – это одно из преступлений советской власти. А вообще, я всегда пишу о городской образованной среде. И один раз – об этой ее части, об офицерах-евреях, которых было немало тогда в инженерных войсках...

– Понятно. Пошли дальше. Многие из нынешних молодых людей вообще не понимают, кто такие стилиаги. А вы были стилиага. Как бы вы коротко такому молодому человеку этот феномен объяснили?

– Я был поздний стилиага. Я первых стилиаг моложе на десять лет. Я того поколения, которое Аксенов назвал в повести – «Мой младший брат». Я и есть младший брат настоящих стилиаг, но с юности очень тяготел к старшим. Моя компания всегда были люди постарше. Стилиаги – люди от 32-го до 40-го года рождения.

– Какова этимология этого слова? Кто его придумал?

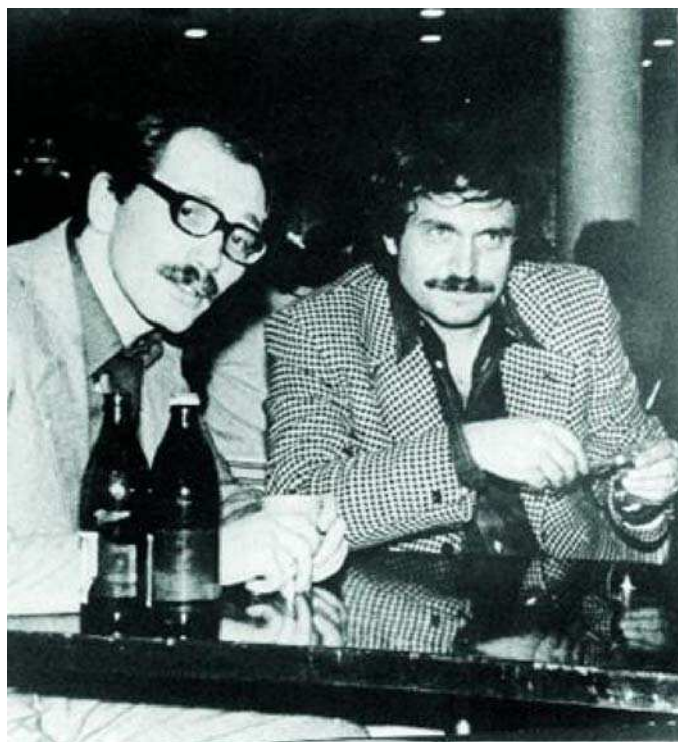
– Придумал «крокодилский» фельетонист. Это не самоназвание. Самоназвание было чуваки.

– А само слово «чуваки» откуда пошло?

– Весь сленг того времени шел от джазовых, точнее, ресторанных музыкантов. А к ним очень много слов пришло из блатной лексики. Чувак – это искаженное «человек».

– Что стилиаги исповедовали?

– Западничество. Первые западники при советской власти были стилиаги. Это была настоящая пятая колонна. Причем не осознававшая себя полностью, а лишь на физиологическом уровне. На физиологическом уровне отвращения даже не к системе, а к сущности этой жизни.

Ñ.À. Àεíñíñáñí íà áεεάçíñí εíñóáððά

Ááñðά εέεúððñ «Ì ññáñðá-ññ». Ì ññάá 1978 ññá

– Ну, не только к сущности – к внешней оболочке тоже. И внешних мотивов как раз было очень много.

– Мы настолько не принимали в с ё, что за этим стояла и сущность. Советское – всё – отвратительно. А там – всё – хорошо.

– А что потом со стилиягами стало?

– Вы знаете, талантливые почти все пробились. Ведь что такое стилияги? Это часть шестидесятников. А шестидесятники – это две части поколения: одну исключали из комсомола, а другая сама исключала из комсомола. Один шестидесятник – это Афанасьев, главный пионер Советского Союза, а другой – его друг, которого он из комсомола, повторяю, исключал. А теперь они все – шестидесятники.

Они были разные. Пробились и те и другие. Стилияги пробились позже и уже на излете советской власти. Это кто со способностями. А те, кто без способностей, те – сгнули. Потому что стилияги были близко к криминалу... Кто спился, кто просто помер рано. А кого власть сгноила. Вылетали из института – и всё. Всё.

– А вы скучаете по советскому времени, ностальгируете?

– По советскому времени не скучаю ни одной секунды. Как ненавидел советскую власть, так и сейчас ненавижу. Ничего ей не простил. Ничего. А по времени скучаю – эстетически. И не по советскому времени, а по мировому времени середины XX века. По классике XX столетия.

Да-да, XX век имел свое классическое время. Оно было очень страшное на самом деле, причем во всем мире. Но эстетически это была классика. От середины 30-х до середины 50-х. По этому времени я скучаю «декоративно», хотя половину его прожил мальчишкой.

А осознанно скучаю не по советской власти, но по Империи.

– Как? Не может быть.

– А я вообще империалист.

– **В каком смысле? И как это совмещается с ненавистью к советской власти?**

– Во всех смыслах – кроме советской власти – у нас была прекрасная страна. И эта страна, на мой взгляд, если бы не субъективный фактор, могла бы оставаться. Империя минус советская власть. Еще точнее: минус запрет на частную собственность.

Да, империи все распадаются. Но все они не похожи на Россию... Я скучаю по Российской империи. Я полагаю, что это было блистательное во всех смыслах устройство – и очень жалко, что оно распалось, повторяю, в большой степени по субъективным причинам. Я в принципе считаю империю более прогрессивным способом устройства общества, чем мононациональное государство. Собственно говоря, в империи можно было прийти к тому глобализму, к которому сейчас пришли без империи. И минуя такие потери и унижения.

– **Вы, наверное, весь Союз исколесили?**

– Я был в командировках – всюду. Да и прожил десять лет на Украине.

– **Как это так?**

– Детство в военном городке.

Место называлось Капустин Яр. Это был первый советский ракетный полигон. После этого надо было где-то учиться – и был выбран Днепропетровский университет, потому что там были ракетные специальности, а я был под большим влиянием отца... Инженер из меня вышел, впрочем, плохой. Я был плохой инженер. Вот и всё. Я учился в Днепропетровске, потом работал в Днепропетровске на ракетной фирме. Украину я не любил никогда, потому что там жил. Мне, естественно, больше нравились те республики, где меньше чувствовалась советская власть. Кавказ (прежде всего Грузия) и Прибалтика. Естественно. И не потому, что мне так уж был приятен тамошний национальный характер. Нет. Я, например, всегда очень сильно чувствовал комическую сторону национального характера – скажем, грузинского. Но и в Грузии, и в Прибалтике видимость, да и сущность была менее советская. И меня это радовало. Там было меньше советской власти. Да-а-а...

Но я и ненавидел всю эту жизнь в целом. Приедешь в журналистскую командировку, с вечера нажрешься, утром просыпаешься в гостинице, подходишь к окну: Ленин, лужа и райком. Где я? Черт его знает. Всё одинаково и омерзительно.

Что я люблю, и очень люблю, так это Москву...

– **За что?**

– Не знаю. Очень романтический город, по моему ощущению. И очень мощная в Москве жизнь изначальная. Даже при советской власти и особенно на ее излете, когда уже многое было можно... Романтическое место. Дикое количество странных людей. И для человека с художественными склонностями эти маргиналы, которые меня всегда привлекали, – подарок.

Где я только не жил! Мы же, семья, происхождением из Курска. Но еще до войны вся семья переехала в Москву. А я, как уже сказал, родился в Новосибирске, в эвакуации, потом часть послевоенного детства прошла в Москве, потом мы уехали на полигон. А уже потом, после Украины, я вернулся в Москву, в 69-м году... И стал я снимать комнаты... На Маросейке жил, недалеко от Шмитовского проезда жил... На проспекте Мира... Потом сменил три квартиры – свои уже... И вот лет двадцать живу на Белорусской. Я вернулся к местам детства. А в детстве я некоторое время жил на улице Горького, угол Фучика, – в доме, который потом сгорел... Но теперь в Москве почти не живу – живу на даче.

– **Саша, я недавно где-то прочла у вас, что вы с годами разочаровались в иронии, которая была столь любезна вам и вашим сотоварищам в юности, – разочаровались, поняв, что она есть едва ли не синоним цинизма. Что пришло ей на смену в вашей писательской интонации?**

– Ирония – таков был стиль общения шестидесятников. А ирония – это и есть цинизм. Деликатный синоним цинизма. Разочаровался? Но тем не менее мои рассказы из новой книги – абсолютно иронические. Ирония – это вообще очень еврейская черта (от себя не уйдешь)... Но чем отличаются мои новые рассказы от того, что я писал когда-то? Ирония теперь у меня плавно перетекает в горестный пафос... Поэтому они не циничные, надеюсь.

Советский народ был весьма склонен к иронии и юмору. Это была такая народно-интеллигентская форма государственного цинизма.

– А мне кажется, что настоящего юмора в советской литературе было маловато. Особенно после разгрома Зощенко...

– В нашей среде юмор был нормальной манерой общения. То, что потом стали называть стёбом. Почему? Потому что – нельзя же принимать всерьёз то, что вокруг тебя делается. Если принимать всерьёз, то надо было идти на площадь.

– Или в острую сатиру...

– Сатиры никакой не было. Нет-нет, надо было идти на площадь, что в силу ироничности казалось, во-первых, глуповато, во-вторых (я всегда принципиально так считал) если заниматься э т и м, то это другая работа, а не писательство. И еще причина не идти: в результате победы того, за что ты борешься, жизнь всегда ухудшается.

– Почему же тогда очень умные люди из века в век...

– Значит, не очень умные! Есть такое соображение (не помню, кто сказал): «В революцию шла лучшая часть русской молодежи, но не самая умная». Лучшая. Лишенная цинизма. Жертвенная. Но отнюдь не самая умная. Согласитесь, что романтизм, как правило, глуп.

– Соглашусь. Хотя я сама склонна к романтизму и, значит, глуповата... Саша, а вы любите Жванецкого?

– Я считаю его безумно одаренным человеком. Но вообще я считаю, что нельзя смеяться над людьми – со стороны. Как будто ты нездешний. Как будто смотришь вокруг как пришелец, как будто сам с Луны, а находишься среди аборигенов.

Чем отличается великая сатира Щедрина от того, что пишут сейчас, даже самого лучшего? Щедрин куда жестче оценивал жизнь, но в каждом слове слышишь: это не то чтобы он так изучил русский народ – он про себя пишет. Он себя изучил и всё это про себя пишет. А теперешние словно бы в лупу рассматривают насекомое.

– А Зощенко?

– Страшная вещь: я не люблю Зощенко.

– Но какой талант!

– Он гениальный писатель, но я его принципиально не люблю. Знаете почему? Два белогвардейца, ведь они были белогвардейцы, в сущности, – Зощенко и Булгаков... Но Булгаков выбрал сатирико-патетическую интонацию для отношений с тем, что наступило, а Зощенко – идиотическую. Швейк! Зощенко, надо сказать, просто очень не повезло. Раз – и размазали. На самом деле он советской власти опасен не был... Выдавать себя за идиота – обычно это помогает выжить. «Бравый солдат Швейк» написан о том, что объявление себя идиотом есть способ выжить в жутких условиях. Либо ты объявляешь себя идиотом и выживаешь, либо ты говоришь: «Нет, ребята, я не идиот, это вы все уроды». Но тогда ты не выживаешь. Это не жизнеспособная позиция, а объявить себя идиотом – жизнеспособная.

– Вы чего – остроумнейшего «Швейка» не любите? За что?

– Люблю, очень люблю. Но при этом осуждаю. За цинизм. Чудовищный, заоблачный цинизм. Я, когда был в Праге, естественно, спросил, как пройти в швейковскую, то есть гашековскую, пивную, и пожилой человек (из тех, кто нам 68-й год не простил) спросил: «Вы хотите посмотреть, где сидел этот дезертир и предатель?» Он еще заговорил со мной – и то хорошо!

Я понимаю, что я чем дальше – со своим монархизмом (который теоретически одобряю), империализмом, равнодушием к собственному еврейству и неприятием Швейка – двигаюсь в сторону Проханова и других чудовищ, но мне, честно говоря, наплевать! Наплевать, что обо мне подумают наши либералы, тем более что они уже всё, что им надо, обо мне думают.

Ñæáí té Yéēté. Óàì à á Àdòàí è.

Ódàí öèy. 1989 ãã

– А я полагала, что вы – из их круга.

– Я со многими своими прежними друзьями и приятелями разошелся в этом смысле за последние годы...

– А как же вы в «Московских новостях» работали?

– Вот и не работаю там уже восемь лет. Когда я понял, что, даже будучи замглавного, я не могу влиять на позицию газеты, я ушел оттуда. И ушел в «Коммерсантъ», который тогда наименее был в этом смысле «замаран» либерализмом, этой новой левизной. И с друзьями-либералами и борцами за свободу слова и прочие права человека испортились отношения... Грустно это: патриотизм, государственничество и почвенничество у нас противные и бездарные, а либерализм и западничество – глуповатые и пошлые...

– Но это ведь неправильно – ни в одной цивилизованной стране близкие люди не могут поссориться из-за того, что принадлежат к разным партиям.

– Там это невозможно, потому что там в одном социальном кругу не пребывают люди диаметрально противоположных убеждений. Если ты университетский человек, то ты левый. Других нет. Не может быть и нет правой университетской интеллигенции. А у нас в одной социальной категории – политические противники...

– Ладно. А скажите, в повседневной жизни вам кто будет ближе – циник или романтик?

– Романтик. Для жизни, конечно, романтик. И всегда у меня так было. Я очень не люблю циников. Цинизм – опасное для окружающих состояние. Крайняя форма эгоизма. Мы все знаем, что человек больше всех ценит себя самого. Если нет у него сверхъестественной способности к самопожертвованию. Но только циник это проявляет ясно, недвусмысленно, категорически и всегда. Мы все приучены это скрывать, а циник – нет. А циник на это плюет.

– **Но вы сами говорили, что всю юность провели среди юмористов-циников...**

– Тот цинизм был направлен против. Против окружающего безумия. А между собой у нас шел нормальный, серьезный разговор.

– **А какие женщины вам ближе – романтически жертвенные или стервы?**

– Я стерв не люблю. Я их сразу вижу и отталкиваю умом. Но это может происходить (так и происходило) только на психологическом уровне. Потому что на физиологическом уровне – всё другое. Там всё наоборот. Но я почти всегда эту физиологическую составляющую преодолевал. Есть люди, которым стервы кажутся романтическими, а я сразу вижу в них пошлую составляющую. В них ведь всегда заключена сильная пошлость. И они смешные. Чувство юмора выручает.

– **А ведь они, стервы, бывают очень властными и хотят обладать человеком целиком...**

– На этом у меня всё и кончалось. Не успев начаться. Меня привлекал неромантический и даже обывательский тип женщины – душечка. В душечке, на мой взгляд, меньше пошлости, чем в женщине-вамп. Для меня этот тип женщины был гораздо привлекательнее. Я в юности – когда меня это еще интересовало – говорил: «Женщина должна быть машинисткой или медсестрой, а лучше и то и другое». Понимаете – медсестра, которая умеет печатать (тогда это было актуально: машинистка)... Хотя и сам я прекрасно на машинке печатал.

– **Ну, теперь душечка должна уметь печатать на компьютере... А вы пишете черновики, а потом уже на компьютере?**

– Я пишу сразу на компьютере. Если я закрыл страницу (если не закрыл, еще могу переделывать), то в следующий раз я ее увижу уже опубликованной.

– **Вы когда работаете над прозой, план предварительный составляете?**

– Очень общий план. В голове. Черновики нет вообще. Какие сейчас могут быть черновики – компьютер!

– **Последний роман вы назвали «Всё поправимо». Мне это название нравится, но оно странное. Очень категоричное и публицистичное.**

– Оно идет от известного «Всё поправимо, кроме смерти».

– **А были иные варианты заглавия?**

– Были. Роман сначала назывался «Долго и счастливо». Вся жизнь провалилась, и вот сидят в конце два старика, как бы уже и чужие друг другу. Жизнь прошла и почти врозь. А куда они друг от друга не денутся. И поэтому «всё поправимо».

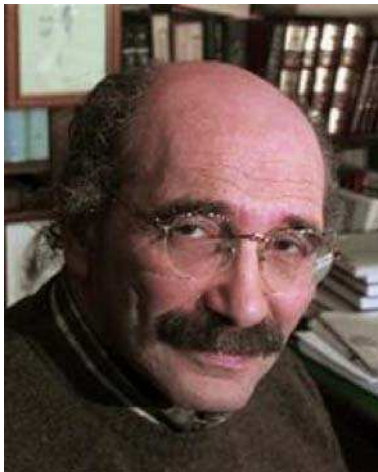
– **А почему вы решили дать эпиграф из Бунина?..**

– Потому что я Бунин обожаю. В этом эпиграфе очень многое сказано про жизнь моего героя. Эпиграф возник в конце работы. Я помнил примерно это место у Бунина, но не помнил точно откуда. И мне пришлось все девять томов пролистать, чтобы его найти...

– **В этом вашем романе поражает необычайная детализация и материальная, вещественная плотность описаний. Например: «Лыжные байковые штаны-шаровары с застегивающейся манжетой внизу и двухцветная куртка-бобочка, низ из отцовых старых синих**

галифе, верх из материнной клетчатой серо-черной юбки, молния с поводком-цепочкой от какой-то износившейся тряпки еще из американских посылок...» Как вы сами трактуете свою писательскую страсть – рассматривать жизнь словно бы сквозь лупу?

– Это – прием. Я свою собственную склонность к видению подробностей материального мира довожу до предела. Я вообще хотел написать этот роман с легким поклоном в сторону стилистики Джойса. С легким поклоном. Он фиксировал каждую секунду, а я – каждую точку. Он время зафиксировал, а я – материю. Я воспользовался личными свойствами памяти. Если мы с вами встретимся через пять лет, я вам опишу, в чем вы сегодня были. И часы, и очки, и шарф... Такая память. Она развита стилистической юностью, когда с одной стороны старого Арбата, глядя на другую его сторону (через улицу, по которой еще ходил троллейбус), за витриной комиссионки, в полутемноте, по рукаву с пуговицами я мог определить происхождение – страну и фирму – пиджака.

Это распространяется и на другие детали. Я могу досконально вспомнить, что испытывает человек, который едет в Одессе на трамвае, который ходил в 60-х годах с вокзала на Фонтан. Закрыв глаза, я могу вспомнить материальность ветки, которая задевает вагон. Просто память хорошая.

– Ясно. Кого из русских писателей-современников – кроме очевидного для меня Трифонова – вы могли бы назвать своим учителем?

– Аксенов. Я уже говорил – Аксенов. Я его люблю, мы с ним дружим, насколько возможна дружба с безусловным классиком.

Еще из ныне пишущих мне очень нравятся рассказы Асара Эппеля и Жени Попова. Они к тому же мои приятели. Саша Мелихов. Только что прочел его последний роман «Чума» – хорошо. Я вообще откровенно пристрастен к приятелям.

А одно из сильнейших и совсем не приятельских впечатлений последних лет – Сергей Болмат. Интересная фигура. Он – питерский художник средних лет, насколько я знаю, уехал в Германию, там написал роман. Роман называется «Сами по себе». Он вышел года три-четыре назад. Блистательно. Вот какой роман я хотел бы написать!

Я, знаете ли, слежу за современной литературой, но нельзя сказать, что я ее всю читаю.

– А из более дальних?

– Бунин. Иностранной литературы я не большой поклонник. За редким исключением – она малозначительна. Наша крупнее. Поэтому у нас литература так много и значит. Да-а-а... А если совсем настоящему, то – проза Пушкина. Ее мне полностью хватает. В ней – целая литература. Выше головы. Берешь «Капитанскую дочку» – и там всё.

– Скажите, а как у вас дело обстоит с честолюбием? Помните, у Ахматовой: «И не знать, что от денег и славы / безнадежно стареют сердца»? Согласны?

– В молодости у меня с честолюбием было никак. Я вам говорю, я был как растение. С возрастом честолюбия стало больше. Времени остается меньше, славы хочется больше.

– **У вас, после выхода в свет «Невозвращенца», был грандиозный успех...**

– Равный последующему неуспеху. По сути, там были провалы. Я не свихнулся, потому что всё это время работал, служил журналистом... Для меня эта временная известность, совершенно безумная и, прямо скажем, в литературном отношении несколько сомнительная, – года три в начале 90-х – прошла спокойно. Мне и мои приятели говорили: «Ты держись, как будто так и надо... Не меняешься, как многие...» Я этим успехом вполне наслаждался, но я не сходил с ума.

– **А когда оно пошло на спад?**

– Я это переживал. И до сих пор переживаю. Но я писал почти в год по роману. И сразу, через четыре месяца, печатал, чему способствовала известность. Книжка – книжка – книжка – книжка... У меня за десять лет вышло десять книг. И от них камня на камне не оставила критика – кроме Володи Новикова, который меня любит, дай ему Б-г здоровья. Прочие оценивали в диапазоне от просто ругательств до «графомана».

Ну и что? Книжки выходят? Выходят. Кому-то нравится. Читатели прилично принимали. Особенно читательницы – там же всё про любовь. Причем про такую любовь – адюльтер, героиня – интеллигентная женщина средних лет...

– **Вы где-то написали, что вас как прозаика всегда особенно волновала тайная любовь. Почему?**

– Как всякое подполье. Ну, вот роман «84-й»: считается, что он про тоталитаризм вообще. А я-то глубоко убежден, что он – про любовь тайную. Тайная любовь (такой сюжет) – и больше нет ничего! И вообще, самый анти тоталитарный жанр – описание тайной любви... Итак, я утешал читательниц. Плюс всегда была работа – я служащий человек.

Правда, в последние годы меня недоброжелательность критики достала и я критику возненавидел. Но успех последнего романа среди критиков меня обезоружил. И я подумал: а может, критики были правы? Написал что-то стоящее – вот и похвалили, а писал дерьмо – вот и ругали. Черт их знает!

Что хорошо, а что плохо – вскрытие покажет.

– **И всё же, пока далеко до вскрытия, давайте подумаем: что такое роман как жанр? Не искусственно раздутая повесть и не цепочка рассказов, а именно роман в старинном смысле слова?**

– Роман – это жизнеописание. Описание жизни. Не случая из жизни, не житейской коллизии, а жизни. В целом. И непременно – любовная история.

– **Какая вещь для вас – пример настоящего романа?**

– «Анна Каренина». Я как в детстве отличился? Я в школе учился лучше всего по гуманитарным, по математике тоже хорошо, но без особого интереса (случайно стал инженером – спасибо папе)... И написал я в девятом классе сочинение по «Анне Карениной». Советская власть, да? Считается: Анна – несчастная женщина, которую затравило дворянское общество... А я набрался смелости (умный мальчик) и написал сочинение, смысл которого был таков: дрянь, бросившая прекрасного, достойного мужа и сына – ради ничтожества. И главное – потом еще обиделась на весь мир за то, что в опере на нее косились.

– **Вы вроде бы и правы, но Анне можно всё простить за то, как она расплатилась...**

– Это не она расплатилась. Паровоз на нее напустил Лев Николаевич вопреки, на мой взгляд, ее желанию. Это он ее наказал. Он уложил на рельсы.

– **А сама бы она не бросилась?**

– Конечно, не бросилась бы... В общем, написал я такое сочинение в девятом классе, и мне быстренько поставили двойку за содержание и пятерку за грамотность. Но потом моя учительница отметку за содержание исправила, сказав только, что не согласна со мной...

Я и сейчас считаю: «Анна Каренина» – морализаторский роман, абсолютно гениальный, но с придуманным финалом, как в басне: мораль сей басни такова. Там глубоко исследовано женское существо: предпочтение Каренину Вронского как предпочтение грязи и остроты – порядочности. Выбрать ничтожество, имея абсолютно безукоризненного мужа. Каренин – благородный человек, безупречнейший... Был бы он похуже! Эта тяга к дурным приключениям есть и у некоторых мужчин, но они тогда идут в революцию, в авантюры, в активную маргинальность... Из тех же самых соображений.

Ն.Ն. Ազարյան, Ա. Կիրանի,

Ա. Ազաթբեկյան.

Ի լնթսն 2003 թթ.

– **Вы много лет совмещаете литературные занятия и журналистику. Не мешает ли художнику профессия журналиста?**

– До поры до времени удавалось. Я считаю это совершенно разными и далекими занятиями. Есть же писатели, которые параллельно работают инженерами или агентами по недвижимости.

– **Эти сферы – проза и журналистика – далекие, но и то и другое – слова.**

– Бухгалтер в отчете тоже пишет слова. Есть принципиальное различие писателя и журналиста. Журналист ничего не имеет права выдумывать – иначе он вылетит из профессии. А писатель, даже если он пишет автобиографию, выдумывает – всё. Поэтому они и не пересекаются.

Но с некоторых пор я уже перестал быть журналистом – лет семь или восемь. Я – профессионально работающий в газете писатель. И колонки мои в газете, и эссе – они все писательские. Правда, я сохранил профессию журналиста на редакторском уровне.

– **Вам никогда не хотелось преподавать?**

– Очень хотелось. И сейчас хочется. Но мне никто никогда этого не предлагал. Я, впрочем, научил делу многих молодых журналистов... Не на факультете, а просто так – на работе. Но сейчас я бы уже за преподавание, наверно, не взялся. Времени жалко. Писать надо.

– **Сейчас пишется что-то совсем новое?**

– Последний рассказ я закончил в прошлое воскресенье. То есть дней пять назад. Я сшил книжку, придумал название...

– **Название – секрет?**

– Не секрет. «Московские сказки». Есть, например, «мордовские сказки» – будут «московские»... Есть у меня еще один (не люблю этого слова) проект. После рассказов мне захотелось сменить жанр. Я раньше между романами писал непременно один-два рассказа – причем в абсолютно другой стилистике. А теперь будет новое. То ли пьеса, то ли... Нет, не хочу говорить подробно.

– **Вы одну вещь пишете запоем или урывками?**

– Запой не получается – я служу. Но независимо ни от чего (даже если накануне был день рождения или праздник), если нахожусь в процессе писания, утром включается компьютер – и вперед. Плохо – потом переделаю. Две страницы написал – компьютер выключается, и – на службу.

– **Раз уж вы однажды в «Невозвращенце» предсказали нашему обществу его недалекое будущее, то спросу: ваш прогноз на ближайшие... ну, лет десять. Что с нами со всеми будет?**

– Я никогда не мог о таком говорить – только писать. Складывается картинка, а из картинки всё само собой вырисовывается. А если стану рассуждать логически, то это будет на уровне политического журналиста.

Но всё же скажу: я глубоко убежден, что ни Россия, ни даже Северная Корея, Ирак, Иран, Куба не избегут общей участи: путь – один. Путь рыночной экономики. Мы можем трепыхаться сколько угодно, но движение – в одну сторону. Одностороннее. В другую сторону не получается. Только это – естественное устройство общества, всё остальное – попытка сделать нечто искусственно. Как в том анекдоте: «Социализм надо строить, а капитализм достаточно разрешить».

– **Ваш прогноз: у нас возможен возврат к тоталитаризму?**

– Помню 85-й год. Все ждали погромов – почему-то в мае. «В мае будут погромы...» Я не верил... Прошел май, прошел год... Где погромы? Никто не говорит: «Я был не прав». Эти прогнозы проходят бесследно.

– **Вы – оптимист?**

– Я сам придумал такую формулу: «Всё гораздо хуже, чем хотелось бы, но гораздо лучше, чем могло бы быть». Это касается всего, но в первую очередь – моей собственной жизни. Я в принципе – очень счастливый человек. Скажу почему. Мальчишка из семьи, в которой не было вообще гуманитариев. Никогда. Тихие, законопослушные, еврейские технари и военные. Никуда не лезли. Советскую власть не любили, но это про себя, шепотом... Даже шепотом опасались... Мое детство прошло в деревне, потому что полигон – это деревня. Я хотел быть писателем. Ничего этому не способствовало. Я получил другое образование, я жил в провинции. Ниоткуда – и стал писателем. То есть получил больше, чем рассчитывал. Я был инженером, бездельником, как почти все инженеры, кавээнщиком, пьяницей... Ну, в общем, понятно. Помню, как я представлял себе году в 67-м свою идеальную жизнь. Теперь я намного старше, чем тот, кем я сам себе представлялся. Итак, мечта: я сижу в каком-то московском кафе (а тогда и кафе-то нормальных не было, не то что теперь) – немолодым, не первой степени известности, но, как бы это сказать, почтенным человеком, которого уважают в литературном цехе. И все ко мне подходят... Такая вот невнятная картинка. И больше ничего не нужно. Ну? И всё сбылось с трехкратным превышением! Превышено даже то, что «хотелось бы». Чего еще желать?

Случилась большая беда – не стало Тани Бек, замечательной нашей современницы, прекрасного поэта и необыкновенной женщины.

Культурный пейзаж сегодняшнего житья потерял безупречный и безошибочный ориентир.

Она больше не напишет стихов, не преподаст студентам советов и наставлений, не придет к друзьям с ободряющим словом, не доверит печатным страницам своих важных и проницательных мыслей.

Не стало доброго, достойного человека. Не стало поэта и мастера. Нелепо и безвременно завершилась еще одна судьба, многими трагическими и духовными нитями связанная с насущным днем и нашим общим неустройством.

С нашей надеждой и нескончаемым одиночеством.

Από Υίγαυί

*Ń Ńaouyίte Aeaeat adiatε i u au aεe i i daatoaou maui i ai i ia, i i ca yoto ei di o ee e
nu ei au: i ue i adeia i i a au aεa cai yoiu ma do ai i i nu b, i ca i ai ei op i e o a ae di aεa, i e o i au di a
ma ai i eεa, n ei o i ou e paε ma i de eεe i a me n i a e o aε u i e i a o i e a i i, a i a da i u o i i y o i i o a i
da de e a «Eε o i i e eε o o» ma o i i te i de e a i a o e o = e o a o aε aε, i i a i y a ae di aε i a i i a p i i o i a i u, i i a e o
a a e a i a d i a d i o a = a d a i a t e i u e i i d i e a o i a i u i i o a d y e e a d u a, = u y m a d o u y a e e a n i a e a n i u i o a d i
i i «E a a e i o». I a n o u i a e a i o a a a o o a u i i e r a i e a!*

Α. Αίθερ

В ИЮНЕ 1967-ГО

(אָדער אַעוויזע אַנדער אַז)

Марк Зайчик

И ебуи Адаи Іаіа Уеіеу аіаеиі ііеі ау ааіуеіа еао іеіеі іаі еаауое, а іеаоіа аі ііеа, ауаодіе ііоіаеіе ауеа еі і іа а еоіі, аа у ауе аіаеаі о іаааііаа ііоіеа Ііа ііаіуеа аеаіоуеа, еіаііоіоіа ааа іа ііа еоіеіа еоі іаі аіоіаа :аеіаеа А уоіо ааааеііеа еааіаеі іеа ааіу іа ееаа ауеі оаі ііааоі, іаа іоіу іа оі, :оі і у іаоіаеіеіа а ео:оаі ііоіе:ііі аеііа ааааеу, ааііеіаеііі іа оіеі а іаі оіоаіадеаі аі оа

Хозяйка налила мне и себе хорошего английского чаю, подвинула мне одно блюдце с лимоном, второе – с рассыпающимися маленькими пирожными дивного вкуса и сказала: «Я слушаю вас внимательно».

Вот что я рассказал ей простыми, доступными фразами на иврите, пытаюсь сохранить ритм русского повествования:

– Так получилось, что в июне 1967 года я оказался в хирургическом отделении огромной ленинградской больницы на обследовании. Врачи, которые хорошо меня знали по предыдущему пребыванию в этой больнице, подозревали повторный перелом позвоночных отростков в районе поясницы и тут же на всякий случай положили в гипсовую кровать.

Мне было 19 лет.

Я неподвижно лежал на спине, глядя в потолок и разворачивая ежедневные, маркированные широкими движениями рук. Стена, у которой я лежал на высокой металлической кровати с фанерным покрытием вместо матраса, была окрашена густой бежевой краской. Кроме меня в палате находились еще четыре человека: двое сдержанных бледнолицых итээров из питерских НИИ, рабочий по имени Валя, который вдребезги разбил свое правое колено по пьяному делу, и низкорослый человек из пригорода по фамилии Кузьмин.

Никто из родных меня не навещал, потому что вся моя многочисленная семья находилась у постели внезапно и страшно заболевшей мамы. Больница, в которой она лежала, размещалась на другом конце города, на Неве, и гонять моим близким туда и обратно было бы очень тяжело. К тому же не все они были осведомлены о моей ситуации и потому относились достаточно спокойно к моей госпитализации. Вместить сразу несколько несчастий одновременно довольно сложно. Изредка ко мне приходил старший брат Неня, у которого была машина, и некоторые друзья. Навещали меня также Витя Кривулин и – отдельно от него – Витя Ширали: молодые люди, на два-три года старше меня, но у них обоих были усы, а у Кривулина еще и борода. Они были ленинградскими поэтами (что можно считать социальной, физиологической и этнической человеческой принадлежностью), и отношения между собой у них были сложными, хотя иногда их можно было назвать замечательно дружелюбными.

То, что все они рассказывали о «большой жизни» за каменным больничным забором, о здоровье мамы, о политике, о литературе, очень меня интересовало. Я был от природы любознателен: жизнь – ее течение, водовороты и повороты – очень влекли меня и занимали.

В состоянии здоровья мамы изменений к лучшему не было. Брат Неня сообщил, что отец пригласил какого-то известного нейрохирурга и тот с ходу отменил операцию, которую уже назначили в больнице. «Этот врач спас маму, потому что она осталась бы на операционном столе под ножом, по его словам, а ему можно верить наверняка», – сказал мне Неня.

На Ближнем Востоке назревала война – судя по тому, что писали газеты и говорило радио в палате. Кривулин и Ширали говорили об этом со мной почему-то мало, хотя очень живо интересовались политикой. Неня же говорил, что никто ничего конкретно не знает, но все волнуются и переживают за эту

страну, находящуюся где-то там на юге. Тон газетных статей и радиопередач не обещал ничего хорошего этой стране под названием Израиль и ее столице под названием Иерусалим. Это меня тревожило. В этом городе, помимо всего прочего, в 1955 году умерла моя бабушка со стороны отца и жили несколько родственников.

В нашей палате весь день была включена радиоточка, и передачи ленинградского радио меня смущали и возбуждали одновременно. Я уже знал, чего можно ожидать от сообщений советского радио, но всё равно надеялся услышать что-то неожиданно хорошее. Сильными голосами дикторов радио вещало о происках израильской военщины, о борьбе свободолюбивых арабских стран за свою целостность и независимость. Этой теме на ленинградском радио уделялось неожиданно много времени, вне всяких пропорций. Конечно, говорили и о другом, но в основном о Ближнем Востоке, даже сводки новостей начинали с этого. Один из итээров сказал коллеге, что, наверное, такой порядок вещей объясняется наступившим летом и отпусками: «Говорить-то им не о чем, кроме Средиземноморья». На это второй итээр хмыкнул и промолчал.

Утром можно было услышать про прогрессивного лидера Египта Гамалю Абэда эль Насера, а вечером – про Тивериадское озеро, принадлежащее, вместе со всей водой, Сирии, и только ей... Возможно, интерес советских средств массовой информации к Ближнему Востоку был обычным и казался мне преувеличенным только из больничной палаты.

Меня Ближний Восток во многом интересовал из-за отца, который слушал, наклонившись к приемнику, иностранное радио, собирал статьи и обсуждал любимую страну со своими беспартийными друзьями и соратниками по Большой хоральной синагоге на Лермонтовском проспекте. Но не только из-за отца, не только... Что-то во мне самом горело и тлело из-за Иерусалима, только я не знал что.

Как только по радио звучало слово «Израиль», Валя начинал крутиться на кровати, бурчать и шумно вздыхать: «Ну, что они ждут, что ждут? Ох, допрыгаются эти Эшколи и его подручные! Достанут их наши!»

Его возбуждение и раздражение нельзя было объяснить только болями в колене и недостатком алкоголя. Валя, конечно, очень любил выпивать и старался это делать регулярно. В больничных условиях доставать водку ему было трудно, хотя возможно. Но, даже выпив – «хватанув» стакан «беленькой», как он говорил, – Валя не смягчался. Он говорил об Израиле и о людях, которые живут там и тут. Сравнение было не в пользу той страны и тех людей. «Ну что им надо? Вот ты скажи мне, Никифорович! Никогда ни с кем они не ладят, не дружат, заносчивые, лукавые, батьки на них нашего усатого нет... Так они и норвят, так и норвят, а, Никифорович?» – спрашивал он у близлежащего от него итээра. «Ты, Мара, слушай, слушай, я простой человек, люблю говорить правду, к тебе всё это отношения не имеет, ты советский человек, ты наш, но твои земляки хуже некуда, ты обязан это знать», – говорил он мне.

– А ты, Валя, хороший невозможно просто? – спрашивал его Никифорович с досадой. – Что пристал к человеку, дурак?

– А вот за дурака ответишь! – вскидывался вдруг Валя, но ходить-то он не мог, а у Никифоровича под рукой был костыль, который он выразительно брал за ножку. Никифорович был ходячий больной. Валя тут же примирительно улыбался и говорил мягко: «Вот видишь, как ты на больного инвалида, на русского человека, костылем? И не стыдно тебе, ведь ты интеллигент, высшее образование у тебя, и не жалко брата?»

Мне было 19 лет, я очень злился на Вальку, но ругаться не умел, потому что не был к этому приучен. Я всё хотел что-нибудь приготовить для метания в Вальку, но ничего подходящего не находил. Он лежал параллельно со мной и сильно бросить в него у меня всё равно бы не получилось.

Однажды я спросил у Вали: «Ты что же, Валентин, фашист по взглядам?»

Он обижался сразу и до последнего нерва, начинал кричать: «Ты что говоришь, гад, а? Одной ногой инвалид, а может, и двумя сразу, а туда же, обижаешь простого человека!.. Все вы такие, и ты, Никифорович, тоже, мелочевка».

Он никогда не прощал обид и всегда отвечал на любое замечание – был бойцом до мозга костей. Болезнь и боль от нее усугубляли его реакции.

Никифорович чертыхался, отворачивался к стене и, включив лампу, пытался читать. «Видишь, какой ты умный, Никифорович, сам-то не из них будешь?» – обиженно выкрикивал Валя. Он был несчастен, его было жалко.

Приходила дежурная сестра Анастасия и выключала в палате большой свет со словами: «Давайте, мальчики, спать, сил набираться».

– Ты какую книгу читаешь, Никифорович? – спрашивал в полутьме Валя.

– «Что делать?» – отвечал итээр после паузы.

– Известно, что делать, эх, – вздыхал Валя, – только вы не знаете, инженера...

Было отчетливое неуважение в том, как он произносил слово «инженера» с ударением на последнем слоге.

Валя, помимо того, что был злым, был еще и прогрессивным человеком, «интернационалистом», как он сам говорил. Он никогда не смущался – я ни разу не видел его смущенным, – он только раздражался и злился. С женой он развелся. «Эгоистка была, думала о себе, считала в свою пользу, фурыга», – сказал он как-то не совсем понятно. Ходила к нему старая тетка в пиджаке со значком в петлице. Она приносила ему в кирзовом сумке бутылку водки, два-три пронзительно-зеленых яблока и нарезанную любительскую колбасу. Они не говорили между собой. Она гладила его по голове, а он что-то бурчал в ответ, как бы смущенно. Приходил еще к нему приятель с повадками уголовника: сутуловатый, с сухим опасным лицом. У приятеля тоже была с собою бутылка. Хлеб Валя готовил загодя, держал его в полотенце в тумбочке – прошлое у него было голодным, да и настоящее тоже не очень сытным.

К нему и к итээрам приходили, а ко мне в последние дни никто. От этого я чувствовал себя еще хуже. Итээрские жены и дети проходили к своим, улыбаясь с порога и испуганно озираясь на ходу. Все говорили между собой шепотом: так в СССР было принято разговаривать в общественном месте трезвым людям. Изредка во время свидания доносился возглас Вали: «Чтоб не последняя, Толян, и чтобы они все сдохли». Это значило, что время приближалось к шести вечера, концу приемных часов: по Валентину можно было сверять часы.

Когда все посетители расходились, Валя немного пел, водил руками по воздуху – получалось что-то вроде женского очертания.

– Сегодня какой день, Мара? – спросил меня как-то Валя.

– Сегодня воскресенье, 4 июня, – ответил я ему.

– Слава Б-гу, прожили кое-как, – сказал он, а потом еще долго возился, переворачивался с боку на бок, кричал и что-то бормотал. Его мучили боли в ноге и даже успокоительные лекарства не всегда помогали. Потом Валя заснул. За ним заснули и другие мои соседи. Никифорович выключил лампу и отложил роман Чернышевского на завтра.

В понедельник, 5 июня, утро началось прекрасно: сквозь ветерок и листву в палату светило солнце. Было тихо, никто никому не мешал. В половине 10-го был обход. Профессор оглядел меня невнимательно, он был задумчив, молодежав и никаких распоряжений по поводу моего будущего не отдал. В 10 часов в новостях по радио сказали, что Израиль напал на Египет и Сирию одновременно и что арабские армии дают достойный отпор превосходящим силам агрессора.

– Ну вот, Мара, и настал, Мара, Юрьев день, а ты, Никифорович, молчи, позорник, – сказал Валя. Второй итээр, лежавший возле Никифоровича, приподнялся на локте и сказал Вальке строго: «Не шумите, дайте послушать».

– Да слушай, я что, мешаю? Слушай, только много вы тут не наслушаете, искать здесь нечего, – сказал Валя и засмеялся, как бес.

По радио уверенный мужчина произнес комментарий, смысл которого состоял в том, что разгром армий агрессора займет день-два максимум.

Выслушав радио, Валентин повернулся ко мне, напрягся, жилистая темная шея его раздулась, и он выговорил:

– Вот он, Мара, ты не психуй только, а екепер день-то и наступил, пошел отчет.

Его лицо не было искажено, оно было серьезно.

– Что болтаешь, Валя, что пристал к человеку, какой еще кепер день? – спросил первый итээр с костылями.

– Молчи, если не знаешь ничего, Политехнический институт. А мне сосед рассказывал, по метрикам он Мосей, так вот екепер день, это когда подводят у них итоги с начальником, понятно? – сказал Валя.

– С каким начальником, ты что болтаешь, а? – сказал итээр.

– Есть у них начальник, он строгий, он всё видит, – сказал Валя и, заведя бирюзовые глаза, показал пальцем на потолок.

«Какое счастье, что он не может ходить», – подумал я грешно. Лицо Валентина показалось мне вдруг красивым и чистым. Смех и ненависть не исказили его. До сих пор я помню это лицо. Прошло некоторое время, пока ко мне вернулись прежние чувства грусти и раздражения, которые вызывало у меня всё вокруг.

У нас в палате на окнах были занавеси, надувавшиеся под ветерком. Я пытался сосчитать шнуры с помпонами внизу их, но всё время сбивался со счета.

На Вальку я смотреть не мог – его ухмыляющаяся кивающая физиономия вызывала у меня отвращение, бешенство и ужас.

В обед Анастасия сделала радио погромче – по просьбе Валентина.

Днем радио передало красивым мужским голосом, что Хайфа объята пожарами от точных бомбометаний самолетов Миг-21 сирийских ВВС, что Тель-Авив и Нетания в огне и что силы израильского агрессора отступают как на северном, так и на южном фронтах под натиском арабских соединений. Так и сказал – «соединений». Валя слушал радио очень внимательно, качал широким лицом и задумчиво говорил: «Да-а, знай белка свой шесток, не суйся куда не след, не играй в чужую игру, а то так можно и шею сломать случайно».

День прошел для меня сумрачно и тускло. Неотвратимо сгущалась жизнь, и с этим ничего нельзя было поделать.

Назавтра после обеда Анастасия принесла свежую газету под названием «Ленинградская правда». Читали ее по очереди. Часа через полтора газету для чтения передали мне. Ничего нового я оттуда не узнал, и настроение у меня не изменилось. Я передал газету Никифоровичу, а сам стал читать стихи Вити Ширали, которые он мне передал, когда приходил навещать. Это была любовная лирика. Витя сказал мне перед уходом: «Всё будет хорошо и с тобою, и с мамою, и в Израиле, ты, главное, не переживай и не волнуйся, Марик». Я запомнил его слова, потому что считал Витю очень умным человеком, ведь он был поэтом. Люди, занимающиеся поэзией, много умнее тех, которые поэзией не занимаются, считал я тогда и считаю до сих пор.

В обед подвыпившая безымянная санитарка, которая носила по палатам подносы с первым, вторым и компотом, вдруг оставила всё и пустилась по палате в пляс, подпевая движениям своих легких ног: «Я не лягу под машину, под большое колесо, лучше лягу под шофера, там тепло и хорошо». У нее было смуглое, сморщенное лицо, беззубый и растянутый рот. Она была в платочке.

Валя гулко похлопал ей и отправил прочь, чтобы не раздражала. Кажется, раньше он пытался с нею договориться о чем-то интимном, но к пониманию они не пришли. Санитарка ушла, не обидевшись.

Было очень жарко, окна были открыты, и изредка налетал чудесный сквознячок. Входила, сильно ступая, Анастасия и на ходу ворчала: «Вот простудитесь здесь и не вылечитесь». Вставая на цыпочки, она закрывала окна, и все мы внимательно наблюдали, как под халатом стрелою вытягивается ее тело. Стрела эта поражала нас уверенно и точно. Валя от досады даже отворачивался и произносил что-то нечленораздельно в стену. Посмеиваясь, глядя в пол желтыми глазами, Анастасия выходила в коридор, сверкая крепкой кожей щек и шеи.

Я, конечно, был абсолютно советским человеком. Верил, что СССР, несмотря ни на что, воюет за правду, болел за советские спортивные команды и считал, что мой врожденный оптимизм если не оправдан, то вполне понятен. Но тут вдруг всё сошлось так, что стало почти необратимым и конфликтным по сути: здоровье мое было плохое, СССР явно выступал за врага, за тех, кто был против моих близких людей (а я считал Израиль близким мне местом, переживал за него). Иногда я думал, закрыв глаза, что хорошо, если бы я сейчас стал здоров, и если бы Советский Союз выступал за Израиль, и чтобы мама была дома, как прежде... Но, открыв глаза, я обнаруживал всё по-прежнему: надо мной больничный высокий потолок, радио бурчит какой-то кошмар, и о маме моей я ничего нового не знал.

Два следующих дня дались мне тяжело. Никифорович и его коллега обсуждали свои шансы на излечение. Все остальные слушали их беседу, как концерт по заявкам. Перед обедом Кузьмин, человек из пригорода, клеил на своей тумбочке, застеленной газетой, коробки из цветного картона. Приходившая к нему в приемный час родственница, похожая на женщину из паспортного стола милиции, забирала готовые коробки и оставляла пачку картонных листов. Деньги, полученные от этой тетки за сделанную работу, Кузьмин прятал под пижаму движением одновременно быстрым и нежным – это был его приработок, который он прятал от семьи. Болезнь пришла к нему, кажется, вовремя, он был даже доволен своим пребыванием в больнице.

Валентин пел песню сильным голосом армейского запевалы. Он очень любил петь. Мне всё не удавалось выяснить у него, был ли он в армии запевалой. В лирической песне Вали, среди прочего, были такие слова: «Семь ветров пошлю на юг, семь ветров пошлю на север...»

После обеда все спали. Шел летний дождь. Одна шторка намокла из-за того, что форточка была не прикрыта, а Никифорович не мог дотянуться до нее костью. После четырехчасового выпуска новостей Валя сказал, подражая еврейскому произношению из анекдотов: «Ой, что же с нами будет, что же будет?!» Смирный Кузьмин, безропотно мастеривший свои коробочки, глухо сказал из угла: «Да кончай ты, Валька, дались они тебе». «Да кому они нужны? Дались они мне! Да кто они такие, а?! Ты мне рот не затыкай, понял!» – тут же сказал Валя. Тон его речи менялся мгновенно, как и настроение: вероятно, из-за водки.

Я кинул в него спичечным коробком, но получилось не резко, он легко поймал его у самого лица. «А вот это ты зря, Мара, я ведь и в морду могу дать за это», – сказал он. Стаканом я кинуть в него не мог – не такой была сила моей ненависти. Потом меня возили на рентген – это было и неприятно и унижительно. Вечером, звенящим от счастья торжественным мужским голосом, по радио передали, что сирийская танковая колонна приближается к израильскому городу Цфат, а в Синае отброшена и уничтожена

танковая армия Израиля Таля. Всё было очень похоже на правду. Никифорович и его коллега шептались о жизни, шуршал картоном Кузьмин, счастливо осматривался по сторонам и смеялся Валя – жизнь моя была плохой, почти черной.

Сон у меня был тяжкий и не вполне конкретный, но в нем присутствовала неодетая Анастасия, которая приближалась ко мне, поглаживая себя по красивым бокам.

Утром на обходе дежурный врач Семен Адольфович Короленко, смуглый красавец, с черными зоркими глазами и с выбритыми до синего лоска впалыми щеками, со странной интонацией сказал, пожевав губами, разглядывая мои вчерашние рентгеновские снимки на свет: «Может и обойдемся с вами без операции, больной? Что-то вы бледный сегодня, а? Встанете после обеда, Анастасия вам поможет, только передвигайтесь очень осторожно, а там посмотрим». Анастасия кивнула. Я пролежал в гипсе ровно пять с половиной недель.

После обхода пришла незнакомая медсестра в новеньком халате и отвезла меня на каталке в комнату гипсования. Там она уверенно разрешила гипс скальпелем и ножницами вдоль и по бокам. Лежать на холодной клеенке матраса было непривычно. Я боялся шевелиться.

После обеда я постоял возле кровати, покачиваясь и опираясь на круглое плечо Анастасии, минут пятнадцать. Валентин сказал, не без зависти глядя на происходящее: «Видишь, Мара, а ты боялся...» Все остальные смотрели на меня с пристальным, доброжелательным, как мне казалось, интересом и молчали. Я тоже молчал. Голова моя кружилась, но я был счастлив. Анастасия улыбалась мне, придерживая ладонью за талию. Потом я лег обратно в кровать. Смятение сопровождало все мои движения. Свет из окна казался мне излишне резким. В нашей палате по-прежнему было тихо. Я отвернулся к стене и довольно быстро заснул от сильной усталости и переживаний.

В четыре часа пришли первые посетители. Вошел в палату и неуверенно прошагал ко мне отец – невысокий, плотный человек в серой шляпе, в полосатой рубашке с большим острым воротником и с галстуком и в широких брюках с обшлагами. Так он ходил всегда. Он нес в руке авоську с какими-то кулками. У отца было белое, сжатое, упрямое лицо, которое одна моя знакомая с Васильевского острова считала красивым.

За ним следом осторожно зашел приятель Вали в пиджаке со спортивным значком на лацкане, с хищной ухмылкой, с криминально сутуловатой спиной. Потом пришла жена Кузьмина, моложавая высокая женщина в ситцевом платье с квадратным вырезом на груди: она вызывала интерес у обоих итээров, которые при ее виде сразу начинали улыбаться, прихорашиваться, двигаться на кроватях.

Отец подошел ко мне, наклонился и поцеловал холодными губами. Потом аккуратно выложил свертки с едой в тумбочку и присел на табуретку. Он положил руки на никелированный край кровати, поглядел на меня выразительно и негромко сказал: «Всё в порядке, Мотэ, – меня в семье с детства называли Мотэ, – всё в порядке».

И вдруг он беззвучно заплакал. До этого дня у моего отца я такого не наблюдал. Слезы текли по его лицу, он вытирал их рукой и повторял: «И у мамы, и у тебя, и там – всё в порядке». Валентин и его друг уже разлили по стаканам. Я это увидел, потому что с моего места нельзя было не увидеть.

«А радио передает всё время, что Израиль проиграл, всё разбомблено, разрушено, неужели?...» – сказал я растерянно. «Арабы полностью проиграли, разбиты напрочь, полная победа, Иерусалим взят, Эшколь сказал, что хочет Иерусалим, перебросил дивизию Моты с юга, и за сутки они взяли весь город», – быстро, горячечно говорил отец. «А что же?..» «Всё ложь, они врут всё, Мотэ! Позор им на весь мир!.. Эшколь, который сказал, что хочет Иерусалим, – он глава правительства там – прежде был Школьник, родом из Киева. Не волнуйся, Мотэ, будь сильным, спокойным, Б-г за нас и с нами», – сказал отец. Он был уверен, что Б-г действительно за нас – за меня, за него, за маму, за Школьника и других нам подобных. Эта его личная уверенность позже всегда вызывала у меня восхищение.

Я тоже заплакал, злясь на себя за эти слезы. Отец нашепывал мне имена своих героев: странные, непонятные, невообразимые имена мужчин – Таль, Вейцман, Даян, Арик, Яффе. «Что за Яффе такой?» – еще подумал я. Потом вдруг прозвучала фамилия Кононенко. Или мне послышалось? «Что Кононенко? – удивился я. – Откуда Кононенко?» «Это врач мамы, он ее спас», – сказал отец. Я посмотрел на него, и мы впервые за этот час улыбнулись. Так вот мы посидели. Потом он простился со мной, кивнул на прощанье моим соседям и ушел.

– А что это вы с батькой плакали, случилось что, Мара? – спросил меня Валя хриплым голосом, когда все посетители разошлись. За окном пошел дождик – стало много легче дышать.

– Нет, слава Б-гу, ничего не случилось, просто он сказал мне, что ты не прав, Валя, – сказал я. Валя лежал расслабленный, выпивший, благодушный.

– Что не прав? – не понял он.

Я приподнялся на локтях и сказал ему без торжества, без звенящих нот в голосе: «Не прав, Валя, и всё. Подробности узнаешь завтра». И отвернулся – что на него смотреть?

Под утро я увидел сон. Незнакомая улица поднималась вверх, и мой отец удалялся по ней вместе с каким-то высоким и костистым, одетым в черное человеком. Солнце было справа от них, над пологими, сизыми от камней, холмами.

– Вам это не надо, Валентин Анатольевич, всё это еврейство, весь этот иудаизм, – внятно говорил отец Вале, который осторожно держал его под руку.

– Мне странно это слышать, Меер Нахимович, тем более от вас. Я твердо всё решил, меня никому не сбить, зовите меня теперь Зоар, Меер Нахимович, – быстро говорил Валя. Он был одет в черный лапсердак, повязанный особым кушаком, который называют гартлом. Он был бледен и бородат. Глаза его сверкали. Кстати, ни его фигура, ни фигура отца не отбрасывали тени в этот час и в этом месте.

Они неслышно удалились от меня и свернули за угол дома с магазином оптики на первом этаже, так что больше из их разговора я уже ничего не слышал. Как будто бы их там, за углом, ждали. Было жарко, был полдень.

Теперь-то я знаю, что значение слов «Зоар» и «Меир» почти одно и то же, что шли они по улице Пророка Самуила, находящейся в неблагополучном районе Иерусалима. А за угол свернули на перекрестке с бульваром Леви Эшколя, который продолжается спорной для многих столичных иудеев улицей Бар Илана.

Справа, по диагонали, на этом перекрестке за лотками и всегда переполненной автобусной остановкой на Рамот находится кладбище, на котором почти не хоронят, так как на нем давно уже нет места.

А прямо идет дорога на Иудею, заасфальтированная, четырехрядная и прямая – только что прошли выборы в парламент и новая власть поторопилась отметить.

Перед Московской Олимпиадой 1980 года в ЦК ВЛКСМ состоялась встреча группы спортсменов с участниками Отечественной войны. Мне надо было дать информацию в «Советский спорт», где я тогда работал. Оказался рядом с Героем Советского Союза летчицей Раисой Ароновой. Она очень интересно рассказывала о своем женском полке, о дружбе, о взаимовыручке. Особенно тепло говорила о своем штурмане – Полине Гельман, с которой летала до конца войны.

Собирая материалы для этого очерка, встречался с однополчанками П. Гельман, их детьми, перечитал книги о полке. В частности, записки Раисы Ароновой и сразу многое вспомнил из того, что она рассказывала на той встрече. Ну как можно забыть такой эпизод?

– Дело было под Моздоком, точнее – над ним. Экипаж удачно отбомбился, взял обратный курс, как вдруг под самолетом вспыхнул луч прожектора и наткнулся на самолет. А зенитчикам того и надо – тотчас открывают огонь по видимой цели. Вырваться из луча тихоходу сложно. Надо бы сбросить бомбу, но их все уже использовали. В досаде штурман по пояс высунулась за борт и плюнула, как ей казалось, на прожектор. И он сразу погас!

Все наши довоенные и военных лет пилоты учились в аэроклубах летать на У-2. Неприхотливые машины, крылья и фюзеляж обшиты рейками и обтянуты перкалем. Мотор в сто лошадиных сил (такой же стоит на «Волгах»), стало быть, и скорость не выше 120 километров в час. А если встречный или боковой ветер такой же силы? Ни радиосвязи, ни приборов ночного видения. Уже в войну установили позади штурмана пулемет.

Но главное – поставили на У-2 бомбодержатели, к которым подвешивались бомбы в 100, 30, 20 килограмм. И подлететь к цели самолет мог бесшумно – пилот выключал мотор, и машина планировала в тишине. Штурман дергала ручку сбрасывателя, и бомба летела вниз. Представьте себе: до передовой далеко и вдруг в ночной тишине взрыв, второй, третий... Немцы люто ненавидели У-2 и за каждый сбитый «русс-фанер» зенитчикам и истребителям полагались железные кресты.

У трудяг У-2 было и другое достоинство – неприхотливость, им не нужны были длинные бетонные взлетно-посадочные полосы, достаточно сельской улицы, опушки леса. Скажите, с каким еще самолетом могло случиться такое, о чем вспоминает Полина Гельман.

– Как-то нашему экипажу поручили выбрать новую площадку для полевого аэродрома поближе к линии фронта. Вылетели утром, облетели район, и нам приглянулась такая площадка. Надо было спуститься пониже, но и так видим – ровная, без ям, зеленая травка. Рая Аронова говорит: садимся! Только коснулись земли, как во все стороны полетели брызги воды – площадка заболочена! Хотели взлететь, да не тут-то было – самолет от земли не отрывается. Надо было облегчить вес, но что сбросить?

Полина предложила... себя, дескать, больше нечего. Согласитесь, чувство юмора в такой ситуации – неплохая характеристика человека. Аронова ответила, что она думает о Полине, но секунду спустя согласилась. Полина выпрыгнула, побежала, держась за плоскость. Как только машина оторвалась от земли, Полина ухватилась за одну стойку, за другую, взобралась на плоскость, добралась – уже в воздухе – до борта и ввалилась в кабину вверх ногами... Площадку выбрал уже другой экипаж.

Знакомлюсь с выписками из полетных книжек пилотов и штурманов: Магуба Сыртланова – 780 боевых вылетов, Марина Чечнева – 810, Надежда Попова – 852, Полина Гельман – 857, Раиса Аронова – 960, Наталья Меклин – 980, Ирина Себрова – 1004...

– Полагаю, – говорит бывший начальник штаба полка Ирина Ракобольская, – что ни один мужчина не совершил столько боевых вылетов, сколько Ира Себрова.

А было девчущкам по 20 лет, кому-то чуть больше, а кому-то и меньше.

Ἡ ἀπὸ τῆς Ὀρέμης ἐπιβληθεὶς ἐπιτομὴ

«Αἰθάλην, οὐ - εἰς ἕϊα»

Это первая заповедь (из двенадцати), которые написали для себя девушки из бомбардировочного полка. Война – не женское дело, к ней – войне – нельзя привыкать женщине. А приходилось.

Начальником штаба полка назначили Ирину Ракобольскую.

Мы сидим дома у Ирины Вячеславовны. Доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки, профессор кафедры космических лучей и физики космоса.

– А знаете, когда я на фронте почувствовала себя женщиной? – оживляется Ракобольская. – В полк приехал маршал Рокоссовский – вручать награды. Я должна была войти в комнату, где он находился с генералами и Бершанской, спросить у него разрешения обратиться к командиру полка и доложить, что к торжеству всё готово. Едва вошла, маршал тотчас встал. Встали и генералы. Только потом до меня дошло – он встал передо мной как перед женщиной! Предложил мне сесть, сел сам...

Бессменным командиром полка была Евдокия Давыдовна Бершанская. Она стала комполка уже будучи зрелой летчицей. Волевая, хладнокровная, требовательная, очень знающая и вместе с тем очень женственная. Единственная женщина в наших Вооруженных силах – кавалер двух полководческих орденов – Александра Невского и Суворова III степени.

Похоронена Евдокия Давыдовна в Москве на Новодевичьем кладбище, недалеко от могил Покрышкина, Кожедуба, Вершинина, других героев авиации.

Женщины на войне...

– Мы расположились на обед в Тиргартене, под Берлином, – вспоминает Полина Гельман. – Прибыли походные кухни. Но есть мы не могли. Нас окружили немецкие дети и женщины. Они смотрели на нас голодными глазами. Мы отдали им всю пищу. Иначе мы не могли.

Иначе не могли... А ведь мужья и братья этих женщин, отцы этих детей сбивали их.

Ох, отходчивы русские бабы, отходчивы. Как, впрочем, и еврейские тоже.

Ирина Ракобольская раскладывает на столе длинные, метра в полтора, листы ватмана. Это стенгазеты «Крокодил», которые выпускали девчата. Стихи, эпиграммы, рисунки. Ну в каком мужском подразделении делали такое?!

Они еще выпускали литературный журнал, проводили философские (!), технические конференции, была самодеятельность! И это не в тылу, а на фронте! Кстати, за всю войну полк ни разу (!) не отводили на переформирование. Много восклицательных знаков? Мало!

По свидетельству однополчанок, заводилой часто была Полина Гельман. Она вместе с Раей Ароновой сочиняла «Фрески о наших буднях», которые пользовались неизменным успехом.

Нам, пехоте, выдавали перед атакой, да и то не всегда, по сто наркомовских грамм.

– А как у вас с этим было? – спрашиваю Героя Советского Союза Руфину Гашеву.

– Сначала нам давали слабенькое вино, до войны многие девчонки вообще не пробовали спиртного. Уже на Тамани привозили водку. Летаешь целую ночь, промерзнешь, напряжение страшное. На завтрак – полстакана водки, без нее не заснешь. А выспаться надо – с наступлением темноты опять полеты. Помогала водка, но никто не спился.

ГЛАВА «АТМОСФЕРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ»

Если у вас есть под рукой карта России, то легко найдете «Голубую линию»; так назвали немцы свой мощный оборонительный рубеж протяженностью в 113 километров и глубиной 20–25 километров между Азовским и Черным морями.

– Это была очень тяжелая работа, – вспоминает Полина Гельман. – Штурмовик преодолевал глубоко эшелонированную оборонительную полосу за минуту-другую, а мы ползли минут десять. Стена прожекторов, мы их не любили пуще зениток. Попадешь в их лучи, по тебе тут же открывают огонь. Отбомбишься, обратный путь через ту же полосу. И так пять-шесть, а то и восемь вылетов в ночь.

В один из них при подходе к цели, чтобы убедиться, что под ними их цель, Полина должна сбросить осветительную бомбу. Возили их обычно в кабине штурмана, на коленках, как шутили девчата. Вот как об этом эпизоде рассказывает сама Полина:

– Сняв предохранитель со взрывателя, я хотела тут же выкинуть бомбу за борт, но ее стабилизатор запутался в ремешке краг, висевшем у меня на шее. Мне было неудобно работать в шерстяных перчатках, поэтому над целью я работала голыми руками, а затем отогревала окоченевшие пальцы в меховых крагах. В этот момент нас поймали прожектора и нещадно стали обстреливать зенитки. А в запасе всего 10 секунд, ибо механизм взрывателя уже приведен в действие. Пилот Катя Пискарева, чтобы не быть ослепленной, не может оторвать взора от приборов. Я должна следить за направлением обстрела и командовать пилоту, куда «бросать» самолет. Но вместо этого я «борюсь» с готовой взорваться у меня в руках бомбой. Катя кричит в переговорный аппарат: «Полина, ты жива?!» У меня для ответа нет времени. В отчаянии срываю с себя ремешок, швыряю бомбу вместе с крагами за борт, облегченно вздыхаю и по возможности спокойно команду: «вправо, влево» и так далее. Когда вышли из обстрела, пришлось объяснить возмущенной Кате ситуацию. «Инцидент» был улажен. Но я осталась без краг. Впрочем, если бы бомба взорвалась у меня в руках, они бы мне больше не понадобились...

Ночные бомбардировщики так досаждали немцам, что они перебросили с запада свои ночные истребители. Они поднимались в воздух, как только прожектора ловили У-2, бросались на них. Короткой пулеметной очереди достаточно, чтобы беззащитный самолет загорелся. В одну из ночей полк потерял четыре экипажа. Восемь пилотов и штурманов, все молодые девчонки.

7 ноября 1943 года. Погода явно нелетная, штаб дивизии боевой задачи не ставит. Девушки откровенно рады: будет праздничный ужин, самодеятельность. В самый разгар ужина раздается команда: рабочие экипажи, на аэродром! Полина с Раей Ароновой получают задание, командир полка Бершанская предупреждает: если над целью облачность менее 600 метров, возвращаться обратно.

Пролетели Керченский пролив на высоте всего 300 метров. Чуть дальше немного поднялись. И вдруг луч прожектора схватил самолет, понеслись трассирующие пули. Увернулись, штурман молчит. Рая Аронова потом вспоминала:

– Вдруг кто-то схватил меня за плечо. «Райка, – кричит Полина, – разворачивайся, мы прошли цель! Керчь под мотором!» Это безумство – лезть на такой укрепленный объект на высоте всего 350 метров! Немецкие прожектористы еще держат нас в луче и, вероятно, с удивлением наблюдают за не в меру расхрабренным фанерным самолетом.

Маневрами вырвались из луча, нашли цель. Полина сбрасывает бомбы. На земле мощный взрыв, взрывной волной самолет сильно подбросило – ведь высота всего метров двести. Когда прибыли на свой аэродром, оказалось, что до машины дошла не только взрывная волна, а и осколки собственных бомб.

Безумству храбрых поем мы песню...

Над той же «Голубой линией». Вспоминает Герой Советского Союза Наташа Меклин:

– Я поднялась в воздух вслед за Ириной Себровой. Мы летели порознь, но всё время я знала, что она где-то рядом. В стороне зажглись прожекторы, застрочили пулеметы – это Ира. «Подлетаем к Киевской. Здесь много зениток, – сказала Полина Гельман, мой штурман. – Будь осторожна».

Впереди вспыхнули прожекторы. Один, два, пять... Вцепились в самолет, где были Ира и Женя Руднева. Снизу брызнули огненные фонтаны трасс, скрещиваясь в одной точке, они, казалось, прошивали самолет...

Мы с Полиной спешили к ним на помощь. Бросили бомбу на ближайший прожектор. Луч погас. Потом на зенитный пулемет... Мы были совсем рядом с Ирой, видели, как ее самолет кувырчался в лучах. Внезапно он пошел вниз, вниз... И мы потеряли его: он исчез в черноте ночи...

Назад мы летели молча. Что с Ирой? Почему падал самолет? Мы с Полиной уже готовы были поверить в самое страшное. На аэродроме до нас донесся слабый рокот – летел По-2.

Спустя несколько минут мы уже бежали навстречу рулившему самолету. Я вскочила на крыло: «Иринка! Женя! Вы прилетели!» «Ну да. А как же иначе!» – удивилась Ира.

Я прыгнула на землю и отошла в сторонку, в темноту. Немного всплакнуть от радости...

Безумству храбрых...

УЕУОЕААІ.

Передо мной книга Героя Советского Союза генерал-майора Василия Гладкова «Десант на Эльтиген». Вышла она в серии «Военные мемуары» «Воениздата» четверть века назад и посвящена героическому десанту в Крыму в ноябре 1943 года. Стрелковая дивизия и два батальона морской пехоты высадились в районе рыбацкого поселка Эльтиген и овладели плацдармом шириной 5 километров и глубиной 2 километра. Другими словами, простреливался плацдарм не только пушками, но и минометами, пулеметами.

Гитлеровцы блокировали десант с суши, с моря и с воздуха. В громкоговорители немцы кричали: «Сдавайтесь, вы обречены на голодную смерть! Никто вам не поможет!» Боюприпасы подошли к концу, пишет В. Гладков, продовольствия не хватало.

Но нам помогли, пишет генерал Гладков, помогли «ночные ведьмы». Для нас, десантников, находившихся в Эльтигене, отважные летчицы были самыми дорогими людьми на свете; тогда, в ноябре, они нас спасли от смерти.

Спасли от смерти... О многих ли из нас так могут сказать солдаты?

– Как назло, погода в те осенние ночи практически была нелетной, – вспоминает Полина Гельман.

Отыскать в темноте небольшой пяточок школьного двора, где окопались десантники, чрезвычайно сложно. Ребята, правда, зажигали костер, но в дымке он едва просматривался. На наших бомбосбрасывателях висели мешки с боеприпасами, продовольствием, медикаментами, одеждой. Самолет спускался до 50, 30 метров, чтобы драгоценный груз попадал на школьный двор.

На Эльтиген полк летал много ночей. Десантники стали для нас близкими, дорогими людьми... Сверху, с ночного неба, вместе с продуктами и патронами к ним частенько неслись звонкие девичьи голоса:

– Полундра! Бросаю картошку!

– Держитесь, хлопцы!

– Молодцы, ребята!

Ààèíá àíà àäèè..

Ì ÀÇÀÈÈÀ ÄÏ × Û ÃÀÈÈÁÉ-Â × ÂÑÒÛ ÃÀÈÈÈ

У Полины Гельман дома хранится дорогой для нее снимок – она с подружкой Галей Докутович. Фотография сделана сразу после окончания гомельской школы №1 в 1938 году. А подружились они еще в пятом классе, сидели за одной партой. Такие внешне разные: высокая, худенькая, смуглая, порывистая Галя и маленькая, голубоглазая, несколько медлительная Полина. Целыми днями вместе. Обе пришли в аэроклуб, в один день впервые прыгали с парашютами с одного и того же самолета. Галя стала первой, кому разрешили самостоятельный полет.

В Москве Галя поступила в авиационный институт, Полина – на истфак МГУ. Но всё свободное время подруги вместе. А когда началась война, обеих зачислили в авиагруппу майора Марины Расковой. Обе оказались в одной штурманской группе авиашколы в городе Энгельсе, что на Волге, где формировалась часть.

На одном из занятий по азбуке Морзе у преподавателя хорошее настроение, и он выстукивает смешные фразы. Точки, тире, точки. И вдруг переходит на бешеный темп. Полина и Галя сидят рядом, едва успевают записывать, удивленно переглядываются. Текст гласил: «ПРИШЕЛ ПРИКАЗ О СОЗДАНИИ ПОЛКА ЛЕГКИХ НОЧНЫХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ ТОЧКА КТО ПОНЯЛ МЕНЯ ЗАПЯТАЯ МОЖЕТ БЫТЬ СВОБОДНЫМ И БЕЗ ШУМА ПОКИНУТЬ КЛАСС ТОЧКА».

Галя и Полина молча выходят с загадочными улыбками под удивленными взглядами девушек.

Распределили их в разные эскадрильи – их две в полку. Полину – штурманом экипажа, а энергичную, расторопную, знающую Галю назначили адъютантом эскадрильи. Штабная работа, важная, нужная, но летать приходилось мало. После боевого вылета, пока техники приводили в порядок ее самолет, она прилегла на краю аэродрома. Шофер бензозаправщика не заметил ее... У Гали был серьезно поврежден позвоночник.

Она лежала, боль невыносимая, погрузить ее в У-2 невозможно, а санитарной машины нет. Подошла начштаба Ирина Ракобольская, утешает ее. И вдруг Галя обращается к ней:

– Ира, дай честное слово, что, когда я вернусь в полк, вы не назначите меня адъютантом, а я буду штурманом.

– Б-же мой! – всплескивает руками Ирина Вячеславовна. – Шестьдесят лет прошло, а я наяву слышу ее голос. Не уверена была – доведут ли ее живой до госпиталя, а она о полетах! Но ответила: даю слово.

А тут еще тревожный звонок из штаба дивизии: немецкие танки прорываются к аэродрому, срочно перебазироваться. Один за другим взлетают самолеты. Галя просит Полину нагнуться к ней, что-то жарко шепчет. Полина всё поняла, незаметно вынимает пистолет и кладет его под голову подруги. Живой та не хотела попадать в плен. Дежурная вызывает Полину на старт, она в слезах уходит.

Семь месяцев в госпиталях. Убедила медицинскую комиссию, что она совершенно здорова, проделав перед врачами несколько сложных гимнастических упражнений. (До войны была чемпионкой Гомеля по гимнастике!) Но комиссия выдает предписание – необходим шестимесячный отпуск, летать нельзя, из армии уволиться.

– Мы стояли у дороги, ждали грузовик, – рассказывает Наташа Меклин. – Вместо него появилась легковая машина, остановилась. Из нее выходит девушка, высокая, в короткой шинели, в большой шапке-ушанке. Стоит и молчит. И мы молчим. И вдруг кто-то так тихо говорит: это Докутович. И как закричит: Галка! Она бросилась к нам по грязи... А что творилось с Полиной, когда они увиделись, описать невозможно.

Ирина Ракобольская сдержала слово: Галя стала летать штурманом. Но о предписании врачей ничего не знала, об этом ведала только Полина.

Когда я спрашивал летчиц и штурманов о самом страшном дне войны, все, не сговариваясь, называли ночь на 1 августа 1943 года. В ту ночь погибли четыре экипажа. Вместе со своим самолетом тогда сгорела и Галя Докутович. Вооруженцы, подвешивая бомбы, мелом писали на них: «За Галю!»

Полина уцелела. В письме матери о гибели Галины, она написала, что если доживет до Победы и у нее будет дочь, то назовет ее Галей. Дожила, родилась девочка, которую, конечно же, назвали Галей, Галинкой.

И вот Галя, названная в честь Гали Докутович, сидит у меня в гостях вместе с сыном Николаем. Расспрашиваю их о Гале Докутович. Дочь неожиданно просит:

– Не говорите с мамой о ней. Она опять будет плакать. Мы с Колей всё, всё знаем.

Действительно, знают и рассказывают очень многое.

Г А Л Я

115 человек прибыли на фронт в составе полка. 32 из них погибли, умерли от ран и болезней. Как считают специалисты, для авиационного полка, да еще базирующегося в прифронтовой полосе, такие потери невелики.

– Чем это объяснить? – спрашиваю Ирину Ракобольскую.

– Во-первых, мастерством наших летчиц. Когда менялась обстановка, менялась и тактика полетов. Во-вторых, особенностями наших У-2.

Но, признаться, меня особенно поразила одна фраза в рассказе Ирины Вячеславовны: «В нашем полку нет без вести пропавших». Но ведь девушки погибали главным образом на территории, занятой противником. Оказывается, после войны собрали девчата деньги и комиссар полка Евдокия Яковлевна Рачкевич объездила все места, над которыми горели самолеты, разыскала могилы всех погибших. На иных стояли дощечки: здесь похоронена неизвестная летчица. Тут же устанавливали кто именно, каждая потеря оставалась в памяти.

È ÓÓÔËÈ ÍÀ ΘÍÈËÛÈÀÕ...

Однажды в полк приехала военоторговская лавка. А в ней только... шампанское. Командир полка разрешила каждой купить по бутылке и спрятать до праздника.

В другой раз привезли пудру и губную помаду. И совсем царский подарок девушки получили в Польше: им сшили туфли на высоком каблуке и платья. Когда возвратились домой, для многих это был единственный гардероб. Приходилось учиться ходить на шпильках, ибо всю войну – в сапогах.

После войны многие девчата поступили в Военный институт иностранных языков. Полина Гельман не вернулась в МГУ, где закончила три курса истфака, а пошла в этот институт.

– Почему?

– У мамы не было другой одежды, кроме военной, – отвечает Галя, дочь Полины. – А там все ходили в форме. Она, кстати, ей очень шла, и мама даже в театр с удовольствием ее надевала.

– Этот институт был единственным военным вузом, куда принимали женщин и где выплачивали за звание, за ордена, – дополняет Анатолий, сын Раисы Ароновой. – Надо было содержать семью, а у родителей никаких накоплений.

Полина Гельман закончила Военный институт иностранных языков. В дипломе только одна «четверка» – по французскому. Специальность – испанский язык. Но долгое время – время борьбы с космополитизмом и «врачами-отравителями» – не могла устроиться на работу. Ну и что, что Герой Советского Союза, что испанский в совершенстве. Где в анкетах пункты о наградах и языках? В конце. А фамилия? Первый пункт. А национальность? Пятый, дальше и не читали. Мать и дочь неохотно вспоминают те годы.

– Почему мама не взяла фамилию мужа – Колосов?

– Очень гордая женщина. Я, говорила, Гельман, и родители мои Гельман. Хотя папу любила безумно. И он ее, делал для нее все возможное и невозможное. Когда папа умер, мама сразу сдала, потускнела. Кстати, почти все летчицы, выйдя замуж, оставляли девичьи фамилии.

После 1953 года стало полегче. Полина Владимировна работала в Центральной комсомольской школе с ребятами из стран Латинской Америки; защитила диссертацию – стала кандидатом экономических наук; в Институте общественных наук читала лекции на испанском языке. Почти два года была на Кубе. Ей там было очень легко – ее слушатели из ЦКШ, ставшие видными работниками, показали остров со всех сторон.

Несколько раз с делегациями Полина Гельман посетила Израиль.

– После первой поездки мама вернулась в восторге от увиденного, – вспоминает Галя. – Особенно ее поразили раскованность, независимость людей.

À YÒÏ ÒÐÓÁÍ Î ÎÎÁÁÐÈÒÛ...

После прорыва «Голубой линии» наши войска освободили Тамань. Начались полеты в Крым – советские части готовились к освобождению полуострова с двух сторон: через Сиваш и из района Керчи.

– Стали летать через Керченский пролив, – вспоминает Наташа Меклин. – И первая неожиданность – психическая атака немцев против нас. Представляете себе, подлетаем, и вдруг перед нами вырастает лес из лучей прожекторов. Молчаливая стена вертикальных неподвижных лучей! Не стреляют, только лучи. Признаюсь, сначала действовало. Спрашивала Полину Гельман о ее ощущениях. Тоже, говорит, действует. Старались забираться повыше, на предельную высоту. Уже потом планировали, бомбили с малых высот. Вскоре немцы прекратили «психическую атаку», мы сумели ее преодолеть.

Крым освобожден. Полк ночных бомбардировщиков перебрасывают в Белоруссию. Здесь впервые пришлось совершить боевые вылеты днем.

Р. Аронову вызвали в штаб. Бершанская объяснила обстановку:

– В тылу наших наступающих войск остались значительные группы немцев. Кто-то быстро сдается, а кто-то огрызается. Только что обстреляли самолет штаба дивизии, ранили работника штаба. Вам, как опытному экипажу, поручается необычное задание. Разведать обстановку. Это первое. А второе такое – бойцы батальона аэродромного обслуживания выдвинулись в лес, чтобы взять в плен немецких солдат. Но их так много, что наши сами оказались в окружении. Когда обнаружите наших, дайте им знак, чтобы отходили к реке. Штурман пулеметным огнем должен прикрыть отход.

Пришлось идти на бреюшем, чуть ли не касаясь верхушек деревьев. Увидели наших, они машут пилотками. Полина высовывается из кабины и показывает рукой в сторону реки. Для верности повторяют маневр. Их поняли, бойцы двинулись к реке. И вдруг Полина видит какое-то движение в другом конце поляны. Немцы! Аронова опять направляет самолет вдоль поляны, а Гельман открывает огонь из пулемета. Немцы – в лес. И оттуда начинают стрелять. Одна пуля просвистела мимо уха летчицы и отбила щепку от стойки.

– Смотри-ка, стреляют, – с удивлением говорит пилот штурману.

– А что ж, по-твоему, они должны делать? Кричать «ура!» и в воздух чепчики бросать? – острит Полина.

Экипаж продолжает облет участка, штурман огнем не дает немцам высунуться из леса. И по ним стреляют. Наконец видят: наши из леса бегут к реке, садятся в лодку. Можно возвращаться. Докладывают командиру полка о выполнении задания. Бершанская благодарит их и приказывает трем экипажам бомбить лес, где скрылись немцы. Аргумент подействовал, солдаты нацепляют на палки белые тряпки и выходят из леса.

– Было очень тревожно, – вспоминает И. Ракобольская. – Мы на опушке леса расположились, а с другой стороны – немцы. Нас несколько человек с пистолетами, а у них пулеметы и даже орудия. Сняла с древка знамя, обмотала его вокруг себя под гимнастеркой, затянулась ремнем. Ночью не сомкнули глаз, а утром пришли за нами машины.

...Перебазировки полка в незнакомые места тяжело давались девушкам, особенно весной. Перелетают на площадку, всё вроде нормально, после дождя так развозит, что машине с бензином и бомбами к взлетной полосе не подойти. Да и самой этой полосы практически нет – сплошная грязь, самолет и двух шагов не пробегают.

– Командир полка Бершанская предложила сделать деревянную полосу, – рассказывает Полина Гельман. – В ход пошли заборы, стены и крыши сараев, доски. Соорудили такой настил, шириной метров тридцать, а длиной метров двести. И этого мало. Так что делали: вкатывали самолет на эту полосу, летчица включала мотор, чтобы он набрал больше оборотов. А техники держали самолет за плоскости, по команде разбегались, и самолет начинал разбег, взлетал. Садился на тот же настил, и машину тотчас отволакивали в поле. Новый взлет – всё повторяется: в ведрах несут бензин, на руках переносят бомбы, держат машину за крылья и хвост...

Дотошный начштаба подсчитала, что с таких деревянных полос полк совершил более 3500 вылетов. Согласен с ней – в это трудно поверить. Но такое было, было.

В дневнике Героя Советского Союза Евгении Рудневой увидел такую запись: «Стали на курс, и я повела самолет. Надя развлекала меня – вылезла из самолета, свесила ноги и смеется». Женя в тот день была штурманом у Надежды Поповой. Признаться, я не поверил в такое. Поинтересовался у Полины Гельман.

– Вполне возможно, – ответила она. – Надька была отчаянная, смелая. Я ее очень люблю.

Всё-таки спросил саму Героя Советского Союза Надежду Васильевну Попову.

– Было, было, – заразительно засмеялась она.

– А зачем? Удаливость или необходимость?

– Необходимость, – уже серьезно ответила. – Надо было и штурмана научить водить самолет. У наших машин двойное управление. Случись что с пилотом, штурман заменит его. И такие случаи бывали, и не раз. Теоретически штурманы всё знают, а практически-то нет. Вот я и сказала Жене: поведи, а я отдохну. Повернулась и ноги за борт, песенку пою. А сама готова в любую секунду взять управление. Это, конечно, уже над нашей территорией. Ничего, ведет грамотно. Кричу: сажать тоже будешь сама! Посадила. Ну а как ее учить?

– Ноги-то зачем за борт? Ведь скорость...

– ...за сто километров в час. А чтобы видела: всё в ее руках.

Попова вдруг замолкает, потом с болью говорит:

– Сгорела Женечка в крымском небе.

Произошло это 9 апреля 1944 года, до Победы оставался один год и один месяц. Было ей чуть больше 23 лет.

Три года боев, 24 тысячи боевых вылетов, на врага сброшено более 3 тыс. тонн бомб. 25 Героев Советского Союза и Героев России дал гвардейский женский полк.

Низкий поклон и вечная благодарность вам, дорогие.

ОКНО В РОССИЮ: ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ*

Александр Локшин

Окончание. Начало в № 2, 2005

Возможно, никогда отношения между общинным правлением и царским правительством не были столь запутанными и оттого характерными для общей ситуации, как при строительстве первой петербургской синагоги. Для многих столичных иудеев дело это по своей важности превосходило все остальные: синагога в политическом и культурном центре империи должна была служить весомым доказательством незыблемого положения евреев, как таковых, а также воплощением достоинства древнего народа в глазах российского общества, правительства и даже остальных единоверцев.

Еврейские газеты – не только в Петербурге, но и в других городах – постоянно сообщали своим читателям о планах строителей.

А. Ландау писал:

«Аֲדַמְנֵי עֵבֶר עֲדַי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה – אֲנִי אֲנִי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה וְיֵשׁוּעָה אֲנִי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה, אֲנִי אֲנִי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה – אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה עֵבֶר אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה, וְיֵשׁוּעָה אֲנִי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה, אֲנִי אֲנִי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה, אֲנִי אֲנִי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה... אֲנִי אֲנִי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה, אֲנִי אֲנִי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה, אֲנִי אֲנִי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה – אֲנִי אֲנִי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה!»

אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה. עֲדַי אֶל אֲדַמְנֵי הַמְּלָכָה

Слова Ландау свидетельствуют о том, что еврейская элита Петербурга стала смотреть на мир уже чуть ли не с имперских позиций, полагая себя центром, окруженным множеством окраинных земель. Взгляд несколько неожиданный, ибо иные территории, входившие в состав Российской империи, включая Сибирь и Кавказ, фактически были недостижимы для большинства еврейского населения. Однако общий энтузиазм вообще не знал границ. «Будущая синагога в Петербурге, – утверждал Гордон, – не должна ни в чем уступать синагогам других стран и столиц». Что ж, в конце-то концов, евреев в Российской империи было больше, чем во всех странах Европы, вместе взятых...

Идея возведения небывалого молитвенного храма для евреев вдохновила виднейшего русского историка искусства и либерального критика В. В. Стасова. Он начал широкую дискуссию о будущей синагоге. На страницах очередного тома петербургской «Еврейской библиотеки» за 1872 год Стасов утверждал, что это «уже как-то стыдно» – то, что евреи Петербурга «под боком у Европы» не имеют своей синагоги, где смогли бы свободно и открыто молиться. Величественная синагога в столице, считал он, «будет истинно народной честью, славой, потом еще раз докажет, что мы всё более и более поканчиваем с прежними, позорившими нас предрассудками [и что] не хотим уступать остальной Европе в светлости и

ширине воззрения». Российская империя, с обилием существовавших в ней этнических групп и вероисповеданий, имела потенциальную возможность стать для Европы образцом религиозной терпимости и поборником гуманистических устремлений. По мнению Стасова, синагога в Петербурге – наряду с уже существовавшими в России православными, католическими, лютеранскими, протестантскими, мусульманскими, армянскими и другими храмами – должна была способствовать вящей славе широкого и благородного русского национального характера.

Берлинская синагога.

Как и следовало ожидать, у историка искусства В. В. Стасова были собственные идеи на тот счет, какой надлежит быть синагоге. Дабы подчеркнуть многообразие стилей, дозволенное в империи, она непременно должна была иметь узнаваемый еврейский облик. По существу, значительная часть соображений Стасова была направлена против недавно опубликованного антисемитского опуса Рихарда Вагнера «Das Judentum in der Musik» («Еврейство в музыке»). Стасов отстаивал ту мысль, что евреи обладают собственными эстетическими традициями и отнюдь не склонны к заимствованиям. Подлинно еврейская синагога, говорил он, должна выглядеть «по-восточному», то есть быть построенной в арабско-мавританском стиле синагог средневековой Испании и Германии более позднего периода.

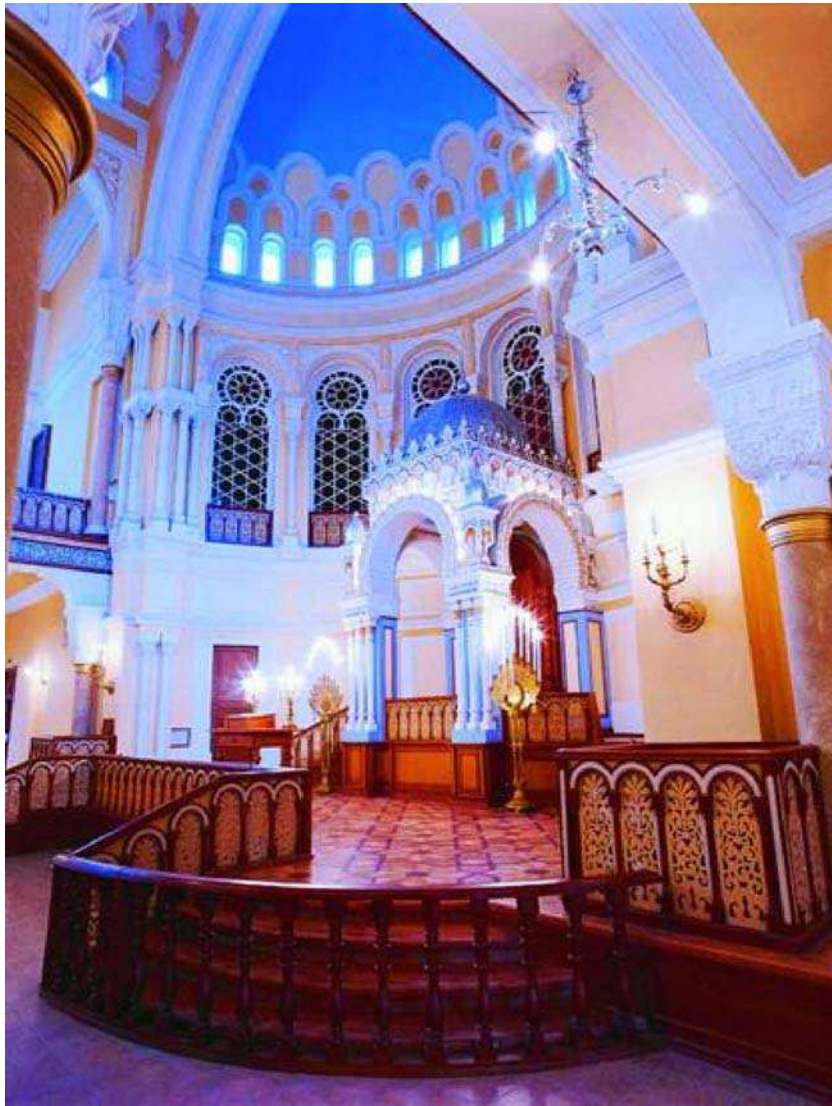
Как бы широко ни приветствовались многими столичными евреями взгляды Стасова, они тем не менее вызвали и серьезные возражения. Известный скульптор еврейского происхождения Марк Антокольский в частном письме Стасову поддержал призыв построить в Петербурге истинно еврейскую синагогу, но усомнился – будет ли мавританский стиль соответствовать этой цели. «Я очень боюсь, – писал он, – чтобы это не было подражание Берлинской синагоге, которая в плане есть подражание протестантской церкви, а протестантская церковь, в свою очередь, есть подражание католической». Следовать этому образцу, с его точки зрения, значило «подражать тому, чему меньше всего должно было бы подражать».

Петербургская хоральная синагога.

Крупнейший еврейский писатель и общественный деятель Иеуда-Лейб Гордон высказал почти противоположный взгляд. Он опубликовал ответ Стасову, где отрицал тот факт, что евреи обладают собственным архитектурным стилем. Он утверждал, что на протяжении всей своей истории евреи «заимствовали стиль у господствовавшего в данное время и данной местности народа». Следуя известному своему лозунгу «Будь человеком на улице и евреем дома!», Гордон доказывал, что от века только духовная суть ритуала, Б-гослужения имела значение для евреев, ибо «им совершенно безразлично было, какой внешний вид будет иметь их храм, лишь бы в этой внешности не заключалось ничего шокирующего для их религиозного чувства, ничего тенденциозно-антиеврейского». Другими словами, если евреи когда-то и строили синагоги в арабском стиле, то исключительно потому, что жили среди арабов. Воспроизводить этот стиль в русской столице было бы для евреев так же нелепо, убеждал Гордон Стасова, как говорить в Питере по-арабски, а не по-русски. Синагога в самом сердце России должна была следовать стилю русских православных церквей – но, разумеется, без использования христианских символов. Гордон многое продумал. Не следует водружать на купол синагоги звезду Давида, решил он, ибо, во-первых, еврейское учение вообще отрицает визуальное изображение, а звезда Давида в любом случае есть результат навеянного кабалой «народного заблуждения». По сути, Гордон предлагал удалить все элементы восточного начала в здании еврейского дома молитвы. Евреи действительно молятся, обратясь лицом к востоку (в идеале – к Иерусалиму), говорил писатель, но вовсе не являются истинно восточной нацией.

Смысл его статьи заключался в том, что синагога Петербурга должна продемонстрировать естественную, закономерную совместимость традиций иудаизма с западными нормами. Любопытно, что за вполне поверхностными дискуссиями по проблемам архитектуры у Стасова и Гордона скрывались, оказывается, совершенно противоположные взгляды на роль евреев в Российской империи. Упорное стремление Гордона к полной их ассимиляции полностью подрывало надежды Стасова на то, что славу России принесет ее культурное разнообразие. Стасов призывал евреев сохранить свою особость, непохожесть на других, а Гордон мечтал о полной еврейской интеграции в российское общество.

Εἰς ὁμολογίαν τῆς αἰῶνος.

Пока велись дебаты об архитектурных стилях, возник еще один спор – о местоположении синагоги. Где найти подходящий кусок земли для большого, заметного здания, претендующего на значительность и оригинальность? Найти среди уже сложившегося городского ландшафта Петербурга с его грандиозными имперскими фасадами, роскошными иностранными магазинами, угрюмыми фабричными строениями и битком набитыми доходными домами? И с его, следует добавить, бесчисленными церквями? Ведь дореволюционный Петербург был городом церквей и соборов, и это сильно усложняло выбор места для синагоги. Императорский указ времен царствования Николая I гласил, что ни одна синагога в стране не может быть построена ближе, чем за сто саженей от здания православного храма на той же самой улице или за пятьдесят саженей на другой. Стасов был всерьез озабочен этим ограничением; он даже советовал городским властям отменить николаевский указ как давно устаревший. Однако его не послушались.

Поиск места начался в 1869 году и продолжался более десяти лет. Казавшиеся бесконечными отсрочки только подогревали раздражение еврейской общины, обвинявшей правление в нехватке инициативы. В действительности же многочисленные предложения правления неизменно принимались наверху; затем, однако, бумаги начинали блуждать по различным (городским и имперским) инстанциям – блуждать, впрочем, лишь для того, чтобы в итоге быть отклоненными. В первом прошении предлагалось назначить для строительства весьма respectable место на пересечении набережной Фонтанки и Гороховой улицы – одной из трех радиальных магистралей, вместе с Невским проспектом определяющих планировку центра города. По соседству находились три Подъяческие улицы – самый населенный еврейский район; поблизости стояла временная «купеческая молельня». Но генерал Ф. Ф. Трепов, обер-полицмейстер Петербурга (1866–1873 годы), а затем градоначальник (1873–1878 годы), не поддержал это предложение, объяснив свое решение тем, что по Гороховой улице часто проезжают важные правительственные лица, следуя к Царскосельскому железнодорожному вокзалу, и «нехорошо, чтобы там

собирались по субботам и еврейским праздникам массы евреев». Вместо этого Трепов выбрал место для храма на задворках города, в северо-восточной части Выборгского района, где почти совсем не было евреев – так же, правда, как и населения вообще. Правление, в свою очередь, отказалось от обер-полицмейстерской идеи, поскольку это место было расположено в нескольких верстах от Подъяческих улиц, что практически лишало прихожан возможности идти в синагогу пешком по субботам и по праздникам.

Εἰ ὁ ἀδελφὸς τοῦ αἰῶνος. Ὁδὸν αὐτὸ ἰστέον

Правление обратилось к власти с новым ходатайством, отыскав еще одно место поблизости от Подъяческих – на улице Большая Мастерская (ныне Лермонтовский проспект). На этот раз возражения Трепова были более определенными: «Еврейская синагога не должна быть построена в населенной части города во избежание накопления в ней черни и сопряженной с ней грязи». Но если не в населенной части, то где же? Позиция Трепова сулила прежние сложности: сколько придется идти до синагоги пешим ходом? Правление возвало к высшим властям, к самому царю Александру II. Всё было бесполезно.

Отставка Трепова, последовавшая вскоре за покушением на него революционерки-народницы Веры Засулич (1878 год), оживила волнения и споры вокруг строительства синагоги. Появились новые идеи. И.-Л. Гордон обратился к общественности:

«Русский народ похож в массе своей на добродушное, доверчивое дитя, слушающее, что старшие говорят. “Образ мыслей” его зависит от того направления, которое ему дают сверху. Поставьте еврейскую синагогу на Невском проспекте – и русский простолудин, пройдя мимо, снимет шапку и перекрестится: значит, мол, святыня, коль сюда поставили. Но запрячьте ее за Нарвскую заставою – он не только будет смотреть на изгнанную синагогу как на скверну, но сочтет делом, угодным и Б-гу, и начальству, – гнать в шею всех жидов».

Это высказывание примечательно в нескольких отношениях. Оно четко иллюстрирует неистребимую привычку еврейских просветителей взирать на государство как на потенциального союзника евреев и одновременно как на всемогущее божество, повелевающее взглядами и поступками русского человека. Более того, с точки зрения Гордона, мощь высшей власти воплотилась не только в Петербурге, как таковом, – в этом величественном создании Петра, но особенно в Невском проспекте. Конечно, для любого человека Невский проспект имел некое символическое значение, но в понимании Гордона русские воспринимали его как святое место.

Разумеется, о возведении синагоги на Невском проспекте никто и никогда всерьез не заговаривал. Однако отставка Трепова в какой-то мере способствовала скорейшему решению дела. В 1880 году городские и имперские власти утвердили выбор: Большая Мастерская улица... Тем временем еврейская финансовая элита провела подписную кампанию и создала фонд размером более чем 125 тыс. рублей. Самый значительный взнос, 70 тыс. рублей, внес Гораций Гинцбург (при том что общая стоимость проекта составляла 800 тысяч). Правление привлекло специальное жюри для изучения и оценки проектов здания синагоги и, в духе интеграции, включило в его состав нееврея. Им был В. В. Стасов. Репутация Стасова гарантировала ему авторитет гораздо больший, нежели у трех других членов жюри, и тем самым давала возможность провести в жизнь собственные идеи, которые он обнаружил в полемике с Гордоном и Антокольским. Одно предложение Стасов отклонил из-за того, что в представленном конкурсном проекте здание синагоги явно напоминало церковь. Но что еще важнее, Стасов назвал победителями конкурса Льва

Бахмана (первого еврея, закончившего Академию художеств в Петербурге) и И. Шапошникова (русского профессора той же Академии). Их проект для него выделялся «не только арабским стилем», но и тем, что «вообще восточный характер выдержан [там] гораздо лучше и даровитее, чем в остальных проектах; в общем ансамбле здание не имеет никакого сходства ни с... церковью, ни с... мечетью».

Интерьер синагоги. Менора.

Однако это был еще не конец. Когда правление представило царю проект Бахмана и Шапошникова для окончательного утверждения, Александр II – возможно, это стало его последней волей по отношению к русскому еврейству, ибо он был убит в марте 1881 года – вернул бумагу с лаконичной резолюцией: «Переделать проект в более скромных размерах». Даже Гордон, возражавший против принятого проекта, лишился дара речи, поскольку понял смысл этой фразы: «Чтобы евреи не думали, что они здешние, а не гости только».

Синагога открыла свои двери в 1893 году. Имела место полагающаяся церемония, включавшая в себя обычную в подобных случаях молитву о царской семье. Кантор исполнил «Э-ль мале рахамим» («Г-сподь полон сострадания», молитва об усопших) за упокой Александра II – разумеется, как за «царя-освободителя», а не критика первоначального плана еврейского храма. Гораций Гинцбург, по обыкновению лояльный к власти, заказал для синагоги скульптору М. Антокольскому статую Александра II, но религиозная традиция не позволила поместить ее там. В результате статую отвезли в Академию художеств.

Теперь трудно сообразить, насколько меньше задуманной была построенная синагога. Стоимость постройки оказалась почти вдвое меньше первоначально определенной суммы. Но и с уменьшенным количеством мест (их осталось 1200) синагога всё равно считалась, по тогдашним меркам, достаточно большой. Хотя, конечно, две главные синагоги Одессы (Бродская и Большая), равно как и величественная Ораниенбургская синагога в Берлине, явно крупнее... Более десятка псевдо-минаретов и различных декоративных деталей сообщали зданию желаемый восточный колорит (получилась, по словам Осипа Манделштама, «пышная чужая смоковница»). Тем не менее служба всегда велась в «западном» стиле, с именными местами для состоятельных жертвователей и хоральным пением. Официально известная как Хоральная синагога (так ее называют и сегодня), она какое-то время неформально звалась «синагогой барона Гинцбурга».

Итак, евреи не вняли призыву раввина Арье-Лейба Эпштейна, не отказались от жизни там, где нельзя точно определить время начала и завершения молитвы. Справедливости ради надо отметить, что впоследствии во всех календарях, издававшихся в столице, это время было указано. Апогей расцвета петербургской еврейской общины, как, пожалуй, и всего еврейства Российской империи, пришелся на канун первой мировой войны. В военные годы, в эпоху революции началась стагнация; за ней наступил кризис.

УТАЕННЫЙ КЛАССИК

Бенедикт Сарнов

Бабеля арестовали в 1939-м, и почти на двадцать лет имя его стало неупоминаемым. Вернулся он к читателю в 1957-м небольшим томиком «Избранного». И в том самом году был у меня такой разговор с одним моим сверстником.

– Бабеля прочел? – спросил он.

Я сказал, что да, конечно, прочел.

– Ну и как?

И увидав, что истинный смысл этого вопроса до меня не дошел, пояснил:

– Я даже представить себе не мог, что такого огромного писателя можно утаить.

Я сказал:

– Всё-таки не смогли же.

В отличие от него, я Бабеля прочел раньше.

Было это в 1942-м. Военной судьбой (эвакуация) нас занесло в город Серов – километров на четыреста севернее Свердловска. В городе был огромный Дворец культуры. В годы войны там размещался госпиталь – иногда мы, школьники, ходили туда читать раненым бойцам какие-нибудь стихи или рассказы. Госпиталь потеснил почти все дворцовые – клубные – комнаты и залы. Но размещавшаяся во Дворце городская библиотека оставалась в неприкосновенности.

Я был тогда влюблен в Маяковского. И этой своей влюбленностью заразил троих своих одноклассников.

Ушибленные этим нашим увлечением, мы не вылезали из библиотеки. Старушка-библиотекарша, почуяв настоящих любителей, допускала нас к полкам. И вот однажды на какой-то из давно заброшенных, насквозь пропыленных полок мы обнаружили несколько разрозненных номеров «ЛЕФа». Восторгу нашему не было предела. В особенности когда в одном из этих номеров мы обнаружили рассказы неведомого нам писателя Бабеля. Это были рассказы из бабелевской «Конармии» – «Письмо», «Соль», «Начальник конзапаса»...

Прочитав их, мы сразу же кинулись к покровительствовавшей нам старушке: нет ли в библиотеке каких-нибудь книг этого самого Бабеля? Одна затрепанная книжонка отыскалась.

От этой бабелевской книжки мы просто ошалели. Вскоре мы чуть ли не всю ее знали на память. Мы щедро уснащали нашу речь бабелевскими фразами, как незадолго до этого то и дело вклинивали в нее реплики из «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца».

– Бея знает за облаву, – говорил кто-нибудь из нас, если его спрашивали, помнит ли он, что завтра суббота.

– Холоднокровней, Маня, вы не на работе, – говорили мы девочке, в которую все четверо были влюблены, когда она начинала слишком уж бурно, повышая голос и тараща глаза, выражать по какому-нибудь поводу свои чувства.

Стихотворение, прямо говорящее о том, что человек, несущий в сердце своем «огонь семнадцатого года», должен был укрывать его «от погонь» и проносить «сквозь непогоду», – такое стихотворения могло появиться именно тогда, когда появилось. (Оно было напечатано в «Дне поэзии» 1956 года.)

С неожиданной силой эта тема зазвучала тогда в стихах самых разных поэтов.

У кого-то – прикровенно, туманным ностальгическим вздохом:

Ī ñi ĩp

Ī ääææ í úá èè ò ò ú

Ā í áí ò ñ ï è ý áí ù ò ç ä á í ù ý ò

È ä ä ä í í ä ò ú á ò ð è ò ò ú

Ā í ä á í í ï ï ú è è è ò è ç ä á í ù ý ä..

(Ē ä í í è ä Ī ä ò ò ú í í á)

У кого-то – впрямую, как откровенная декларация, почти как вызов:

B ä ĩ ð ä ä í í í ä ä ó í à ò í é,

Ī à ò í é ä ä è í ñ ò ä ä í í é ä ä æ ä ä í í é í é,

È è ï ï è ĩ ĩ ð ú á í ú è ú ú ù ò ò è ä í ä ò

Ñ è ĩ í ý ò ñ ý ï í è : à í ä ä í í í é.

(Ā ä ä ò Ī è ó ä æ ä ä ä.)

А у кого-то уже и с ноткой некоторого сомнения – а было ли это на самом деле или только привиделось, примечталось?

Ā ä ä ä ú, ä ä ä ä ú? Ā è ä è ä í í ò í ä ú

Ā ú ó è è è ç í í è ò ä ð í ä í á?

È ï ï è ĩ ĩ ð ú ä ä ä ä ò ò í ä ä ä ä,

B ä ä ĩ í í í ĩ p ñ ò ð è ä ä ò ò ù ò ä ä í á

Ā ú ä ä è ï á í ý, è p ä è ñ ò ä è ú ú ú á

Ī ò ä í ý è è è p ä ó p ä ä ä ó

Ō ĩ ò ú ä ú ä è è ä ä ä ú í á ò ä è è ä

È ä è ä ú ä ä è è ä ä ä ä ä ò ò ï ï ä ä ó

(Ī ä ó Ī È í ð æ ä ä è í.)

Коржавин – пронизательнее других: он уже знает (во всяком случае, догадывается), что эти романтические «комиссары в пыльных шлемах» в действительности были «совсем не такие», какими они

ему представлялись. Но романтический ореол, окружающий этих героев «той единственной гражданской», и для него тоже еще сохраняет свое обаяние, всю свою чарующую силу.

Вот в это самое время к молодым людям, одурманенным всеми этими (и многими другими, им подобными) стихами и пришла бабелевская «Конармия». И им вдруг открылась истина: так вот, оказывается, какой она была на самом деле – та единственная Гражданская!

А в том, что она была именно такой, у читателей Бабеля не могло быть ни малейших сомнений.

Когда тот мой приятель, который до 1957 года про Бабеля не слышал, пытался передать мне, что больше всего поразило его в этом вдруг открывшемся ему писателе, он, между прочим, кинул такую – только нам с ним двоим понятную – реплику:

– Невероятно глубоко уходит лактометр.

Это странное слово («лактометр») давно уже вошло в наш лексикон.

Приблудилось оно к нам из каверинских «Двух капитанов»: упоминавшийся там «лактометр» погружали в молоко, чтобы узнать, какой в нем процент жирности, – не разбавлено ли оно водой. Однажды, вспомнив про этот загадочный прибор, кто-то из нас в шутку сказал, что хорошо бы изобрести что-то похожее для определения степени талантливости писателя, а еще лучше – для определения уровня запечатленной в литературном произведении художественной (а значит, и жизненной) правды.

На самом деле никакой нужды в таком приборе, конечно, нет, потому что у каждого читателя где-то там, внутри, – в сознании или в подсознании – уже есть такой свой «лактометр», безошибочно подсказывающий ему, насколько художественна, а значит, и правдива та или иная книга. Именно вот об этом, нашем собственном – у каждого своем – лактометре и шла речь. Об одних прочитанных книгах мы говорили, что «лактометр» отскакивает от самой их поверхности, о других – что он показывает совсем не ту глубину, которую мы поначалу в них предполагали.

Но в разговоре о Бабеле мы сразу сошлись на том, что тут «лактометр» уходит невероятно глубоко. И хотя художественное обаяние бабелевской прозы было многомерно и никак не сводилось к открывшемуся нам новому уровню правды, главным для нас тут было именно вот это чувство: так вот, стало быть, как оно было на самом деле! Вот, значит, какой она была в действительности – эта Гражданская война, которую мы знали по книгам Фадеева и Фурманова, по «Чапаеву» братьев Васильевых!

Нельзя сказать, чтобы те книги и кинофильмы были лживыми или даже лакированными. Гражданская война и там представляла перед нами как дело жестокое и даже страшное. Но, погружаясь в мир тех книг и тех кинофильмов, ни на миг, ни на единое мгновение не могли мы засомневаться, на чьей же стороне в той кровавой, жестокой войне была правда.

Белогвардейский полковник Бороздин, которого в «Чапаеве» изумительно играл Илларион Певцов, был по-своему обаятелен и даже вызывал сочувствие. Но сердце зрителя на протяжении всего фильма было открыто для Чапаева, Петьки, Анки. Они были – наши. Им мы желали победы, за их жизни дрожали. И ходившая тогда история про мальчика, который бегал смотреть «Чапаева» одиннадцать раз, надеясь, что в какой-то из этих разов тонущий Чапай в своей белой рубахе, может быть, выплывет, не утонет, в известном смысле была историей про каждого из нас.

В тех книгах и кинофильмах, из которых люди моего поколения узнавали о Гражданской войне, мир отчетливо делился на красных и белых. И какими привлекательными ни выглядели бы в иных из них белогвардейские полковники или поручики, читатель (зритель) всегда знал, что правда не на их стороне, что только наши в той жестокой, кровавой, братоубийственной войне сражаются за правое дело.

«Конармия» Бабеля эту нашу уверенность не просто поколебала – она ее развеяла:

Ἐπάσιαι ἰ αἰ ἂ Ἀαῖρεεῦ Ὀαῖδραῖ Ἐδδῆβεῖα. Νῖαο ἂαἰ ἱῖεῖμοῦ ἂ ἰαῖαοῦ ἂοἰ ἱῖε ἱῖδῆαεε ἂδῆα Ὀαῖδῆ ὀεἰ ἱῖαῖεἂἂ Ἐδδῆβεῖα ὀῖ ὀ ἱαῖαἰ ἱ ἂἂ ἂδῆ ἂῖε. ἱαοἂ ἂδῆαἰ ἂῖ ἂδῆαἰ

аиііа, іаò і айеиі айейа è і дааііааі іаі, іаò ааі іаі è айааоіа, іаò ааі айейа è едаиіуіейа, – іі айейа «аиіііеейа оіаадеіаиіаі...»

Во многих местах есть республика, в Аргентине, Соединенных Штатах, Швейцарии, Франции: но нигде нет республиканцев. Ибо республика – это братство, и без него ей не для чего быть. У нас же под снегами России, в Москве, в Вильне, в Одессе, Нижнем, Варшаве зародились подлинные республиканцы – «живая протоплазма», из коей (слагается) вырастает республиканский организм. Я верю: вы уже скоро выйдете из тюрем. И тогда пронесите это товарищество с края до края света; ибо в этом новом русском братстве, без претензий, без фраз, без усилий, без самоприневоливания, природном и невольном, – целое, если хотите, «светопреставление»: это – новая культура, новая цивилизация, это – Царство Б-жие на земле.

Это написал человек не только не сочувствовавший идеям революционной демократии, но всю жизнь считавшийся (да и сам себя считавший) их злейшим врагом: Василий Васильевич Розанов. Тот самый, который не иначе как с брезгливой ненавистью говорил всегда о Чернышевском, Добролюбова, Щедрина и прочих, как он их называл, «колебателях устоев». А ненавидимых «ревдемократами» графа Клейнмихеля и императора Александра II упрекал лишь в том, что они «не пороли на съезжей профессоршк, как следовало бы».

И именно он, вот этот самый Розанов, ненавидевший «вонючих разночинцев», разрушивших «великую дворянскую культуру от Державина до Пушкина», – именно он пропел этот гимн великому братству «русских республиканцев», которым (только им – и никому другому!) предстояло в недалеком будущем создать, построить, утвердить Царство Б-жие на земле.

Вот это и притягивало – как магнитом – наши сердца к героям Гайдара, Фадеева и Фурманова.

Каким бы очаровательным, тонко чувствующим, привлекательным ни был полковник Бороздин, вылепленный Илларионом Певцовым, он олицетворял собой старое мироустройство, основанное на несправедливости, а потому обреченное на уничтожение, на слом. А Чапаев, Петька, Анка, герои Гайдара и те самые «комиссары в пыльных шлемах», о которых пел Булат Окуджава, – все они олицетворяли тот новый, еще неведомый человечеству мир, ту «новую цивилизацию», то Царство Б-жие на земле, в которое, оказывается, верил (пусть ненадолго, но поверил) даже такой убежденный противник колебания устоев, как Василий Васильевич Розанов.

Мир, открывшийся нам в «Конармии» Бабеля, ужаснул нас не тем, что был он жесток, кровав, грязен и смраден. Ужаснувшее нас открытие состояло в том, что это был – тот самый, прежний, ненавистный нам старый мир, который они – эти красные герои – призваны были «разрушить до основанья».

Михаил Зощенко, размышляя о сути происшедшего в России в 1917 году катаклизма, вспоминает (в книге «Перед восходом солнца») крепко, видать, задевший его разговор с одной своей знакомой:

Она сказала:

– Я не перестаю оплакивать прошлый мир...

Я сказал:

– Но ведь прошлый мир был ужасный мир. Это был мир богатых и нищих... Это был несправедливый мир.

– Пусть несправедливый, – ответила женщина, – но я предпочитаю видеть богатых и нищих вместо тех сцен, пусть и справедливых, но неярких, скучных и будничных, какие мы видим... Что касается справедливости, то я с вами не спорю, хотя и предполагаю, что башмак стопнется по ноге.

К этой замечательной формуле Зощенко не раз возвращается в своих книгах. В сущности, каждая из них представляет художественное исследование именно вот этого исторического и психологического феномена. И в каждой автор в конце концов приходит к печальному выводу, что никакие социальные потрясения не в силах изменить природу человека. Новые, казалось бы, кардинально

изменившиеся устои их социального бытия люди так или иначе всё равно приспособят к этой вечной своей, неизменной сущности, к своей подлой человеческой природе.

Но Зощенко видел свою задачу в том, чтобы показать, как именно стаптывался этот «новый башмак», постепенно принимая форму ноги.

У Бабеля «башмак» не стаптывается по ноге: этот новый, еще не разношенный «башмак» сразу оказывается ноге точно впору.

Орден Красного Знамени, полученный красным героем Семеном Тимофеевичем Курдюковым, дает ему право не только на двух коней, справную одежду и отдельную телегу для барахла. Он открывает перед ним и другие, куда более существенные и привлекательные возможности: «Таперича какой сосед вас начнет забижать – то Семен Тимофеевич может его вполне зарезать».

Смысл разразившегося катаклизма у Бабеля сводится к тому, что новые хозяева жизни, которых выперло на поверхность с самого ее дна, вытеснив (или просто «порубав») прежних хозяев, переселившись из своих подвалов в барские покои, очень быстро – в сущности, сразу – освоились в этих покоях, восприняли их и всю находящуюся в них «движимость» как принадлежащие им по праву.

В пьесе Бабеля «Мария» тонкий, изящный, хрупкий мир дворянской культуры, на чистоту которого посягал ненавидимый Розановым «вонючий разночинец», в одночасье рушится в тартарары. В пьесе этот мир олицетворяет семья генерала Муковнина. Младшую дочь генерала, Людмилу, – Люку, как ее называют домашние, – жестоко насилуют, заражают сифилисом. Она попадает в каталажку. Генерал – старый интеллигент, историк, – не перенеся этого известия, умирает. От прежней жизни остались только осколки. И уцелевшие владельцы хотят даже не спасти их, не сохранить (об этом не приходится и мечтать), но хоть выручить за них какие-то жалкие крохи – просто чтобы не умереть с голоду:

Êàõÿ. Î ààèüü ÿòóñòí ãàò ïàçàá Ñòðíàííàíü èç Î àðåçà àíííèñíàáéé.

Ñóóééí. Î òðíàí ï èéééàðä äàáíòè è äàò.

Êàõÿ. ÷òí çíà:èò òàíàðüü ÿòóòò ï èéééàðä, àíñè ïà òéçà ï àðäááíòè?

Что говорить, сделка – грабительская. Но спорить не приходится, и Катя уступает. Мебель продана. И вот тут на сцену выходит новый хозяин жизни:

Àãòà Î áííéò:èòññ ò àáñ äàæçààíéí... Õòò ï àðäíñéáí í úá èðàè áóóòò, èç ííàáééà..

Êàõÿ. Àãòà, ï ààèüü ï ðéí àäéçæèò Î àðèè Î èéíéçàáíá, òú æá çí ààéüü..

Àãòà В ÷òí çíàéà, ààðüüíÿ, òí çàáüéà, ï àðüò:éáòðíü òàíàðüü

Мария Николаевна, которой принадлежит мебель, – это та самая Мария, именем которой названа пьеса – старшая дочь генерала Муковнина. Ее нет в городе, она – на фронте. Незадолго до разразившейся катастрофы Муковнины читают только что полученное от нее письмо, из которого мы узнаем не только о теперешней ее жизни, но и о том, что она за человек, чем живет, чем дышит ее душа:

На рассвете меня будит рожок штабного эскадрона. К восьми надо быть в политотделе, я там за всё... Правлю статьи в дивизионную газету, веду школу ликбеза... На нашей миллионной в Петербурге, в доме против Эрмитажа и Зимнего дворца, мы жили, как в Полинезии, – не зная нашего народа, не догадываясь о нем... Почему Люка пишет так редко? Несколько дней назад я послала ей бумажку, подписанную Аким Ивановичем, о том, что у меня, как у военнослужащей, не имеют права реквизировать комнату. Кроме того, у папы должна быть охранная грамота на библиотеку. Если срок ее прошел, надо возобновить в Наркомпросе... В Петербурге, говорят, стало еще труднее с продовольствием; у тех, кто не служит, забирают комнаты и белье... Мне стыдно за то, что мы живем хорошо...

СПОРТИВНАЯ СУДЬБА МАЛЬЧИКА ИЗ ДИМОНЫ

Марк Либовин

В израильском футболе, который занимает скромные позиции в футболе европейском, всегда были большие дарования.

Впрочем, помимо одаренности, очень многое зависело также от времени и места рождения игрока, от его характера и его удачи.

В 1950-х годах взошла звезда центрфорварда Шии Глазера, за которым «ухаживали» европейские клубы, в частности команды английской премьер-лиги. Но это было время, когда раскрыться по-настоящему футбольный талант из мизерной по размерам, только что созданной страны просто не мог.

Позже появилась целая плеяда игроков, с которыми в сборной Израиля работал замечательный тренер Эммануэль Шеффер. Его команда пробилась на Олимпийские игры в Мексике в 1968 году и на чемпионат мира там же в 1970 году.

Из той сборной в памяти остались блестящие биографии Гиоры Шпигеля, отыгравшего пять сезонов во французской высшей лиге, Мордехая Шпиглера, сыгравшего в командах Англии, Франции и в знаменитом нью-йоркском клубе «Космос» в паре с великим Пеле.

Огромное футбольное дарование было и у Рони Кальдерона, обладавшего замечательной техникой, отличным видением поля, ударом и другими игровыми достоинствами. Скауты всей футбольной Европы охотились за этим игроком, от «Аякса» до «Баварии», от ПСЖ до «Тотенхема»...

Но характер этого молодого человека оказался слабее его дара, и судьба Кальдерона не сложилась, а точнее, сложилась трагически.

В конце 1970-х блистал центральный защитник Ави Коен, подписавший контракт с английским «Ливерпулем». Позже Кубок европейских чемпионов выигрывал иерусалимский форвард в составе бельгийского «Михелена» Эли Охана.

Уже в 1990-х годах с различной степенью успеха в ведущих европейских командах играли такие израильские футболисты, как Рони Розенталь, Ави Нимни, Алон Мизрахи, Таль Банин, Хаим Равиво, Давид Ават и др. До сих пор в английской премьер-лиге выступает очень талантливый полузащитник 32-летний Эйяль Беркович. В «Болтоне» замечен игрок основного состава – центральный защитник Таль Бен Хаим.

Список не слишком длинный, но имена яркие.

Нынешняя сборная Израиля, с которой работает Авраам Грант, на данный момент выступает в отборочном турнире чемпионата мира 2006 года очень прилично. Команда сохраняет шансы на выход в финальный этап турнира. Грант создал команду из молодых игроков израильской высшей лиги, надеясь на их трудолюбие в игре и на тренировках.

Грант отказался от услуг ветерана Эйяля Берковича, сидящего на скамейке запасных в английском «Портсмуте». Это решение главного тренера вызвало бурную реакцию в околофутбольных кругах, ведь Беркович действительно талантливый игрок, вокруг которого строилась игра сборной в течение многих лет.

Если мыслить реально, то Грант, у которого сложные личные отношения с хайфским «бриллиантом», как называют Берковича болельщики, совершил поступок правильный. Беркович в «Портсмуте» играет очень мало, его преследуют травмы, и его футбольная карьера явно на закате.

Но, возможно, 20–30 минут этот футболист мог бы быть полезен сборной, мог бы подарить несколько голевых передач юным коллегам?

Отвечая на претензии оппонентов, Грант говорит, что «когда у тебя есть такой игрок, как Йоси Бен Аюн, находящийся на пике карьеры, то даже такие стареющие дарования, как Беркович, отходят в интересах сборной на второй план».

Так или иначе, имя Бен Аюна сегодня постоянно присутствует в публикациях о настоящем и будущем сборной Израиля по футболу.

Кто же он такой, Йоси Бен Аюн?

Этот худощавый юноша родился 5 мая 1980 года в израильском городе Димона в семье не богатой, но дружной, любящей и сплоченной. Отец Йоси Давид играл в футбол на среднем уровне, особо не блистая, зато был добрым и внимательным отцом, что важнее многих других достоинств.

Он заметил, что его сын, худющий и на вид очень слабый физически, обращается с мячом, как опытный мастер. И это всего-то в семь лет!

Отец на попутных машинах ежедневно ездил с сыном в Беер-Шеву, где Йоси был принят в старшую по возрасту группу футбольной подготовки. Мальчик играл так, что у многих специалистов вызывал восхищение и своей техникой, и видением поля. С тех пор отец посвятил жизнь таланту своего ребенка.

Размашистый футбольный почерк юного атакующего полузащитника был совершенен. Пессимисты говорили, что мальчишки всегда очень хороши, а настоящее дарование проверяется только в процессе взросления и становления игрока. Возможно, это верно, но Йоси буквально с каждым днем играл всё сильнее. В юношескую сборную Израиля он попал в возрасте неполных 15 лет и «тащил» на себе эту команду в стремлении попасть в верхние строчки европейских состязаний.

В 16 лет Бен Аюн начал играть в основном составе команды высшей израильской лиги «А-поэль» (Беер-Шева). Слух о великолепном юном мастере разлетелся по футбольной Европе, и подростка

пригласили в голландский «Аякс», в знаменитую спортивную школу этого клуба. В группе подготовки этой команды «выросли» Йохан Кройф, Род Хулит, Марко Ван Бастен и другие известные игроки.

Сегодня «селекционеры» голландского клуба ищут даровитых юных футболистов по всему миру. В старшей группе «Аякса» с лучшими тренерами занимаются игроки в возрасте от 16 до 18 лет из многих стран мира. Процент «отдачи» детской секции клуба очень высок.

Команда предоставляет каждому приглашенному в Амстердам юноше квартиру и деньги на карманные расходы. Так было и с Йоси Бен Аюном. Тренеры были очень довольны спортивным ростом израильского игрока. Но паренек заскучал по дому, по друзьям, по... маминой еде. «Больше всего я хотел бы попасть домой, в Димону, сесть за обеденный стол и съесть мамин шницель», – признавался 16-летний игрок.

Бен Аюн вернулся домой. Скептики говорили, что «дарование футболиста не так значительно, как утверждают журналисты и тренеры» и уровень спортивного развития паренька не оставляет больших надежд на его будущее.

Хайфский клуб «Маккаби», самая успешная и богатая команда израильского футбола последних 25 лет, подписал контракт с юным полузащитником.

И Бен Аюн «расцвел» в новой команде, завоевав все возможные израильские футбольные титулы. Отец его продолжал ездить не только на все матчи сына, но и на тренировки. В Израиле возникли клубы поклонников Йоси.

Скромный, нервный пацан, создающий острейшие ситуации у ворот соперника, в послематчевых интервью всегда говорит, что победы добивается вся команда, успеха заслужили старания всех игроков, а ему лишь удалось подставить ногу, сделать передачу, что-то исполнить... «Не надо преувеличивать моих заслуг в этой победе», – говорит футболист искренне. Он знает себе цену, но не носит ее со своей особой, как с драгоценной ношей.

– Я просто играю, как могу, – говорит он.

В 18 лет Бен Аюн был призван в армию, как и все его сверстники в Израиле. Тренер юношеской сборной Зеев Зельцер пытался «выбить» у Генштаба особые условия службы для Бен Аюна и других игроков своей команды. Однако армейские офицеры отказали тренеру в просьбе. Разразился скандал. В результате облегченную месячную службу молодого бойца Бен Аюн и его друзья прошли на общих основаниях и лишь позже армейские власти пошли навстречу талантливому игроку и стали выдавать освобождения на тренировки и игры хайфского клуба и сборной страны.

Полузащитник прибавлял от матча к матчу. Его игра отличалась непредсказуемостью, он видел, чувствовал футбольное поле, владел ритмом футбола: выглядел как чудный и диковинный цветок на общем «рабочем» фоне. Старшие коллеги относились к нему с невиданным почтением, отмечая, что очень многое в командной игре держалось на этом юноше.

Скептики же замечали, что у Бен Аюна все получается неплохо, но для современного футбола он слабоват физически и в европейском клубе может просто не выдержать нагрузок.

Два года назад Бен Аюна приобрел скромный клуб испанской высшей лиги «Рэсинг» (Сантандер). Игрок начал всё практически с нуля: его мало кто знал в Испании. А чемпионат этой страны более чем насыщенный и очень суровый. Иностранцы легионеры самой высшей квалификации играют во всех без исключения испанских клубах.

Бен Аюн не потерялся в новой ситуации. Он стал опытнее, женился, набрался сил. Играет израильтянин по-прежнему ярко, завоевывает себе авторитет как на поле, так и вне его. Он доброжелателен, внимателен. Его прогресс очевиден для всех.

В сборной Израиля, выступления за которую остаются для Йоси самым важным событием его футбольной карьеры, всю игру тренер Грант строит вокруг него.

Ныне Бен Аюну 25 лет. В некоторых матчах испанского первенства Йоси выглядит лучше, чем «гранды» мирового футбола: вспомним декабрьскую игру Сантандера против мадридского «Реала», когда израильтянин забил гол, сделав голевую передачу. Тогда его клуб, правда, проиграл 2:3, но сам Йоси был достоин победы.

В игре за израильскую сборную со сборной Кипра он обошел пятерых игроков обороны и закатил победный гол! В игре со сборной Швейцарии Бен Аюн стал автором сразу двух отличных голов, встреча закончилась вничью 2:2. Многие тогда говорили: а что было бы со сборной Израиля, если бы не было Бен Аюна? Как эта команда играла бы, что показывала?

Но, слава Б-гу, Йоси Бен Аюн есть, так что вопрос этот риторический.

Йоси не участвует, да и не должен участвовать, в полемике о возможном привлечении в сборную Эйяля Берковича. Но его мнение об игре Берковича – восторженное.

В марте 2005 года сборная Израиля играет два решающих матча отборочного турнира чемпионата мира 2006 года против сборных Северной Ирландии и Франции. Беркович в команде Израиля не сыграет, это очевидно.

И всё в этих встречах ложится на плечи Бен Аюна: ответственность за качество игры сборной, за настроение болельщиков, игроков и тренеров.

Чем это обернется для израильской команды? Дай Б-г не сглазить их.

МОЛИТВА ЯНУША КОРЧАКА

Î adé Ôadéôííâ

В дневнике, который Януш Корчак начал писать месяца за три до гибели, в мае 1942 года, воспроизводится разговор двух «дедов».

«– Я вел правильную размеренную жизнь без потрясений и крутых поворотов, –

с удовлетворением рассказывает о себе один. – Не курил, не пил, в карты не играл, за девицами не бегал. Никогда не голодал, не переутомлялся, не спешил, не рисковал. Всегда всё вовремя и в меру...

– Я чуть-чуть иначе, – отвечает ему другой. – Всегда там, где достаются синяки и шишки. Еще был сопливым мальчишкой, как уже первый бунт, первые выстрелы. И ночи были бессонные, и тюрьмы столько, что любому юнцу было бы достаточно, чтобы поуняться. А потом война... Пришлось ее искать далеко, за Уральскими горами, за Байкальским морем, среди татар, киргизов, бурят, даже до китайцев добирался... Водку, разумеется, пил, и жизнь свою, а не скомканный банкнот на карту ставил. Только на девчонок вот времени не было... Папирос искурил без счета... И нет во мне ни единого здорового местечка. Но живу. Да еще как живу!»

Разговор, конечно же, вымышленный, но черты самого Корчака во втором собеседнике угадываются несомненно. И в тюрьме он не раз сидел, и военным врачом во время трех войн служил, и в Китай его одна из войн занесла. Первый «дед» горделиво упоминает своих детей и внуков.

«– А у вас? Как у вас, коллега?

– У меня их двести.

– Шутник вы, сударь!»

Если Корчак и подшучивал в своем дневнике, то немного над собой. Он никогда не был женат, единственной его семьей до конца жизни оставался созданный им Дом сирот.

Вместе со своими детьми он проделал последний свой путь – в лагерь уничтожения. Это доселе невиданное, потрясающее шествие описано неоднократно. Двести воспитанников приюта шли на вокзал по улицам, оцепленным эсэсовцами, стройной колонной, с пением, неся впереди свое зеленое знамя. И во главе колонны, держа за руки двух детей, шел невысокий рыжеватый человек, Старый доктор, Хенрик Гольдшмидт, известный читателям во многих странах мира как Януш Корчак.

По-разному пересказывались легенды, будто немцы «великодушно» предложили знаменитому доктору спасти свою жизнь, покинув детей. Известны свидетельства вполне достоверные: Корчаку задолго до расправы предлагали бежать из гетто, уже приготовлено было даже убежище, где он мог спрятаться, пережить оккупацию.

Обсуждалась целесообразность избранного им самопожертвования. Детей он не спас всё равно, а мог бы еще сослужить службу другим – сирот в мире хватало. Не кончает же самоубийством врач, пациент которого умер от неизлечимой болезни. Он повел себя, говорили некоторые, не как обычный человек – как мученик, как святой.

Αἰὶ πῆδῶ ἀΑἰδοῦναι ἰὰ Εὐδοῖ ἀεὶν τῆ ἀεὶοῦ 92 Νίεῖ τῆ ἀἰἰαῖ ἰὸδ ἑἰο.

Я, которого судьба от такого выбора, слава Б-гу, уберегла, который не может всерьез даже сопоставлять себя с этой несравненной личностью, всё же пробую сам мысленно этот выбор к себе примерить. И позволю себе утверждать убежденно: не мученик, не святой, человек обычный, если его душа не извращена, поступить иначе не мог. Разве можно покинуть своего ребенка, когда он болен, когда попал в беду, когда ему угрожает опасность? Отказаться от своих детей, отпустить их на гибель, чтобы самому остаться в живых, – нет, даже представить себе, чем стала бы для тебя твоя дальнейшая жизнь, невозможно.

Ведь двести еврейских сирот, совершавших последний свой путь вслед за Янушем Корчаком, были для него своими.

Мне труднее, признаюсь, представить себе другой, действительно не всякому посильный подвиг, которым оказалась вся жизнь этого во всем обычного, такого же, как мы, человека, – подвиг, который он совершал постоянно, день за днем, в течение многих лет, в самые страшные времена, и не отказался от него до последних мгновений.

Он служил на фронте врачом, работал в больнице, к нему обращались за помощью не только евреи, но богатые, знатные христиане. Другие могли гордиться такой практикой. Он ушел из больницы ради Дома сирот – и записывает в дневнике: «Осталось чувство вины... Отвратительное предательство». Хотя и здесь он не переставал быть врачом – дети постоянно болели. Поносы, кашель, обморожение, дистрофия, сыпь на коже, – записывает он в дневнике. «Рвота – пустяки». «Незабываемые картины пробуждающейся спальни». Ежедневное измерение температуры, взвешивание, добыча пропитания для детей. Он сажает детей на горшки, моет им головы, стрижет им ногти. Это были его дети.

Между тем попадали они в Дом сирот по-всякому, доктор Гольдшмидт их не выбирал. «Город выбрасывает мне детей, как море ракушки, а я ничего – только добр с ними». Чаще всего это были дети из бедных, неблагополучных семей, с подорванным телесным и душевным здоровьем, нередко трудновоспитуемые. «У меня такое впечатление, что сюда присылают отбросы – как детей, так и персонала из родственных учреждений», – с горечью записывает Корчак. Удивительные, новаторские методы воспитания описаны им в знаменитых книгах, но можно иной раз лишь догадываться, чего это ему стоило.

«Пять стопок спирта, разведенного пополам с горячей водой, приносят мне вдохновение.

После этого наступает блаженное чувство усталости, но без боли».

Ведь и боли он чувствовал постоянно. Но больше боли, ухудшающегося здоровья, больше наваливавшихся одна за другой невзгод пугало его иногда другое:

«Вялость. Бедность чувств, безграничная еврейская покорность: “Ну и что? Что дальше?”»

Ну и что, что болит язык, ну и что, что расстреляли? Я уже знаю, что должен умереть. И что дальше? Ведь не умирают же больше одного раза?»

И в другом месте:

«Существуют проблемы, которые, как окровавленные лохмотья, лежат прямо поперек тротуара. А люди переходят на другую сторону улицы или отворачиваются, чтобы не видеть.

И я часто поступал так же...

Надо смотреть правде в глаза.

Жизнь моя была трудной, но интересной. Именно о такой жизни просил я у Б-га в молодости.

“Пошли мне, Б-же, тяжелую жизнь, но красивую, богатую, высокую”».

Б-г, видимо, и вправду услышал его молитву – сам Корчак жизни себе не облегчал. Дороже многого стоит это вырвавшееся признание: «И я часто поступал так же». Но он продолжал смотреть правде в глаза. Под грохот бомб и снарядов, вызывающе надев свой офицерский мундир, ежедневно, ежеминутно рискуя жизнью и презирая опасность, он носится по варшавским улицам, подбирает испуганных, заблудившихся, истощенных детей, поднимает с мостовых раненых. Он добывает им пропитание, обувь, одежду, он стучится в учреждения и частные дома, требуя помощи для Дома сирот – для своих детей, умоляет, кричит, угрожает. Слово царящие вокруг страх и растерянность наделяют его новой, неистощимой энергией. Он пишет обращения к евреям и к христианам: «Исключительные условия требуют исключительного напряжения мысли, чувств, воли и действий. Сохраним же достоинство в несчастье!»

Перечитывая эти строки сейчас, в сравнительно спокойные времена, поневоле снова оглядываешься на себя. Чему можем научиться мы, люди обычные, у воспитателя, вся жизнь которого оказалась подвигом, у человека, личность которого несравненна? Если бы хоть вот этому – способности бороться с такой знакомой каждому душевной вялостью, расслабленностью чувств, мысли и воли, способности хотя бы иногда заглядывать правде в глаза.

Άεὲ Νότιεταπείε. Ἐεῖρηὸδὰοὐὲ ἔ δῖι αἰόβ. Ἐἶθ-ἀεὲ «Ἴ ἀὸεὸς ἰὰ ἰάτᾶεὸὰὰι ἱὶ ἱπὸδῖᾶ».

Сам Корчак именно этому учил своих воспитанников – никаких истин им не проповедуя.

«Мы не даем вам Б-га, – говорил он, обращаясь когда-то к детям, покидавшим его Дом, – ибо каждый из вас должен сам найти Его в своей душе.

Не даем родины, ибо ее вы должны обрести трудом своего ума и сердца.

Не даем любви к человеку, ибо нет любви без прощения, а прощение есть тяжелый труд, и каждый должен взять его на себя.

Мы даем вам одно, даем стремление к лучшей жизни, которой нет, но которая когда-то будет, к жизни по правде и справедливости.

И может быть, это стремление приведет вас к Б-гу, Родине и Любви».

Ά-αὲ ἰ ἰᾶἱ ἱᾶαὸὐἰ ἰάῶᾶ ἱ ἰάὸῖϕ,

ὐὲ ἰᾶἱ ἰ ἰᾶ ἰ-ὸἱ ῖἰ ἰῖῖῖῖ:

Ἐεῖϕῖ ἰ ἰῖῖῖῖῖ ἰ ἰῖῖῖῖῖῖ ἰ ἰῖῖῖῖῖ

ἰᾶᾶᾶᾶ ἰᾶᾶᾶ ῖ

Ἀῖῖῖ ἰ ἰῖῖῖῖῖ ῖῖῖ ἰ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶ

ὸἰῖῖῖῖ ἰῖῖ,

ἰᾶᾶ ἰᾶᾶᾶ ἰῖῖῖ.

Ἀ ἰᾶᾶᾶᾶ ἰ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰᾶᾶᾶᾶᾶ

ῖῖῖ ἰ ἰᾶᾶᾶᾶ ἰῖῖῖῖῖῖῖ

ἱῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ ἰ ἰῖῖ,

nò aì íàèèñí ÷ añò ùp ì íàé.

Òù ààé ì íá èñéàòù íá àéy ò íá,

÷ ò íáú àí áòàòùñy àí àíà -

× ò íá, àéòáéyñí, ìí òàò è ààòù

àí íáí è àí íáí,

Áàé ìííyòù ÷ ò íá áòù y àéààò íáñ-

àñ àéààí ì ù.

Àéçíù íéàçíààòñy íá éíòíòéà -

í áàòñy ò íí àéé íá

Áàòíù ì íáñ-àòù Í èñáíéy,

y àí ò íá ì íáò áàòèòù

Ì àòóñàéé àí íéíá ì íáí òí àéòù

ìí ÷ ò è òùñy ÷ ó éàò.

Á-æá, òù ààé ì íá æèòù, èàé y òí ò àé,

è ààáòù òí áòáòù

Áù áòáá ñáí ð ñáúñó

è íá ò àòñy ñááy.

ЗЛОВЕЩЕЕ КАФЕ

Бен Хект

Окончание. Начало в № 2, 2005

Появился официант с телефонным аппаратом и включил его в розетку.

– Вас соединили, – сказал официант.

– Прошу меня извинить. – Барон улыбнулся и взял трубку. – Алло! Эмиль? Эмиль, это Корфус. Помните, я говорил вам, что ожидаю двух джентльменов... Да?.. Уже?.. Будьте добры, дайте трубку лейтенанту.

Барон вздохнул и взглянул на Морти.

– Ужасная глупость, – сказал он. – Я думал, у меня встреча не в полночь, а в половине второго. Мисс Уилкерсон, ведь я вам так сказал?

– Да, – закивала головой она. – Я поняла, что в половине второго. Я точно помню...

– Кажется, мы перепутали, – улыбнулся барон. – Объясните мне, доктор, почему так бывает: если дело касается прошлого, помнишь всё до мельчайших подробностей, а про то, что происходит сегодня, забываешь тут же?

– Возможно, сегодняшней день вас не интересует, – вкрадчиво сказал Морти. Я видел, что он заметил, как дрожит рука барона, как пристален взгляд его полуприкрытых глаз.

– Алло! – сказал Корфус в трубку. – Лейтенант?.. Лейтенант, я перед вами очень виноват. Я почему-то решил, что мы встречаемся после кафе... Неужели?.. Да, теперь вспоминаю. Признаться, я и сам минут пятнадцать сомневался. Будьте добры, передайте вашему дядюшке мои искренние извинения и спросите, не согласится ли он посмотреть картины. Я скоро буду. Скажите ему, все данные у меня на столе... Что, уже? Я просто счастлив.

У барона почему-то перехватило дыхание, рука, державшая трубку, затряслась еще заметнее.

– Тогда мне нет смысла торопиться, – продолжил он. – А вы как поживаете, лейтенант? Мы вспоминаем вас весь вечер и по разным поводам. Да, она здесь. Хотите с ней поговорить?

Он передал трубку мисс Уилкерсон. Морти всё вытирал лицо и то и дело выглядывал из-под платка, и я подумал, не предложит ли он платок барону: у того на висках выступили капельки пота.

– Алло, алло, – сказала мисс Уилкерсон. – Жаль, что вас тут нет, мистер Малкен... Да-а, сегодня здесь много всяких чудесных людей... Ну, просто все... Неужели?... Какой вы гадкий, мистер Малкен... Нет, я никогда не буду звать вас Дики, если вы не прекратите так разговаривать. – Она засмеялась: похоже, Дики перешел в атаку и засыпал ее игривыми, двусмысленными шуточками. Барон сидел затаив дыхание, но, казалось, думал о своем. По его губам скользнула улыбка, и он взял у мисс Уилкерсон трубку.

– Будьте добры, попросите дворецкого, чтобы он, пока я еду, сделал вам коктейль, – сказал он. – Что вы, это его несколько не затруднит. Я уверен, что у него и сэндвичи готовы... Ах, уже? Что ж, я очень рад... Нет-нет-нет... Прошу вас, не заговаривайте об этом до моего приезда. И не торопите его – пусть смотрит, сколько пожелает. Настоящий ценитель искусства любит побыть наедине со своей добычей... Я уверен, он найдет многие работы достойными внимания... Да... Мы допиваем шампанское и выезжаем... Еще раз простите, что я перепутал время...

Он повесил трубку и взглянул на часы. Пот уже стек с висков к подбородку и теперь поблескивал на дрожащих пальцах. Но голос его, когда он обратился к нам, был ровным.

– Мистер Альберт Малкен сейчас у меня в квартире – смотрит кое-какие из моих картин, которые я не прочь продать.

Морти ласково смотрел на барона.

– Я, право, крайне расстроен. – Барон тоже достал платок и утер пот. – Мне очень стыдно, что я оказался так непунктуален. Пожалуй, пунктуальность для меня единственный способ держать в узде расстроенное сознание. Во всяком случае, мне часто так кажется. Но пока что всё складывается не так уж плохо. Может быть, выпьем еще шампанского?

– Не думаю, что нам следует оставлять мистера Малкена одного, – мисс Уилкерсон надула губки.

– Но я не могу так поспешно покинуть новых друзей. – Он улыбнулся. – В особенности доктора Бриггза: он ведь всё еще любопытствует, почему я искал его общества. Мне пришлось эмигрировать из страны, которую я некогда любил. И нет для меня большего удовольствия, чем рассказывать об этой стране. Она для меня – всё равно что старинный, но умерший друг. Знаете, как приятно бывает поделиться воспоминаниями о близком тебе человеке.

У меня создалось впечатление, что барон нарочно нас забалтывает, и я ждал, когда Морти скажет об этом прямо. Но Морти погрузился в задумчивость, и я понял, что мысли его витают где-то далеко. Мозг его исступленно работал.

Барон Корфус проговорил еще минут пять, в основном рассказывал об обеде, где Муссолини прочитал оду в свою честь. Затем он попросил у Ганзо счет. Но оплатить его не спешил: заканчивал историю о любовных забавах фашистов в Варшаве, отдельные детали которой напомнили мне фильм, виденный мной несколько месяцев назад; и тут снова появился официант с телефоном.

– Это вас, сэр, – обратился он к барону и включил телефон.

– Алло! – сказал барон. – Да... Что?.. Не понимаю... Ах, вот оно как... Мне, право, очень жаль... Да, он у меня с собой... Да... Я уверен, всё будет в порядке... Да, конечно, сейчас буду.

Он повесил трубку и тут же встал. Морти тоже поднялся.

– Что-нибудь случилось? – промурлыкал он.

– У вас такой расстроенный вид. – Мисс Уилкерсон положила ладошку на руку барона. – Что-нибудь с Дики?

– Я уверен, ничего страшного не произошло. – Наш хозяин вздохнул и направился к выходу. Морти последовал за ним, и тут барон добавил: – Мистер Малкен говорит, что его дядюшка заперся у меня в гостиной. Замок защелкнулся, а единственный ключ у меня.

– Почему бы дядюшке Альберту не открыть дверь изнутри? – поинтересовался Морти.

– По-видимому, он так увлекся моими картинами, – улыбнулся барон, – что не слышит криков племянника.

– Я – врач, – тихо сказал Морти, – и поеду с вами. На всякий случай.

До квартиры барона было пять минут на такси. Все мы четверо ехали молча. Больше всего меня озадачило то, что в такси Морти перестал потеть. Был свеж и доволен.

Дворецкий – щуплый и энергичный старичок – походил на Вольтера. Дики тут же прижал к себе мисс Уилкерсон и умолял не волноваться, сказал, что уже послал за доктором Кеннетом О. Бишопом – специалистом по сердечным болезням и личным дядиным врачом. Мисс Уилкерсон потрепала моряка по щеке – она не сомневалась, что всё будет в порядке.

Корфус тем временем отпер дверь, с которой мы все не сводили глаз. В большой гостиной с приглушенным освещением висело множество картин. В дальнем углу комнаты стоял на мольберте портрет молодой женщины. Мольберт был внушительный, с бархатными шторками по бокам.

И тут мы увидели Альберта Малкена: он лежал, уткнувшись лицом в ковер. Легендарный Альберт Малкен был мертв. В увешанной картинами комнате он смотрелся как ребенок, валяющийся на полу среди игрушек.

Мы стояли, как статисты в сцене смерти, не выучившие своих реплик. Морти вел себя особенно странно. Он смотрел не на скорчившегося на ковре Малкена, а на совсем другую фигуру. Ту, что была запечатлена на картине. Портрет изображал молодую женщину лет двадцати. Хрупкий стан, горделивая осанка; в гамме преобладали зеленые тона.

Когда появился доктор Кеннет О. Бишоп, нас уже успели обнести напитками. Этот высокий, дорого одетый мужчина имел ученый вид – он явно принадлежал к медицинской элите. Ни один специалист в области кардиологии не получал диплома доктора медицины и не становился полноправным членом академического сообщества, не представ предварительно пред его надменные очи. Сразу стало ясно, что мертвые миллионеры для него не в новинку. Смерть мистера Малкена его несколько не удивила. Он сообщил нам, что много лет пользовал нашего финансиста – у того было большое сердце.

Дики, убрав руку с грудной клетки мисс Уилкерсон, рассказал о событиях, предшествовавших кончине. Они с дядей прошли в гостиную и только стали рассматривать картины, как позвонил барон Корфус. Дики прошел за дворецким в соседнюю комнату, к телефону, и попросил старика сделать ему коктейль. Пока Дики разговаривал с бароном, дворецкий принес ему коктейль. Затем он сидел с коктейлем и рассказывал дворецкому рецепт своего любимого мятного джулепа^[1]. Когда же он собрался вернуться к дядюшке, оказалось, что дверь заперта. Дики решил, что мистер Малкен сам захлопнул дверь – не хотел, чтобы ему мешали.

Морти, слушавший рассказ с тихой улыбкой, поинтересовался:

– Когда вы выходили из комнаты к телефону, шторы на мольберте были открыты?

– Нет, они были задернуты. – Дики собрал лоб в морщины.

Морти благодарно кивнул.

И тут второй ученый – явно более высокого ранга – сделал любопытное заявление. Лет семь назад Альберт Малкен распорядился, чтобы его не хоронили, не сделав вскрытия. Среди его исключительно состоятельных пациентов такое требование было в порядке вещей – очевидно, они опасались, как бы их не принудили умереть поскорее. Разумеется, это всего лишь фобия, но он непременно известит доктора Бриггза, если будет обнаружено что-то интересное, любезно добавил он, приметив, как блеснули глаза Морти.

А затем, вздохнув, продолжил:

– Мистер Малкен был моим добрым другом. Очевидно, он переволновался, увидев эти картины, в особенности ту, что на мольберте.

– Прекрасная работа, – сказал Корфус.

– Увы, впечатление оказалось слишком сильным, – сказал доктор Бишоп. – Бедный Альберт, искусство он ценил превыше всего.

– Удивительная теория... – ехидно шепнул мне на ухо Морти. – Если эта картина кого и взволновала, так только меня.

Когда мы выходили из гостиной, я заметил, как барон кивнул старику дворецкому. Вольтер задержался, чтобы задернуть шторы.

Морти позвонил мне на следующий день под вечер. Я спросил, видел ли он барона.

– Нет, – ответил он, – но насчет него не беспокойтесь. Вечером мы увидим его в «Эль Гранаде».

– Думаете, он там будет? – удивился я.

– Вы наивны, как дитя, – хихикнул Морти. – Он не просто там будет, он будет один.

Я спросил своего друга Шерлока, как он пришел к такому выводу.

– Дело в том, что ему нужен я, – сказал Морти. – Его влечет ко мне. Причем куда больше, чем меня к нему.

Я сообщил Морти, что вообще перестал что-либо понимать, и спросил про вскрытие.

– Мистер Малкен скончался, потому что у него было слабое сердце, – радостно ответил Морти. – Никаких сопутствующих факторов, как-то: пуль, ядов, следов побоев – обнаружено не было. Это – идеальное преступление. Итак, в двенадцать, и не опаздывайте! Не хочу, чтобы барон нервничал.

Барон Корфус сидел на месте, в одиночестве, недвижимый, как статуя; стальные волосы были приглажены, длинное лицо выражало благожелательность, прикрытые глаза еще больше напоминали два тире в азбуке Морзе, в петлице цвела камелия. И – вне всякого сомнения – он ждал нас.

Меня всегда приводили в восторг истинные денди в момент испытаний: Карл I на плахе откинул с шеи локоны и сказал, что они никого не обидели, так что палачу незачем их трогать; литературный король Парижа^[2], когда ему зачитывали смертный приговор, перебил своих обвинителей: «Ну уж увольте... Узнаю слог Дидро...»; и тот бруклинский парнишка, что плыл по Коралловому морю, где горела нефть, и крикнул спасателям: «Эй, ребята! До берега не подбросите?» Я восторгаюсь людьми, которые и в несчастье остаются верны себе, и в тот вечер наш барон держался как истинный член этого племени. А Морти был воплощением застывшей на пороге беды – Немезиды, – притаившейся в засаде. Он глядел на нашего хозяина с прищуром, словно целился в него, он потел, он бросал многозначительные взгляды, вертелся, как девица, мечтающая поскорее выскочить замуж, и опрокидывал стакан за стаканом. Но это было радостное возбуждение учителя, приблизившегося к истине, а не злорадство пуританина, загнавшего грешника в угол, и я простил его. Однако не без удовольствия отметил, что наш барон так

просидит с невозмутимым видом хоть до судного дня, и если кому и придется выкладывать карты на стол, так это Морти. Так оно и вышло.

– Корфус, – сказал он наконец, – я хочу рассказать вам одну историю.

– Что ж, это будет только справедливо, – улыбнулся барон. – Вы же выслушали несколько моих.

– Но прежде чем начать, – сказал Морти, – я хочу внести ясность: я возьму на себя роль не только обвинителя по делу об убийстве, но и присяжных, а также судьи.

– Суд «Эль Гранады», – кивнул с улыбкой барон. – Приятно, что разбирательство состоится в столь милом месте.

– Доказательства я просто перечислю, – продолжал Морти, – поскольку вам они, разумеется, прекрасно известны. А если и утомлю вас подробностями, то лишь для того, чтобы убедить вас, что все факты у меня на руках.

– Вы меня несколько не утомите, – сказал барон.

– Я рад, что вы не намерены спорить и перечить, – улыбнулся Морти.

– Я никогда не перечу гостю, который приятно проводит время, – ответил барон. – Позвольте подлить вам вина.

Он наполнил бокал Морти. Тот рассеянно выпил.

– Начну с рыжеволосых, – сказал он. – Я никак не мог взять в толк, какую роль играют эти рыжухи. Разумеется, я понимал, что это приманка для Дики, а Дики – приманка для дядюшки Альберта. Но к чему человеку с прекрасной коллекцией такие ухищрения для знакомства с Малкеном, известным любителем искусства? Прошлой ночью я получил ответы на многие вопросы, в том числе и на этот. Вам нужно было, чтобы на месте событий находились оба – и Дики, и дядя Альберт. Вы, естественно, намеревались отсутствовать. Но хотели, чтобы на месте гибели Альберта присутствовал еще кто-то, кроме дворецкого. Старый джентльмен, несмотря на свои гейдельбергские шрамы^[3], вряд ли выдержит допрос с пристрастием. Да и если бы могущественный Малкен был найден мертвым в незнакомом доме, а единственным свидетелем оказался бы столь странный дворецкий, возникло бы немало вопросов. Дики был гарантией от подобного расследования. Вот и весь фокус.

Барон по-прежнему слушал с вежливым интересом.

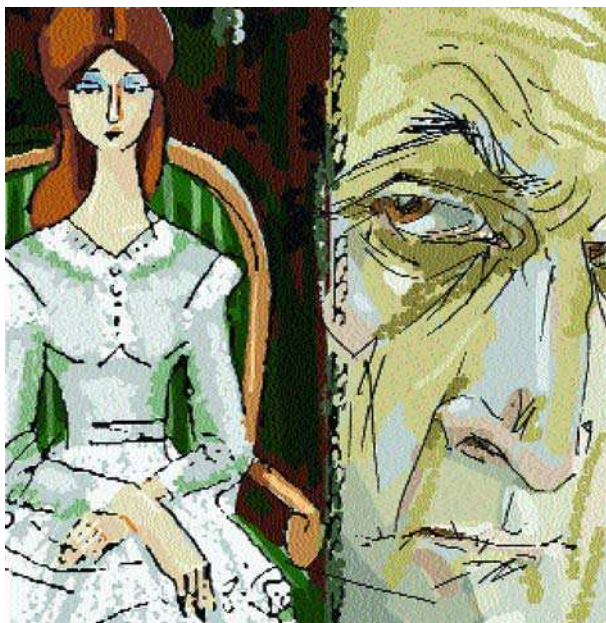
– За что я вам благодарен, – продолжал Морти, – так это за то, что вы вчера пригласили меня за свой столик – чтобы было кому подтвердить алиби. Не слишком благородный поступок... но я не в обиде. Я провел время с пользой. А теперь мы переходим к самому предприятию – крайне значимому для вас и слегка безумному. Я, разумеется, с самого начала догадался, что вы никакой не аферист и вами руководит ненависть.

– Ненависть, – сказал барон любезно, – руководит сейчас миллионами.

Морти вытер лицо и продолжал:

– Вчера вечером, когда вы говорили по телефону, я окончательно понял природу вашего предприятия. Вы солгали. А ложь, друг мой, всегда указывает на то, что человек хочет скрыть. Пока человек не лжет, его тайна в безопасности. Мы, психоаналитики, занимаемся тем, что выслеживаем ложь. И на ложь у меня острый слух. Когда вы сказали по телефону, что забыли, на какое время назначена встреча с дядей Альбертом, для меня это прозвучало как удар гонга. Человек, потративший два месяца на то, чтобы подманить Малкена, ни при каких условиях не забудет время встречи. И еще, пока вы говорили по телефону, стало совершенно очевидно, что вы два месяца нарочно придерживались одного и того же распорядка – чтобы все в «Эль Гранаде» знали: время от полуночи до половины второго вы проводите здесь.

Эта ваша привычка должна была стать вашим алиби – она, и еще мы. «Эль Гранадю» вы использовали как нельзя лучше.

Барон, усмехнувшись, взглянул на часы.

– Скоро час, – сказал он, – и я еще не избавился от своей привычки.

– Мы успеем закончить, – просиял улыбкой Морти. – Итак, вернемся к представлению, которое вы устроили с телефоном. Вы показывали всем своим видом, что вы крайне возбуждены. У вас дрожали руки, на лбу выступил пот. И я понял, что предприятие – задуманное, как мы узнали вчера, услышав о том, что дядюшка Альберт давно боялся насильственной смерти, семь лет назад, – близко к завершению. Убийство Малкена происходило, пока вы держали Дики у аппарата.

Барон вздохнул.

– Я в замешательстве, – сказал он. – Вы что, обвиняете моего дворецкого?

– Б-г мой, нет, конечно! – с негодованием воскликнул Морти и добавил: – Он если и принимал в этом участие, то минимальное. Всё было так прозрачно, что я опасался, как бы не догадался этот кретин Кеннет О. Бишоп (О. здесь значит «окаменелость»).

Морти укоризненно покачал головой.

– Вы очень рисковали, представив дело так, что мистера Малкена убил портрет работы Форена, – сказал он. – Это произведение вряд ли могло разорвать его сердце, разве что вызвало бы легкие перебои.

– Форен – мастер во многом недооцененный, – сказал барон, и я решил, что они оба спятили.

– Я понял, что вы в него очень верите, – хмыкнул Морти, – едва вошел в гостиную. Однако удивился, что такой знаток, как вы, поставил третьесортную картину на задрапированный бархатом мольберт. Но как только я задал себе этот вопрос, дорогой Корфус, мне достаточно было задать еще один, и я уяснил себе все подробности убийства. Были ли шторки задернуты, когда дядюшка Альберт вошел в комнату? Были. Далее – всё проще простого.

Морти выдержал паузу – словно ждал шквала аплодисментов.

– Насытившись Мемлингами и Гойями, – продолжил он, – любитель прекрасного, каким был Малкен, с жадностью обратится к несомненной жемчужине коллекции – картине, которая удостоена

отдельного мольберта со шторками. Теперь мы подходим к самому преступлению. Выходя из гостиной, я сделал последнее наблюдение. Я увидел, как дворецкий – так называемый дворецкий – с трудом задергивает шторы. Я заметил, что при закрытых шторках кисточка на шнуре поднимается необычайно высоко – выше роста дядюшки Альберта. Когда дядюшка Альберт решил наконец взглянуть на смертоносного Форена, ему пришлось дотянуться до кисточки и с силой потянуть шнур вниз.

Меня разбирал смех.

– Вы полагаете, что дополнительные усилия, потребовавшиеся мистеру Малкену, чтобы открыть шторы, привели к смерти? – спросил я.

– Ничего такого я не полагаю, – сказал Морти. – Его убила кисточка на шнуре. В ней был запрятан шприц, и когда он схватился за кисточку, получил смертельный укол.

– Это был яд? – Я взглянул на невозмутимого барона.

– Вне всякого сомнения, – ответил Морти. – Но яд особого свойства, понял я, поскольку Корфус, узнав о вскрытии, нисколько не обеспокоился. Всю ночь я просидел за справочником по фармакологии – освежал свои знания о ядах, не оставляющих следов. Сегодня, когда допотопное чудовище по имени доктор Бишоп позвонило мне и сообщило, что при вскрытии ничего подозрительного не обнаружено, я всё понял. Так одурачить может только инсулин.

И он окинул Корфуса торжествующим взглядом.

– Когда мистер Малкен в нетерпении схватился за шнур и потянул его, в шприце, который впился ему в руку, было не менее двухсот единиц инсулина. Подстроено всё было идеально. Ваша жертва получила инсулиновый шок, а выглядело это как судороги при тяжелейшем сердечном приступе.

Наш столик стал островком тишины в кипящем звуками кафе. Прошло несколько мгновений, и Морти воззвал к барону:

– Корфус, теперь ваша очередь!

Вид у барона был довольно усталый.

– Забавная история, – сказал он тихо, – но уж очень затейливая.

– Я не утруждал себя поисками улики, – холодно сказал Морти, – но если полицейские обратят внимание на правую ладонь дядюшки Альберта, они обнаружат там след от укола. А анализ шнура покажет следы инсулина, и наверняка выяснится, что кисточка, которую я описывал, заменена.

Барон, казалось, заснул. И я с удивлением услышал, что он говорит – тихим, ровным голосом.

– Возможно, судья и присяжные суда «Эль Гранады» довольствуются тем, что я открою свое подлинное имя. Меня зовут граф Эйтель фон Лихтенфелс. И это имя – моя единственная защита.

Морти просиял.

– Разумеется, мне известно это имя. Я, знаете ли, учился в Берлине. Это семья крупных немецких банкиров. Но на нашу историю это свет не проливает.

– Жаль, – сказал барон, – мы могли бы сэкономить время. На портрете работы Форена, который не произвел на вас впечатления, изображена моя сестра Мари фон Лихтенфелс.

– Как же, как же! – воскликнул Морти. – Форен не сумел воздать ей должное. Она была знаменитой красавицей.

– Да, боги были к ней щедры, даже слишком щедры. К ее колыбели принесли много даров, и один оказался лишним. Ей выпала честь быть еврейкой. Сколько в ней было еврейской крови, Б-г весть, но доктору Геббельсу этого хватило. Наша семья – одна из богатейших из числа неугодных – бежала из Германии в 1935 году. Мы бежали без больших потерь – если не считать сердечных мук, которые испытывает изгнанник, когда ему предстоит вместо родины выбрать весь остальной мир. Я отправился в Россию. Отец, брат и сестра – в Лондон. В Лондоне моя сестра Мари получила телеграмму от американского финансиста Альберта Малкена. Он был в Австрии и хотел приобрести ее замок в Зальцбурге. Отец знал Малкена. Тот много лет пытался купить Рембрандта, гордость коллекции Лихтенфелсов.

Барон отпил вина и задумчиво взглянул на танцплощадку.

– Мне трудно рассказывать эту историю, – сказал он, – поскольку этот ужас забыть невозможно. Смерть мистера Малкена была лишь заслуженной карой. Но смерть одного негодяя не уменьшает количества зверств в мире. Я уверен, – барон снова взглянул на танцующих, – что вокруг нас еще десятки Малкенов, и они наслаждаются жизнью. Но если я буду продолжать в том же духе, вы, доктор, решите, что я сумасшедший. А это не так. Я просто отравлен миром, и более ничего.

Морти кивнул, и Корфус продолжил свой рассказ.

– Малкен попросил мою сестру Мари встретиться с ним в Австрии. Но Австрия была для нее опасна. Фашисты еще не сожрали эту страну, но уже расселись за банкетным столом, зажав в кулаках ножи. Мари договорилась встретиться с Малкеном в Цюрихе, но он на встречу не приехал. Прислал письмо, где сообщал, что лежит прикованный к постели в австрийском санатории у самой границы, и умолял ее приехать туда, чтобы заключить сделку. Сестра была смелой девушкой и хотела помочь семье – мы бежали, оставив большую часть состояния в Германии, – поэтому она отправилась в Австрию, в санаторий. Никакого мистера Малкена там не было. Ее схватили агенты гестапо и отвезли в Берлин. Видите ли, нацисты знали, что наша семья перед отъездом закопала большую часть своей коллекции живописи где-то в лесу, в Саксонии. Пятьдесят самых знаменитых картин, стоимостью в несколько миллионов, лежали под землей и ждали, когда нацистскому режиму придет конец и мы сможем вернуться.

Барон Корфус вздохнул.

– Ждать пришлось долго, – сказал он. – Дольше, чем мы предполагали.

Он помолчал и продолжил:

– В Берлине нацисты три месяца истязали мою сестру. Они изуродовали ей лицо, переломали руки и ноги. И в конце концов узнали, где спрятана коллекция Лихтенфелсов. Мистер Малкен был тут же вознагражден за свое участие в этом деле. Ему позволили купить вожденного Рембрандта за сравнительно небольшую сумму. Сейчас картина украшает его коллекцию. Мистер Малкен наверняка слышал, что оставшиеся члены семьи Лихтенфелсов покаялись отомстить за Мари. Нашего отца уже не было в живых. Сразу после гибели Мари он застрелился. Нашим берлинским друзьям позволили ее похоронить. Они написали нам, что не узнали ее. Вчера ночью мой дворецкий, он же мой старший брат Фредерик, и я смогли наконец исполнить клятву.

Барон вздохнул.

– Вчера ночью, – сказал он, – моя сестра видела, как мистер Малкен умер у ее ног. А теперь прошу меня извинить, – слабо улыбнулся барон. – Уже половина второго.

РАББИ НАТАН ШПИРО, КРАКОВСКИЙ КАБАЛИСТ XVII ВЕКА

Самуил Городецкий

Окончание. Начало в № 2, 2005

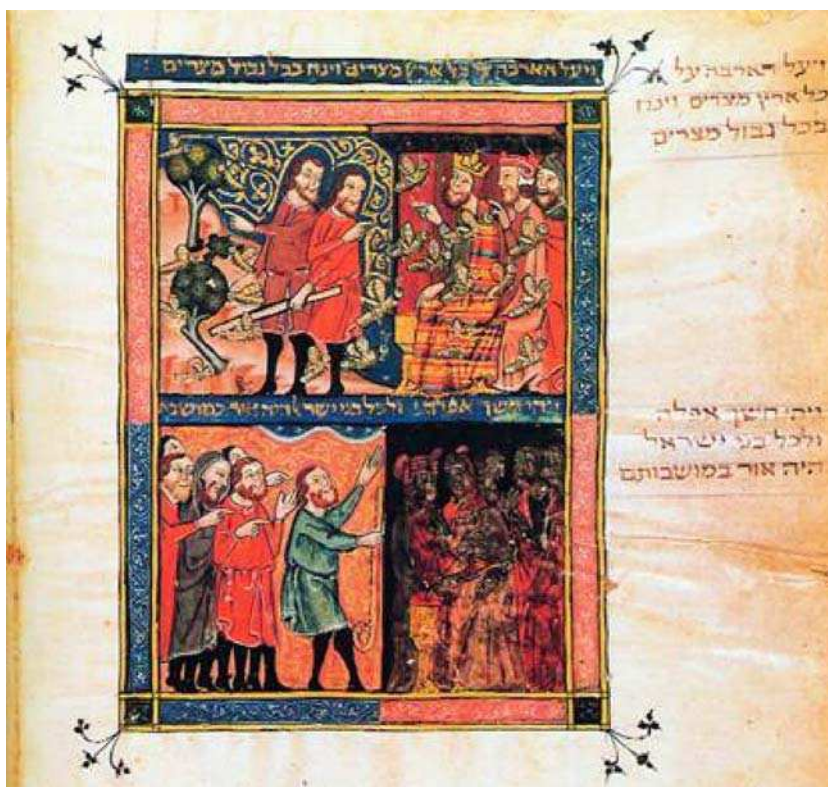

Рабби Натан Шпиро был типичным ариянцем; все элементы его мировоззрения заимствованы у Ари. Читая его книги, мы на каждом шагу наталкиваемся на взгляды Ари, хотя источник обычно не указан. Последнее обстоятельство свидетельствует, что новая система уже вошла в обиход кабалистов и источник ее был до того всем известен, что не было надобности его отмечать.

Подобно Ари, рабби Натан далек от умозрительного углубления в тайны мироздания, в разрешение вопросов о Б-ге, Вселенной и других абстракциях: для него сущность кабалы заключается в практической ее стороне, в учении об «Ойлом а-тикун», о спасении души, о «гилгуле» и «ибуре». Рабби Натан занимается тем, что «разоблачает» – в кого какая душа и для какой цели переселилась. Это для него главное. Если иногда он касается и других вопросов, то только мимоходом и только в связи с центральной и захватившей его идеей об «Ойлом а-тикун».

Рабби Натан не вносит в кабалу ничего нового; он и не стремится к этому. Пользуясь учением Ари о «гилгуле» и связанных с ним теориях, он со своей стороны только подкрепляет его доказательствами, черпаемыми в тексте Торы путем словосочетания (рошей тейвос, софей тейвос, гиматриойс, нотрикон и церуфей шмойс) – обычной аргументации кабалы вообще и ариянской в частности. В этой области рабби Натан отличается замечательным искусством; с помощью метода словосочетаний он делает самые смелые комбинации в области тех мистических истин, которые на веру были им восприняты от учителей. «Лико мидо делой ремизо бе-орайсо» («Нет ничего, о чем не было бы уже намек в Торе») – это талмудическое правило, служившее руководством для всех кабалистов, для рабби Натана имеет особенно существенное значение. «В ночь девятого ава, – рассказывается в одной агоде, – после разрушения Храма праотец Авраам подошел к месту, где стояла Святая святых, но был схвачен Г-сподом за руку и остановился. “Что привело Моего друга в дом Мой?” – спросил его Г-сподь. “Владыка Вселенной, где дети мои?” – воскликнул Авраам. “Они провинились передо мной, и я изгнал их”, – ответил Г-сподь». И вот рабби Натан предается по поводу этой агоды таким размышлениям: «С чего составитель Мидраша взял, что праотец Авраам входил в Храм? Где в Торе намекается на это?»

Ариянский «Ойлом а-тикун» является, как уже сказано, краеугольным камнем всей системы рабби Натана. Он, как и Ари, видит в прародителе Адаме, этом «создании рук Б-жиих», первопричину всех перемен, происшедших в мире; согрешив вкушением от Древа познания, Адам явился виновником воцарения в мире зла. Прародитель Адам, учит рабби Натан, до грехопадения наполнял собой всю Вселенную из конца в конец; в нем скрыты были все души: «из 60 мириад душ был он соткан». «Вкусив от Древа познания добра и зла, он распался на два начала: Каина и Авеля; Каин – царство зла, Авель – царство добра. От них и произошло в мире смешение душ, праведное смешалось с греховным, греховное – с праведным». Цель настоящей жизни – очистить праведное от неправедного, извлечь и вернуть к совершенству «падшие искры» Б-жества; и в этом назначение голуса: «высвободить заблудшие души».

Ἰ ἀὶ ἀνδρῶν ὁ ἐξ ἐλθεῖν ἄε. Διὰ αἰ ἄν

Ναδὶαί à XIV á

Рабби Натан вдумывается в судьбу Израиля, от начала его существования как народа, и видит призвание его в том, чтобы высвободить Б-жественные искры, погрязшие в нечистой силе. Святые праотцы первые приступили к выполнению этой задачи, и с этой целью Авраам переселился в Египет; ту же цель имело и переселение всего народа в Египет. Лишь после того, как евреями была выполнена эта задача извлечения искр Б-жества из царства дьявола, «они сподобились получить писанную Тору». То же повторилось и в вавилонском плену: только исполнив задачу очищения добра, «иудеи получили возможность завершить создание устной Торы». Был, правда, один момент, когда мир охвачен был благостью, когда всюду воцарилось добро, когда всё стало совершенством и вернулось к своему Первоисточнику, к состоянию, существовавшему до грехопадения Адама и Евы, – это был момент Синайского откровения. В тот момент, говорит старая еврейская мистика, «притупилось жало древнего Змия». Но вот евреи согрешили в деле «золотого тельца», и снова воцарился мир смешанных начал, снова рассеялись искры добра, поглощенные царством дьявола. И до той поры, пока отложение добра от зла не завершится, пока свет правды и мрак греховности слиты, – евреи останутся рассеянными в странах голуса, призванные извлечь из нечисти Б-жественные искры. В этом – разрешение загадки, почему «Израиль скитается среди народов. Ибо цель этих скитаний – возвеличить Имя Б-га». Такова теория, нашедшая позже, во второй половине XIX века, отклик у представителей «реформы» в Германии и известная под современным названием теории «еврейской миссии».

Но недостаточно одного этого – дифференциации добра и зла; нужно «самое зло исправить в корне», «извлечь искры из нечистого и поднять их в область святого», нужно добро привести к высшему совершенству. Для этой именно цели служат «гилгул» и «ибур». Четыре раза душа перевоплощается, пока не заслужит искупление за грехи прошлого. Тайной силой «ибура» в человека внедряются иногда три души, дабы помочь ему направиться на путь праведный. «Первая душа в этом случае является покровом и плотью для следующей», и все они друг другу помогают в деле искупления.

Рабби Натан вглядывается в движение истории и отыскивает там процесс переселения душ. В ком-то когда-то в древности жила душа, и она с той поры снова и снова возвращается на землю и еще не раз возвратится в будущем. Меняется лишь субъект, носитель души. Душа Адама переселилась в Авраама, затем в Ицхака и в Яакова; душа Евы – в Сару, затем в Ривку. Душа Авеля переходила последовательно в Шета и Моше; душа Арона – в Эзру; душа Пинхоса – в Илию-пророка и в рабби Акиву. Души участников

«вавилонского столпотворения» переселились в содомских грешников, потом в соучастников Кораха, в сподвижников Санхерива, а в будущем им предстоит перевоплотиться в Гога и Магога.

Мир постоянно повторяется. Всё находится в непрерывном и вечном возвращении. В новом мире повторяется мир старый; в обновленной форме появляется то, что давно минуло. Нет ничего нового. «То, что было, – снова будет, что совершено – снова совершится».

4

Рабби Натан созерцает Вселенную и восхищен мировой гармонией; его пленяет стройность мироздания: «Всё в творениях Б-га совершенно, ни прибавить нельзя, ни убавить!»

Обращая свой взор на народ израильский, он всюду встречает в нем двойственность. Древняя еврейская мистика заставляет Б-га говорить евреям: «Дети Мои, все творения Мои двойственны: небо и земля, солнце и луна, Адам и Ева, этот и тот свет». Рабби Натан развивает эту мысль: «Тора писанная получена нами из рук двух столпов – Моше и Арона; то же и в следующие эпохи: представители таннаев – Шемяя и Авталион. Гилел и Шамай, Рабби и рабби Натан; представители амораев – рав Аши и Равина и т. д.»

То же явление дуализма он замечает и в задаче совершенствующегося человека: «Его отношения двойки – к Б-гу и к человеку, а последнее, в свою очередь, бывает двух родов – отношение человека к самому себе и его отношение к другому человеку».

Ту же черту двойственности рабби Натан видит и в буквах Торы. Они бывают двух разрядов: «Один разряд – это 22 буквы алфавита от “алеф” до “тов”, которым соответствуют 22 скрытых “канала” – проводники сил путем эманации (“цинройс”): каждой букве – ее невидимый канал, через который изливается на землю творческая сила... Второй разряд имеет 27 букв, включая буквы, коим соответствуют 27 каналов и 27 комбинаций имени Б-га, – 13 явных и 14 тайных».

Мир создан через буквы Торы, учит рабби Натан. «Тора является законом, пределом и мерой, установленными свыше; она исчерпывает собой всю сущность вещей». Тора и мир параллельны: «В Торе мириады букв, каждая из которых содержит в себе еще мириады; мир – таинственное хранилище “мириад каналов” и небесных окон, через которые изливается на землю творческая сила». «Душа каждого еврея имеет свою букву среди 60 мириад букв Торы; но в Торе имеется на 65 букв больше сверх этого количества, что следует отнести на счет Шхины...» Здесь корень таинственной связи, союза мистической троицы, выраженной в формуле: «Б-г, Тора и Израиль – одно единое».

Таким образом, «душа каждого еврея имеет своего двойника в какой-либо букве Торы. Дух – это начало мужское, буква Торы – начало женское, и подобно тому, как женское подчиняется мужскому, так Тора подчиняется воле души израильской. Заповеди Торы имеют целью жизнь, а не смерть человека; заповедь отступает перед ценностью еврейской жизни». В рабби Натане жили раввин-законовед и кабалист; здесь, в его взгляде на значение заповеди, мистик взял в нем верх над законоведом.

Отсюда уже ясно, что для рабби Натана евреи являются центром и целью мироздания. Только они сподобились быть созданными из букв Торы, только они находятся в тройственном союзе с Б-гом и Торой. «Каждый еврей воплощает в себе трех праотцев и весь огромный мир». «Все народы живут под общей опекой Провидения, евреи же живут под специальной опекой».

От культа нации в своей кабалистической системе р. Натан переходит к культу национальных героев. Величайшим из них является Моше, мистической оценке «души» которого он посвящает целую книгу.

«Душа Моше, – говорит рабби Натан, – соткана из 60 мириад букв Торы и из 613 заповедей и таким образом воплощает в себе душу всего израильского народа»; когда она сошла на землю, вместе с нею сошла и Шхина. В день рождения Моше, 7 адара, «в небе зажигаются все мириады букв Торы, из которых соткана его душа, все мириады таинственных каналов творчества в мире». Из века в век, в продолжение всех эпох эта великая душа «излучает сияние, насыщая и питая им всю Вселенную».

Душа Моше жила первоначально в Авеле и Шете, перевоплотившись в нем в третий раз... Троекратное перевоплощение его души соответствует числу трех патриархов – Авраама, Ицхака и Якова, ибо «Моше сочетал в себе души этих святых праотцев». Уже в самом имени Моше рабби Натан находит Б-жественный и великий смысл. Путем кабалистических «гиматриойс» – различных хитроумных словосочетаний – рабби Натан выводит, что «в имени Моше содержится имя Б-га».

Моше, говорит дальше рабби Натан, был «свой человек» на Небе. От слова его всё там приходило в волнение, метались ангелы Г-сподни. «Когда Моше восклицал: “Слушай, Израиль, Г-сподь Б-г наш – Б-г один!” – архангел Метатрон сплетал венцы его молитве, и ангелы в смятении вопрошали друг друга: “Кто он, всколыхнувший миры?” “Это Моше, гений Израиля!” – отвечал им Метатрон».

Ἰ ἀὶ ἀνδρῶν ὁ ἐξ ἐξ ἐξ ἐξ ἐξ Ἄα. Διέει ἀνὰ Νάδιαι ἰ XIV ἂ

Личность Моше является воплощением добра и справедливости; в нем «соединились мир и правда, милость и истина». Отдавая всю жизнь на то, чтобы стать посредником между Б-гом и Израилем, он молился не только за свое поколение, но и за все поколения грядущие, ибо наперед знал всё, что ждет Израиль и его учение в будущем: «Г-сподь раскрыл перед Моше тайны всех поколений». Моше молился за поколение Иеремии и разрушения первого храма, за поколение «святого Рабби» и его век гонений и насильственных крещений.

В тот момент, когда дана была Тора, Моше достиг апогея своего величия. Когда он взошел на небо, чтобы взять Тору, – рассказывает древняя мистика – архангел Метатрон посвятил его в тайны Торы в семидесяти ее толкованиях и на семидесяти языках. На этом основании рабби Натан говорит, что Метатрон, руководитель всех ангелов, был учителем Моше – так же как и архангел Михаил... В этот момент обнаружения Торы, учит рабби Натан, Моше поднялся... до степени ангелов, даже до степени самого Творца. Он свел Шхину с неба на землю, и вся она сделалась его достоянием.

И всё-таки Моше, изучив и познав столько, «сколько нельзя познать обыкновенным человеческим умом», в конце своей жизни считал, что он «едва только начал постигать смысл Б-жества, что, в сущности, он еще ничего не постиг в премудрости Торы». Всё, что он познал, было ничтожно перед той страстью к познанию, которая овладела им. И с этой целью он обратился к Б-гу с просьбой допустить его в Обетованную землю, ибо только там, в «стране жизни», он сумеет подняться до познания «трех высших сфир – Венца, Мудрости и Разума»; здесь же, в пустыне, за пределами Святой земли, он удостоился только познать низшие семь «сфир». Моше рвется в Обетованную землю не только ради достижения своего

личного совершенства, но и для того, чтобы искупить мир Царством Б-жиим и изгнать из него греховность и язычество. Он стремится поставить «Б-га земного против врат небесных», ибо в Святой земле врата эти приходятся против небесной «Меркавы» – трона Б-жества. Рабби Натан здесь чрезвычайно распространяется: он излагает 252 мотива, объясняющих стремление Моше в Обетованную землю.

Еврейская мистика не может пройти мимо столпов и создателей «устной Торы», не связав их с Моше, творцом Торы писанной. Гилел является плотью от плоти Моше; продолжительность его жизни, 120 лет, равна продолжительности жизни Моше; число его учеников, восемьдесят, соответствует числу лет Моше в момент его прихода к фараону от имени Б-га. Рабби Натан, как всегда, умудряется путем гиматриойс находить этой своей мысли подтверждающие указания и намеки в Торе.

И само собой понятно, что тот, кто, по преданию, является творцом кабалы – рабби Шимон бен Йохай, был также воплощен в Моше; «он – отблеск души Моше». Подобно тому, как Моше составил пять книг Торы, так и рабби Шимон бен Йохай составил пять глав «Сафра де-цниюта». Намек на это содержится в словах псалма (68,19), из которых последнее содержит инициалы Шимона бен Йохая.

Из всего вышеизложенного видно, что рабби Натан Шпиро как посредством своих письменных трудов, так и устно, в синагогальных проповедях, старался распространить идеи арианской кабалы среди польских евреев.

ПОЛДЕНЬ

Яков Шехтер

Холодная вода плыла по желтым плитам кладбища кабалистов. Струйки дождя клевали спины зонтов и, рассыпаясь на капли, стекали в ботинки. Задирая ноги, туристы бродили по Цфату, словно голодные цапли. В гостиницах свободных мест не было.

Дан вернулся на автобусную станцию. Длинный перечень городов на щите расписания успокоил его. Затеряться среди топота и шума, пропасть в гуще незнакомых лиц. К черту пальмы у окна и приветливых деревенских котов под кустами бугенвиллии!

Автобус на Рош-Пину отходил через четыре минуты. Сам не зная зачем, Дан купил билет, забрался на последнее сиденье и опустил штору. Рош-ПИна... Дыра, каких поискать. Куда там спрячешься среди двадцати жителей и пяти коров?

Автобус поплыл, закачался на поворотах горной дороги. Тучи остались наверху, вечернее солнце забегало то с одной, то с другой стороны, пока не пристроилось в заднем окне.

Сумерки сочлились из горных расщелин, причудливые тени вставали навстречу автобусу. Они походили то на распластанных по земле великанов, то на трепещущие крылья гигантских птиц. В суете темноты и света Дан искал знак, подсказку или хотя бы намек. Решение бродило рядом, и это предчувствие, беспощадное, как судорога, вело его за собой.

Он поднял штору. Идущие навстречу автомобили включили фары.

«Если мир, – думал Дан, – сплошная единая гармония, то в каждой пылинке можно отыскать ответ на любой вопрос. Нужно лишь научиться смотреть, и ответ придет сам собой».

В Рош-Пине было темно и тихо. Дан постучал в первую дверь и спросил комнату. Ему объяснили, сложно и замысловато, хотя дом, как оказалось, находился за поворотом.

Он разложил вещи, откинулся на подушку и сразу заснул, иногда вздрагивая, словно от укусов комара. Забытое радио тихонько наигрывало бодрые марши.

Дождь шел всю ночь. Под фонарем у калитки ветер кружил палую листву, и дрожащие тени танцевали по лицу Дана.

Он проснулся перед рассветом. В глубине дома чуть слышно капала вода, теплая темнота лежала на постели. Он включил настольную лампу, пригнув абажур на гибкой ножке почти вплотную к желтой полированной столешнице. Премьер-министр грустно смотрел с фотографии, в полутьме его лицо казалось почти симпатичным. Дан подмигнул премьеру и отодвинул фотографию.

Он завтракал на веранде. Дождь кончился, от ноздреватых камней на склоне горы поднимался пар. Дан гладил пальцами бока чайника, жар нагретого фаянса всасывался в ладони, проникая до самой сердцевины рук, до розовой, трубчатой темноты костей.

Белый кот играл в подсыхающей траве. Кот изображал охоту: осторожно подкрадывался, замирал с поднятой лапой, словно боясь спугнуть дичь, потом прыгал, распушив хвост, на безобидную щепку и, празднуя победу, рычал торжествующе и злорадно. Заметив Дана, он растопырил усы, взбежал на веранду и замурлыкал елейным голоском. Дан кинул ему здоровенный ломоть колбасы, кот на секунду остолбенел, не веря в удачу, но, опомнившись, подхватил колбасу и тут же исчез.

Хозяйка пришла за подносом. Сквозь волосы цвета старинного серебра просвечивала розовая кожа, длинная юбка полускрывала перепачканные землей кеды.

– Это всё дождь, – сказала она, заметив его взгляд. – Точит гору, а землю несет прямо в сад.

Ее руки, осыпанные брызгами старческих веснушек, были сноровисты и проворны.

– Да-да, – сказал он. – Конечно, во всем виноват дождь.

– Меня зовут Клара, – представилась хозяйка.

Дан не ответил.

Веселое солнце щекотало стволы теребинта. Пятна света медленно скользили по каменным плитам веранды, словно ленивые медузы. Дан вытащил из кармана куртки небольшую шкатулку и положил на стол. Резьба мягко струилась вдоль коричневой крышки. Углубления и выступы сплетались в сбивчивые, дрожащие линии, слезинки застывшего лака нависли в уголках. Неровный бег насечек и царапин напоминал зашифрованное послание, смутное, как глубина древесины. Безмолвный призыв, отчаянный и безнадежный, словно бутылка, брошенная с тонущего корабля.

Прерывистое дыхание стыда водило рукой резчика, скрывая мольбу о спасении в россыпи мурашек, оспин и закорючек.

Он больше не увидит отца. Никогда, даже в последнюю, страшную минуту перед погребением, когда зовут опознать и откидывают покрывало. И в этом ему отказали...

Сестра позвонила из Бней-Брака через день после похорон. Просила прощения, но отец давно так решил.

Он умер утром, вернувшись из синагоги. Наклонился за упавшей ложечкой, а разогнуться уже не смог. Дан точно представлял, как всё произошло, видел лицо с запавшими после ночи, проведенной над книгами, глазами. Они расстались тоже утром, десять лет назад.

– Г-сподь не допустит, – сказал отец, выслушав решение Дана. – Превратить нацию раввинов и кабалистов в скопище солдат, проституток и полуграмотных крестьян? Не допустит.

Ты хочешь быть с ними. Что ж, иди, расшибай голову. Но запомни, когда обман лопнет, чудовище начнет пожирать собственный хвост...

– Вы ведь отдыхать приехали? – утверждающе спросила хозяйка, вкатывая столик с обедом.

Дан поспешно убрал шкатулку со стола и постарался улыбнуться.

– Тут недалеко сад барона, – продолжила хозяйка, расставляя тарелки, – настоящий, столетний, не чета моим кустикам. Стоит посмотреть.

Дан промолчал.

Капли жира беспокойно кружили по поверхности супа. Одинокий стебелек укропа метался среди волн, горячие массы, убегая от холодных кромок тарелки, бросали его из конца в конец безжалостно, бесконечно, немилосердно...

Дан приподнял тарелку за край и осторожно качнул. Небольшое движение супа оказалось для стебелька катастрофой. Гигантская волна закрыла полнеба, глыбы цветной капусты, поднятые со дна, обхватили стебелек и уволокли вниз, в дымящуюся, густую глубину.

– Сад, – подумал Дан. – Прижаться спиной к толстой коре, слиться с неторопливым движением кроны и загудеть в унисон, всасывая живительную энергию, чудесную, незримую силу.

Он благодарно улыбнулся хозяйке, теперь уже искренне, не отводя глаза в сторону.

– В музей зайдите, – добавила она, – очень интересный музей. А про обед не беспокойтесь, ничего с ним не станет, с обедом. Нагуляете аппетит, я его опять разогрею...

Дан взглянул на часы, плоскую луковицу с двумя крышками.

Полдень. Он вышел на улицу. Рош-Пина казалась безлюдной, лохматая дворняга, развалившись, дремала прямо на булыжной мостовой.

Сад окружала ограда из старого пористого ракушечника. Лимонные бабочки грелись на замшелых камнях. Дан ходил по саду, приподнимая сломанной веткой листья папоротника. В их густой тени ещё сохранилась влага ночного дождя; продолговатые жучки с черными точками на красных спинках, быстро перебирая лапками, сновали между сверкающих капель.

Скамейка под кипарисом казалась совсем сухой. Дан присмотрелся: морщины деревянного сиденья подозрительно темнели. Он осторожно устроился на краешке и прижался плечом к стволу.

Крона глухо шуршала над головой, скрипели ветки, сипло, будто задыхаясь, ухали голуби. Ветерок, проплывая сквозь заросли бересклета, тихонько посвистывал. То была мелодия одиноких коричневых шмелей и мышинных хвостов, мелькающих среди палой листвы, грустная песнь заброшенных кротовых нор и сухих омертвевших колючек. Сад походил на музыку, которую можно было потрогать руками.

Дан прикоснулся к стволу кипариса. Из под лохмотьев коры выскочил муравей и, озадаченно поводя усиками, бросился наутек.

Экспонатами музея оказались фотографии.

Смотрительница, коренастая девушка в слишком узких джинсах, обрадовалась посетителю.

– Рош-Пина – самый красивый город Израиля, – начала она, едва успев ответить на приветствие, – а его история не менее прекрасна, чем окружающие нас Галилейские горы!

Дан любил музеи; через стекло витрин жизнь представляла логичной и правильной, оставалось лишь удивляться несуразности людских поступков. Пояснения экскурсоводов он обычно пропускал мимо ушей, в истории его интересовали не факты, а вкус времени. Тени от магния на старых фотографиях, полустертое золото орденов – механизм истории лежал разобранном на составные части. Он представлялся Дану чем-то вроде гигантских часов: день и ночь, сцепившись, словно шестерни, перетирали время в бесцветную, невесомую пыль.

Иногда Дан замечал отсутствие главной пружины; досаду на халатность составителей, он искал ее на соседних стендах, обращался к экскурсоводам. После переспрашиваний и уклончивых объяснений Дан понял, что дело не в лени или нерадивости музейных работников. Пружина отсутствовала в самой истории, в настоящей, всамделишной жизни. Раздосадованный, он подолгу простаивал перед стеклом, мысленно пристраивая пружину на свое место. Выход из трагических ситуаций почти всегда оказывался простым, а потому вдвойне обидным для незадачливого человечества.

Девушка-смотритель продолжала лопотать, нести свою сладкую чепуху, мешанину из брезентовых палаток первопроходцев и осушенных дунамов земли. Голосок то взмывал вверх, то ниспадал почти до трагического шепота.

«Курочка, курочка, – подумал Дан, – юный доверчивый цыпленок...»

Он отвернулся от фотографий и принялся рассматривать экскурсовода. Вблизи ее полнота не раздражала, в тугом валике под джинсами таилось что-то домашнее, уютное, как спящий котенок.

Девушка покраснела:

– Что вы меня так разглядываете? – спросила она, отступая на несколько шагов, – я еще не экспонат.

– А вы не родственница вон того, с лопатой? – Дан ткнул наугад в одну из фотографий. – Очень похожи.

Девушка ахнула.

– Вы знали, наверняка знали, кто-нибудь из наших успел рассказать.

– Честное слово, сам догадался.

– Это мой дедушка, лучший часовщик Галилеи.

Дан заглянул девушке в глаза. Блестящие аккуратные маслины, смесь недоверия и желания рассказать, выплеснуть, ведь такая история, настоящая, живая, терпкая, как же можно молчать?!

– Итак, это ваш дедушка... Но почему часовщик и с лопатой?

Она подвела его к большой фотографии старой Рош-Пины. Черепичные крыши; знакомый, совсем не изменившийся за восемьдесят лет скат Голанских высот.

Она осторожно прикоснулась указкой к трубе над одной из крыш.

– Видите этот дом на отшибе? Управляющий запретил деду строить в черте поселка. В те годы всем заправляли управляющие Ротшильда. Барон давал деньги на заселение Палестины, и каждый новоприбывший получал в его агентстве небольшую ссуду. Ссуду полагалось вернуть, но за всю историю поселенчества не нашлось никого, кто бы сделал это. Впрочем, барон и не ожидал возврата. Единственный, кого заставили отдать всё, до последней лиры, был мой дедушка.

«Наивный котенок, – подумал Дан, – как тебе хочется превратить семейное предание в настоящую историю».

– Меня зовут Дан, – представился он. – А вас...

– Дина.

Девушка ему нравилась всё больше и больше. Было в ней что-то электрическое, какой-то флюид, неизвестный науке вид энергии. И кожа на лице, гладкая, смуглая кожа, без грубых пор, прыщиков и темных точек, скользкая и прохладная, словно сирийский шелк.

– Неподалеку от Рош-Пины кочевало племя бедуинов. Они крали коров, травили посевы, вырывали саженцы деревьев. Тогда управляющий разрешил бедуинам пользоваться поселковым колодезем. Он думал, что за воду они прекратят воровать. Бедуины стали пригонять отары овец и вычерпывать воду до последней капли. Проходило полдня, пока колодез наполнялся вновь. Дедушка считал это несправедливым и написал письмо барону. Письмо из Рош-Пины не ушло – почтмейстер передал его управляющему, а тот обвинил деда в краже сельскохозяйственного инвентаря. Суд назначил ему три месяца исправительных работ. Как раз в это время приехал фотограф, снимать для газеты колодез и бедуинов. Дедушка собирал овечий помет на площади перед колодезем и попал в объектив.

На улице уже стемнело. Ночь навалилась внезапно, густая темнота поднялась выше самых высоких гор. Она пришла законным путем, вовремя и по праву, но в ее мрачном торжестве сквозила подлая несправедливость, словно кто-то бьет тебя по щекам и не велит плакать.

Развалины дома поросли дроком, ветки кустарника трепетали над остатками крыши. Старая Рош-ПИна лежала в руинах, третье поколение поселенцев оставило неудобные домики на вершине горы и спустилось в долину. Кварталы вилл под крышами из красной марсельской черепицы обрамляли ровные ряды фонарей.

– Здесь родилась моя мать, – Дина погладила мокрые от росы камни. – Наша семья прожила в этом доме почти сорок лет, пока управляющий не выдал деда англичанам. Они приехали ночью, взвод британской полиции из Цфата, выломали двери, перебили посуду, сорвали доски пола. Искали оружие, но кроме старой турецкой сабли на стене ничего не нашли. Деда арестовали и увезли в Цфат. Через неделю он умер от побоев.

Закричала ночная птица. Холодный омут тишины вздрогнул, из развалин выпорхнула летучая мышь и унеслась в темноту.

Хлопки ее крыльев напоминали жидкие аплодисменты родственников на провалившейся премьерке. Синяя звезда сорвалась с неба и покатила за Хермон.

– Ангел, – сказала Дина. – Вот бы узнать, куда он полетел и как его имя.

– Ангелы не любят фамильярности, – ответил Дан. – Они исполняют приказание того, кто назовет имя, но потом отомстят, ударят по слабому месту.

– Как интересно! – воскликнула Дина, беря его под руку. – Откуда вы это знаете?

– Учился в ешиве... Давно, когда был религиозным.

Рука оказалась горячей и твердой. Осторожно прижимая ее локтем, Дан понял, что влюбился, влип, попался по-юношески безрассудно и глупо. Внутри потекла томная сладость, древние, истертые слова зашевелились во рту, щекоча небо и язык. Прошедшая жизнь вдруг показалась ему безрассудным крушением духа, а то, что предстояло совершить – отвратительным и бесполезным предприятием. Уже запело, закружилось, понеслось на все лады и во все бубны, уже подступили к глазам предательские слезы умиления, когда Дан осторожно приподнял локоть.

– Как холодно, – сказал он, потирая ладони, словно стараясь согреться. – Давайте я провожу вас.

Бульжник стыло пощелкивал под ногами. Перед новой Рош-Пиной его сменил асфальт.

– Где вы остановились?

– У Клары.

Дина вздрогнула.

– Клара – дочь того самого управляющего. Странно, как всё пересеклось...

Кусты вдоль дороги шумели, будто актеры, позабывшие текст. Взошла луна, наложив друг на друга две одинокие тени.

– Бросить дом, – наконец произнес Дан, – это как вырубить сад или повесить собаку. Дома – будто деревья, пускают корни до самого сердца. А разве сердце можно переменить?

У калитки Дина снова взяла его под руку.

– Мой дорогой, – в ее голосе было больше материнской теплоты, чем волнения отвергнутой девушки, – не мучьте, не терзайте себя. И это пройдет, обещаю вам, и это тоже пройдет.

Дан шел домой через новую Рош-Пину, мимо глухих заборов из белого пластика и мусорных баков в специальных нишах. По его щекам катились слезы.

– Почему, – шептал он, – почему ты бежишь от нормальных человеческих чувств, спокойной, устроенной жизни? Только бездна влечет тебя, тобой же придуманный, несуществующий долг. А может, ты сам призываешь ее и сам ты бездна, а та, первая, бездна бродит вокруг тебя по хрупкому краю, по скользкой, оплывающей тропинке.

Жениться на Дине, поселиться здесь, на склоне Галилейских гор и жить, просто жить, без сутолоки и толчеи нерешенных проблем. Пусть другие заботятся о благе народа и государства, пекутся о судьбе нации. А он будет наблюдать, как тяжелеет фигура Дины, как растут дети, восходит солнце.

Дан запрокинул голову. Звезды мигали и плакали в черной высоте, свидетели и соучастники, верные далекие друзья.

«Кто плачет ночью, – вспомнил он, – звезды плачут вместе с ним».

На веранде горел свет. Хозяйка не спала.

– Будете ужинать?

Отложив книгу в старомодном матерчатом переплете, она легко поднялась из кресла-качалки.

– Нет-нет, уже поздно. А за музей спасибо, действительно очень интересно.

Дан помедлил.

– Вы совсем не похожи на отца, не то что Дина.

Клара улыбнулась.

– Фантазерка наша Дина, писательница. Придумывает истории и пробует на доверчивых туристах. Самые удачные записывает. У нее уже две книги так вышли.

Дан опустил руку на спинку стула.

– Зачем, зачем это ей?

Пальцы побелели от напряжения. Клара перестала улыбаться.

– Да вы не сердитесь, писатели, они же как малые дети. Игра для них важнее реальной жизни. В Рош-Пине уже никто не удивляется, знают, чего ожидать, вот она и пристает к туристам.

– Спокойной ночи.

Дан повернулся и ушел в свою комнату. Любимые книги ждали, уютно свернувшись на письменном столе. Дан посмотрел на часы. Полдень. Нет, полночь. Он приложил часы к уху. Они стояли. Дан открыл наугад первую попавшуюся книгу и принялся читать.

«Ешиботников подвели ко рву и выстроили в одну шеренгу.

Раввин попросил у офицера еще несколько минут. Офицер взглянул на часы, плоскую луковичу с двумя крышками, и согласился.

– Когда первосвященник резал жертву, – заговорил раввин простуженным голосом, – состояние его души приравнивалось к остроте ножа. Неуверенность или страх портили приношение, словно зазубренное лезвие. Сегодня мы восходим на алтарь, и от нас зависит, возродится ли после войны еврейский народ. Мы должны принести эту жертву в душевной чистоте и спокойствии, без отчаяния и мук, чтобы она была принята.

Раввин обошел шеренгу. Возле каждого он замирал на долю секунды и заглядывал в глаза. Дойдя до конца, он обернулся и произнес успокоенным голосом:

– Можете начинать».

Дан отложил книгу. Внутри было ясно и светло, будто зажгли десятки поминальных свечей.

«Жертва должна быть чистой, – повторял он, расхаживая по комнате, – а часы нужно чинить. Сколько бы это ни стоило, часы нужно чинить».

Он вышел на кухню и, стараясь не шуметь, тщательно вымыл руки. Вернувшись в комнату, сел за стол и решительным движением вытащил шкатулку.

Прошло несколько минут, тяжелых, словно старинные свинцовые пули. Шкатулка беспокойно блестела, тени от листьев продолжали свой танец на белом полотне подушки. Дан переложил книги на край стола и придвинул серебряный подсвечник к портрету премьер-министра.

В приоткрытое окно потянуло свежестью, беззвучно вспыхнула молния, раз, другой, мягкий раскат сотряс стекла. И стало так муторно, так невыносимо гадко и скверно на душе, будто тысячи кошек скребли и кусали ее невидимую плоть.

Дождь застучал, заколотил в окно. Его шум напоминал дробный пережат барабанных палочек, то ли зовущих к выносу знамени, то ли приглашающих на казнь.

Дан спрятал шкатулку в карман и выскочил из дома. Желтый круг настольной лампы страшил его, Дан бежал сквозь острые струи дождя, стараясь намочнуть и устать до такой степени, чтобы без страха вернуться в комнату, где посреди стола переливался и сиял серебряный подсвечник.

Холодные капли скользили по лицу Дана, он ловил их губами и целовал. Всего минуту назад там, в недоступной вышине, они щекотали крылья ангелов, а теперь, вливаясь в распахнутый рот, становились частью его тела.

– Дождь, – шептал он на бегу, – единственная живая ниточка, соедини, сплети меня с небом, дождь, дождь, дождь...

свечу и вставил в подсвечник. Свеча горела ровно и тихо, источая аромат, похожий на запах шафрана. Дан открыл книгу и произнес имя.

Премьер-министр закончил речь соленой шуткой. Женщины улыбались, прикрываясь от смущения программками съезда, мужчины открыто хохотали, любовно поглядывая на премьера. Он был свой, плоть от плоти, и говорил по-народному просто и откровенно.

Клакеры ударили в ладоши и зал подхватил, откликнулся нескончаемой овацией. Премьер аккуратно собрал бумаги в папку и направился к выходу. На лестнице, залитой желтым светом прожекторов, он вдруг охнул и, побледнев, ухватился за поручень.

– Что случилось, – подскочил референт, – что, что такое, что, что, что?

– Всё в порядке, – встряхнул головой премьер, – уже всё в порядке.

Он еще раз встряхнул головой, словно высвобождаясь из невидимой сети, и, отпустив поручень, двинулся дальше.

Под истерию предвыборной кампании сообщение о смерти неизвестного туриста прошло незаметно. Документов при нем не оказалось, отпечатки пальцев в уголовной картотеке не значились. Тело увезли в Цфат, в окружную больницу. Вскрытие показало смерть от обширного инфаркта, случай в таком возрасте маловероятный, но возможный. Полиция открыла дело чисто формально, поскольку дела, собственно, никакого не наблюдалось. Неизвестного похоронили на кладбище Цфата, неподалеку от надгробного памятника бывшего управляющего барона. Кроме могильщиков «Хевра-Кадisha», за носилками шла лишь смотрительница музея Рош-Пины. Поминальная свечка, зажженная ее рукой, горела на могиле двадцать девять дней, но и на это никто не обратил внимания. Свеча погасла только на тридцатый день, огонек дрогнул и пропал от легкого ветерка, похожего на дуновение крыльев пролетавшего мимо ангела.

О БЫВШЕЙ СТАРОЙ ДЕВЕ ФИРУШКЕ, БЕСЦЕННОМ ПАПУЛЕЧКЕ ЛАЗАРЕ И НЕНАГЛЯДНОМ МУЖЕ ЯШЕ

Рада Полищук

Брожу по опустевшей Одессе. Плутаю по вновь переименованным улицам и переулкам. Всё перепуталось. Вот родная улица Чичерина, бывшая Успенская, ныне опять Успенская. Время потекло вспять? Память ходит по кругу? Или меня снова занесло не туда?

Вижу: впереди, тяжело опираясь на палку, идет, подтягивая парализованную левую ногу, Лазарь – отец старой девы Фиры, моей троюродной тетки. Впрочем, не такая уж она старая была в ту пору. Лазарь умер, когда ей исполнилось двадцать восемь. И всё же Фирино девичество явно затянулось – факт неоспоримый и повсеместно обсуждаемый, с сочувствием, осуждением, ленивым любопытством, невнятным злорадством. Так и слыла на всю Одессу старой девой не старая еще Фирушка.

Это сейчас она старая старуха семидесяти восьми лет, живет в Чикаго с мужем Яшенькой, сыном Шимоном и шестью внуками из трех пар близнецов – Дэвик и Дэзик, Броня и Соня, Ривка и Рафка. Вот такой красивой картиной обернулись жизненные обстоятельства у старой девы Фирушки.

Только бедный папулечка Лазарь этого не узнал.

Умирая, бормотал до последнего вздоха:

– Фирушка, девочка моя, прости, прости, не сумел, не устроил твою судьбу, прости, дочечка, рыбонька золотая моя...

Фирушка плакала навзрыд и целовала его холодеющие руки:

– Ты ни в чем не виноват, папулечка, родненький мой, не виноват ты, всё от Б-га, не любит он меня за что-то...

Поспешила Фирушка с таким категорическим выводом, поспешила. Но в ту горькую минуту кто же мог знать, что вся жизнь ее переменится? Кто?

Фирушка осталась совсем одна. Плакала дни и ночи напролет, остановиться не могла. Глаза заплыли, будто незрячая стала, и лицо совсем уродливым сделалось: огромный, в пол-лица, рот с вывернутыми губами, нос крючком, на подбородок тень отбрасывает. Ей казалось, не только люди избегают глядеть на нее, но даже кошки с дикими воплями разбегаются в стороны, как бешеные. Впрочем, мартовские кошки всегда бесятся и, может быть, она вовсе была ни при чем.

Вот и маленький Колька, приبلудный сын соседки Сары, едва завидит Фиру, зажмуривается, точно чудище-страшилище явилось ему, ладошками сверху глаза прикрывает от злого видения и орет что есть мочи:

– У Филуски класивые глазки, класивые! Где Филускины глазки?

Такой славный мальчонка, хоть и приبلудный, – заметил и запомнил, что у нее красивые глаза.

А так один только папулечка всегда уговаривал ее до самой смерти:

– В такие глаза, Фирушка, только дурак не влюбится. Один раз увидишь – и всё, и конец, пропадешь. Поверь мне, чтоб я так жил...

Чтоб он так жил. Ох! Дорогой, ненаглядный папулечка! Можно подумать, что она до двадцати восьми лет в парандже ходила и ни один мужчина ни разу не видел ее прекрасных глаз.

– «Очи черные, очи страстные...» – это про тебя, дочка моя. Про тебя, – твердил папулечка и смахивал слезы.

Почти всю ее жизнь – до папулечкиной смерти и еще двенадцать беспросветных месяцев после – сопровождали Фирушку слезы. Мамочка умерла рано, когда ей едва исполнилось пятнадцать. Споткнулась на улице, упала, ударилась головой о ступеньку чужого крыльца и умерла.

– Нарочно не придумаешь! – вскрикивал Лазарь и озирался по сторонам, ища подтверждения, опровержения, исправления случившегося.

Этот несчастный случай был известен всей Одессе. Они везде оказывались в центре внимания, Лазарь и Фирушка: в трамвае, в поликлинике, на Привозе. И Лазарь всем рассказывал про мамочку.

– Нарочно не придумаешь! – вновь и вновь вскрикивал он, смахивал слезы и начинал свой рассказ: – Она была такая ловкая, спортивная, гуттаперчевая, в нашей бригаде синеблузников... Вы же ж помните, конечно, кто такие синеблузники? – всегда переспрашивал он и, не дожидаясь ответа, продолжал: – В наших пирамидах она на самом верху стояла, на четвертом ярусе, и сама прыгивала, без поддержки и страховки... А тут споткнулась, упала и – не поднялась. Слушайте, так же ж не бывает, вы знаете такое? Нарочно не придумаешь! – И принимался плакать.

А вслед за ним и Фирушка. Мамочку было жалко, папулечку. И себя, уродину разнесчастную, которую теперь всю жизнь любить будет только один папулечка. А если он умрет? Она точно помнит, что подумала тогда именно так: «если». Потому что если бы подумала «когда» – не выдержала бы надвигающейся пустоты одиночества и умерла раньше папулечки. Так ей тогда казалось.

Только то давнее «если» утекло в прошлое с потоками Фирушкиных слез, когда папулечка умер-таки, и она осталась одинешенька на всем белом свете. Полная сирота.

И всё вспоминала, вспоминала. И каждое новое воспоминание вызывало прилив слез. Глаза не просыхали и не открывались. Да и не хотелось Фирушке их открывать. Что могла она увидеть? Ненавистное с детства отражение в зеркале, теперь еще и безглазое? Свое безысходное одинокое будущее, никчемную старость? Даже обузой она никому не станет – потому что никого у нее нет.

Так, наверное, думала моя троюродная тетка Фира, старая дева, оплакивая смерть отца и заодно себя, горемычную. И некому было ее утешить, отвлечь от мрачных мыслей. Не то что никого не было рядом – просто никто не готов был делить с ней ее горе и тонуть в потоке ее слез. Погоревали о Лазаре и родственники, и соседи. В двух проходных дворах, соединенных глубокой аркой с помойными баками, на его похоронах немало набралось и дружески расположенных к усопшему, и от души жалеющих Фирушку, одинокую старую деву, бобылиху на веки вечные, и любителей поплакать у гроба над брэнностью и скоротечностью жизни, и просто праздно любопытных ко всякому происшествию. Всякого народу сошлось: и родных, и чужих, и малознакомых, и евреев в ермолках с молитвенниками в руках, бормочущих зауспокойную молитву, и гоев, осеняющих крестом себя и покойного – никого ж не удержишь за руку.

А Фирушке и не до того было, она всё видела как во сне, одно только запомнила точно: строгое, отчужденное лицо дорогого папулечки, нездешнее лицо, почти неузнаваемое. Она целовала его холодный, расправившийся от морщин лоб, гладкие щеки, вставшие на место губы, она шептала ему в самое ухо заветные слова, которые больше никогда никому сказать не сможет. Слова извечные, не ею придуманные, но кровью ее сердца истекающие: «Ой-ё-ё-ёй, вей из мир, Г-споди, дорогой мой, единственный папулечка

родненький, зачем ты ушел, на кого оставил меня одну-одинешеньку, зачем покинул меня, разнесчастную, как жить мне без тебя? Для кого? Для чего? Не уходи, останься со мной, родненький мой, или возьми меня с собой, я не смогу жить без тебя! Мне страшно!

Ой-ё-ё-ёй, вей из мир, Г-споди!»

Плач всех веков и народов, плач осиротевшей души, беспомощные слова, бесполезные, на всех языках одинаковые – неподдельные и нецелесообразные. А папулечка молчал отрешенно, будто не вчера еще только, перед самой смертью, глядя ее руки одной правой, уже слабеющей рукой, говорил: «Я люблю тебя, дочечка, и всегда буду рядом, всегда буду...» Еще что-то сказать хотел, но не успел. «Всегда буду». А где? Где ей искать его? В могиле? На небесах? Или где?

Фирушка была безутешна. Не жила – только горевала, плакала, вспоминала. И всякое воспоминание было горьким, болезненным, невыносимым. А кроме этих воспоминаний у нее ничего и не было.

Они пережили с папулей один счастливый период – период его жертвенной борьбы за Фирушкину судьбу и их внезапной надежды. Никогда не молилась она так истово, так воодушевленно, как тогда. Почти поверила в Б-жественный промысел: надежда на добрые перемены появилась, как это ни странно, вследствие тяжелейшего инсульта, который пережил папулечка. И Фирушка вместе с ним – час за часом, минута за минутой. Лицо его перекошило, левая рука повисла, и при ходьбе он тянул левую ногу, зато – счастье какое! – лежал в одной палате с настоящим сватом – шодхеном из синагоги.

Они никогда не думали, что существует такая возможность: «ярмарка женихов». Этой неловкой шуткой они подбадривали друг друга: дескать, еще не утратили чувство юмора. Но надежда вспыхнула обжигающим пламенем. «Взвейтесь кострами, синие ночи», – и кстати и некстати вспомнила Фирушка, вспомнила свой восторг и испуг, вспомнила, как глаз не могла оторвать от огненного языка, наклонилась низко-низко и не сразу почувствовала: жарко сделалось голове, жар побежал по волосам, потом стало темно и трудно дышать, кто-то вовремя надел ей на голову чехол от гитары... Не обгорела даже, только волосы подпалились чуть-чуть. С тех пор она боится открытого огня.

Папулечка стал по субботам ездить в синагогу. Фирушка провожала его до трамвая. «Дальше я сам, – говорил он. – Иди домой, дочечка, жди меня». Она стояла за углом, дождалась, пока подойдет трамвай, глядела, как он с трудом взбирается на ступени, и мысленно благословляла его на подвиг. Однажды она даже непроизвольно перекрестила его спину, отдернула руку, будто прикоснулась к запретному, засунула глубоко в карман, а мысленно повторяла: «Благослови его, Г-споди, помоги ему, Г-споди».

Он возвращался усталый, обессиленный, но вдохновленный – показывал ей записочки: рост, образование, возраст, имя.

– Г-споди, сколько холостых мужчин, теперь всё будет хорошо, дочечка, – шептал он и улыбался просветленной улыбкой, и перекошенный параличом рот сползал слева к подбородку, а правый уголок вздергивался к носу. – Женихи, Фирушка! Смотри, сколько женихов!

Он раскладывал на столе, как пасьянс, драгоценные записочки и уверенно говорил:

– Мы выберем тебе самого лучшего в мире! И ты будешь счастлива. Конечно, чтоб я так жил!

Чтоб он так жил, Г-споди!

Ради папулечки Фирушка согласна была выйти замуж за кого угодно, не глядя. Но трагедия состояла как раз в том, что на нее никто не глядел. Вернее, рассматривали в упор, со всех сторон, как лошадь на базаре, и она со стыда сгорала от такой откровенной бесцеремонности. Но терпела ради папулечки: его усилия не должны пропасть даром, он ведь делает это из последних сил.

Почти каждый день, в течение года, ездила она на эти мучительные свидания. Правильнее сказать – несвидания, потому что к ней никто не подошел из потенциальных женихов. Ни один! Ее уродство отпугнуло всех. Хотя и она не заметила среди топтавшихся вокруг нее мужчин ни Марлона Брандо, ни Алена Делона. Фирушка же готова была принять и полюбить любого, только чтобы поддержать

папулечкину, угасающую с каждым днем надежду, потому что видела – вместе с надеждой угасает его жизнь.

Ровно через год после смерти Лазаря Фирушка порвала всю его «картотеку» – и уже использованные, и отложенные на будущее записочки с именами, телефонами и другими параметрами женихов. На каких-то записочках стояли галочки с минусом, но почему-то он их не выбросил, на каких-то – его неровным почерком, карандашом, были сделаны неразборчивые пометки. Она не сумела их разгадать, бросила все обрывки в унитаз. И, только спустив воду, будто очнувшись от глубокого обморока: хлынули слезы, сердце пронзила острая боль, от которой перехватило дыхание. Фирушка, судорожно всхлипывая, наклонилась к унитазу и выхватила последний клочок бумажки, плавающий на поверхности воды.

Чернила уже размылись, но телефон и первую букву имени можно было разобрать. И она переписала их. Зачем – сама не понимала. Высушила и мокрую бумажку с расплывшимися знаками: последний клочок папулиной надежды.

Позвонить незнакомому Яше Фирушка долго не решалась. Хотя в глубине души уже знала, что сделает это. Может, она сошла с ума, рехнулась от тоски одиночества, может быть. Но этот клочок бумажки, который не унесло в канализацию, стал казаться ей знаком, ниспосланным свыше, из тех неведомых сфер, куда ушел от нее папулечка. Здесь, на земле, они никогда не расставались надолго.

Она ведь ни разу не оставила его одного и тогда, когда он ездил в синагогу. Садилась на следующий трамвай и шла – шаг в шаг, следом, на таком расстоянии, чтобы он не мог ее заметить, но чтобы в случае чего тут же оказаться рядом. Он так никогда и не узнал, что она сопровождала его в этих непосильных путешествиях, одолевать которые помогала ему любовь к ней, к Фирушке. Так-то он из дома не выходил бы, сил никаких не было, ноги-руки не слушались, тело было чужое, тяжелое, свинцовое, в глазах пелена, и шум в голове такой, что уши закладывало. Если бы не Фирушкино счастье, за которое он жизнь готов был отдать, он бы лег, и не поднимался, и глаза бы прикрыл. Навсегда. Устал от жизни папулечка. Она это не просто видела – она чувствовала, словно слились они в единое целое, в котором боль, надежда, одиночество, прошлое и будущее – всё одно на двоих, нерасторжимое.

Фирушка набрала номер телефона, который уже давно знала на память, зачем-то долго-долго слушала длинные монотонные гудки, будто разбудить хотела кого-то. И разбудила. Голос у мужчины был заспанный и невыразительный, без полутонов, как телефонные гудки. Так ей показалось. Но она так нервничала, что вся дрожала как в лихорадке.

Разговор не складывался. Сначала она долго мямлила что-то невразумительное про мокрую бумажку, расплывшийся телефон и букву «я», оставшуюся от имени... А потом – словно вдруг прорвало плотину – бурным потоком: про свое одиночество, про длинный нос, про «очи страстные», про пирамиду «синеглузников», где мамочка стояла в четвертом ярусе, про ее роковое падение годы спустя, про папулечкин инсульт, про его неродное лицо в гробу...

Она с ужасом вслушивалась в свои слова, как будто была на другом конце провода: зачем она всё это говорит? Кому? Не может он так долго и терпеливо слушать ее бредни, чужой мужчина, о котором она не знает ничего, кроме номера телефона и имени, угаданного по полурасплывшейся букве «я».

– Хотите, я приеду?

Он здесь, он с ней, он слушал весь этот бред! Слушал!

– Нет, нет, – вскрикнула Фирушка испуганно и тут же поспешно: – Да! Да!

– Говорите адрес.

Его звали Яша, нетрудно было догадаться. Невидный, худенький, лысый. Нос, как и у нее, отбрасывал тень на подбородок. А глаза – теплые, тревожные, страстные, испуганные. Где-то она видела эти глаза. Вообще, он кого-то ей мучительно напоминал, этот Яша, буквально выуженный со дна унитаза.

После они всегда смеялись до слез, вспоминая историю своего знакомства. Никакой романтики! Зато предначертанность точно была.

Они были похожи, как близнецы. И полюбили друг друга с первого взгляда. Фирушка не ждала такого поворота событий в самых отчаянных своих мечтах. Не жертвоприношение на алтарь беззаветной папулиной надежды на ее счастливое будущее. Не прыжок в омут с закрытыми глазами от безнадежности – пан или пропал: в другую жизнь, как в смерть, лишь бы распрощаться с этой, постылой. Не жертвоприношение, нет, – к ней пришла любовь. Настоящая любовь. На долгие годы Яша стал для нее самым лучшим мужчиной в мире.

Папулечка-таки оказался прав: они его нашли.

Вот такая счастливая конфигурация сложилась у бывшей старой девы Фирушки без горячо любимого папулечки Лазаря.

Он-таки оказался прав.

ЧУЖАЯ СМЕРТЬ

Эдуард Шульман

Окончание. Начало в №1, 2, 2005

21.

Через два дня после начала войны немецкие пыльные мотоциклетки въехали в город. Они неслись на большой скорости. Солдаты подсакивали, как неопытный конник в седле, и смеялись. Люди, встречавшие немцев, – целая делегация – вышли на западную окраину города и мокли от жары в черном своем торжестве: черный пиджак, черные штаны, черные ботинки. Прели до заката – ни немцев, ни наших. Беженцы, беженцы, беженцы...

– Где немцы?

– Всюду.

Они поплелись назад, в город, очень устали, и кто-то предложил напиться в домике под горой. С этого места дорога круто забирала вверх, упираясь в облако дальним своим концом.

Гора и дом под ней – дом Меера Страшуна, похороненного на еврейском кладбище в казачьем галифе, – достопримечательности всего города.

Зимой гора принадлежит детишкам. Летом принимает влюбленных.

Здесь стоял Наполеон, а сто лет спустя был штаб Тухачевского.

И если уроженец города куда-нибудь уезжал – работать на дальних стройках или набираться в столицах ума-разума, – он приходил на гору. Постоять на горе – как посидеть перед дорогой.

– А вон дом Страшуна...

А за ним – лес, деревня Немига, церковь, которой от ветхости положено развалиться...

Уроженец возвращался, умный, гордый, столичный, и опять шел на гору. Лес поредел. Немига – не деревня, а улица предместья. Дымит красная труба электростанции. Церковки не видать... Но всё равно это мой город.

– Во-о-он дом Страшуна...

Его собиралась ломать управа, Губерниальная рада, муниципалитет при поляках, городской совет. Понадобилась такая силища, как война, чтобы мой дом перестал жить.

Люди, встречавшие немцев, тоже были уроженцы города. И тоже стояли когда-то на горе. А теперь – глубоко внизу. Усталые, злые, мокрые от жары и торжественности. От радости и страха ожидаемых перемен.

– Зайдем! – кивнул один на дом Страшуна.

Но они не пошли. Быстро перебирая тяжелыми ногами, с мокрой спиной и сухой глоткой, продолжали свой путь. В гору, в гору!.. И изобразившись, черными руками, в черных пиджаках, качали воду возле колонки, дрожа от жажды.

А немцы уже были в городе.

Замыкая кольцо, пришли они с востока, словно были это не немцы, западный народ, а снова – нашествие Батыя, татарский полон.

22

– Вы сошли с ума! – крикнул Лев Меерович. – Пить чай... Сейчас будет машина.

Тарло намазал хлеб маслом и неторопливо вытер нож.

– Я свистну, – отхлебнул из чашки, – и будет сто машин.

– Надо ехать, – сказал Лев Меерович. – Сейчас придет машина.

– Дул утром кофе? Пей чай с молоком... Слава, налей!

Слава пошла за стаканом, и походка ее выражала пренебрежение к брату и уверенность в муже. Чайник – в правой руке, молочник – в левой. Над стаканом скрестились белый и желтый потоки.

– Хлеб нарежь! – рассердился Тарло. – Видишь, у нашего героя дрожат руки!

– Сейчас придет машина, – тихо сказал Лев Меерович.

– Придет – уедем... Ешь!

Но он остался в дверях.

Звякали чайные ложечки. Племянник просил варенья. Ветер перелистывал ноты на пианино.

– Закрой инструмент, – сказал Тарло.

Девочка опустила крышку, и пианино заблестело, излучая черное солнце. Сегодня тоже не забыли вытереть пыль.

– Если суждено умереть, – сказала Ципа, – лучше в своем углу.

А племянник ел варенье, измазавшись в красном.

Лев Меерович выбежал на улицу.

По тротуару, раскачиваясь из стороны в сторону, ходил бородатый старик. Руки его производили работу с целью отворотить собственную голову.

– О-о-о! – завывал старик. – О-о-о!

И Лев Меерович узнал в нем старого своего хозяина – сапожника Вольфа Гобермана. И ошалело уставился, словно видел живого мертвеца. Был почему-то уверен, что Вольф Гоберман умер. И давно... А он жил.

Время потекло вспять. Лев Меерович – снова Лейба, сапожный подмастерье...

– Что с вами, дяденька Гоберман?

Но старый сапожник только сильнее выкручивал голову.

А рядом, в дворовом садике, аптекарь Кравец зарывал какие-то ящики... Как! И Кравец не умер? И совсем не изменился!.. Когда некий сапожный подмастерье покидал город, Кравец уже аптекарствовал... Да ведь это было сто лет назад!.. Мертвые встали из гроба?

Он услышал гул мотора и быстро побежал, словно спасаясь от Гобермана и Кравца. Ему казалось, если вернуться с машиной, их не будет уже и в помине... Очень быстро бежал на гору.

Но гул мотора внезапно затих, уступивши железному лязгу, как будто гремели цепи или били цепью о цепь. С горы, набирая скорость, катился танк. Водитель выключил двигатель и стоял, высунувшись по пояс из люка, очень загорелый, в больших темных очках, и зеркальные пыльные линзы отражали Льва Мееровича. На башне, затейливыми готическими завитушками, мелом, как на классной доске, выведено: *Nach Jerusalem!* Танкист, весело смеясь, кричал Льву Мееровичу, что приглашает его с собой, в Иерусалим.

– Твой чай остыл, – сказал Тарло. – Я четыре года воевал с немцем... знаю, с чем его едят... люди как люди... – И попросил дочку сыграть что-нибудь.

23

Общежитие совпартшколы, что на Виленской площади, заняла зондеркоманда, бойцы которой останавливали мужчин на улице или запросто, днем ли, ночью, заходили в дома.

– Мыло! Полотенце! Марш!

Повсюду висел приказ, что евреи-мужчины такого-то и такого-то года рождения в такой-то день и час должны явиться на улицу Немигу.

– Новая власть – новые порядки, – сказал Тарло. – Собери меня, Слава.

Лев Меерович вспомнил древнее:

– На Немиге снопы стелют головами, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела.

– Слышишь, что он говорит? – тихо сказала Слава. – Не ходи! Не ходи, Исай! – И заплакала.

– Хватит реветь! – крикнул Тарло. – Хочешь, чтоб эти «хапуны» с Виленской меня зацапали?.. А ты, – обернулся к Льву Мееровичу, – не мути воду. Пришел в мой дом – живи по-моему!.. Я здесь хозяин. Как сказал, так и будет.

И пошел на Немигу.

Золотые, с монограммой, часы (швейцарское производство). Шумное кожаное пальто.

Было лето, и волосы, которые он стриг наголо каждую весну, едва отросли – рыжая густая щеточка, модная впоследствии под названием «Гамлет». Уверенно шел в толстых ботинках, солидно неся круглую голову с оттопыренными щеками.

На всякий случай прихватил золотое кольцо. Хотя часы с монограммой представляют некоторую ценность, всегда невредно кому-нибудь «дать».

– Береги детей, Слава!

24

На рассвете убили аптекаря Кравца. Пришли трое – и ломом по голове.

Ковырялись в саду. Похоже, мирные люди исполняют мирную сельскохозяйственную работу. Лениво переругивались:

– А ты точно знаешь, Семен?

– Ага. Весь день старичок копался. Ящики хоронил.

– Думаешь, много добра?

– Много не много, а жизнь прожил.

Они вытащили ящики, вскрыли их, но там оказались медикаменты.

– Зря старика кокнули, – сказал Семен. – Подымай!

Погрузили ящики на телегу и укатили.

– Этот Кравец хотел всех обдурить, а сам попался, – толковал Гоберман, которого Ципа приютила как погорельца. – Показывал мне бумагу, что власти нарочно его оставляют – для нужд людей... А он припрятал лекарства, чтоб от себя торговать!

Четырехлетний Саша Тарло – я топаю по квартире на пухлых негнущихся ножках.

– Мама, а когда папа придет?

– Значит, они всех могут убить? – спрашивает Ципа.

– Нет, – говорит Гоберман, – немцы этого не допустят. Всех не убьют.

25

– Мадам Тарло! – окликнул знакомый голос.

Она обернулась и увидела сослуживца Исаю – старшего официанта Михаила Автономовича Прокудина по прозвищу Мезя.

Они стояли на углу – и всё прежнее, даже таблички: улица Советская пересекается с Красноармейской. Распахнутое окно. Патефон на подоконнике:

È òìò, èòì ìí'áñ áé ìí æèçé èáññò...

Зеленый новенький ЗИС, а в кузове на скамейках – немецкие солдаты.

Мезя говорит длинно и громко. И через каждые три слова – Исай Янкелевич, Исай Янкелевич... И – часы. Швейцарское производство. С монограммой. То и дело справляется о времени.

– Исай Янкелевич просил, чтобы ровно в три...

Слава бежит.

– Торопитесь, – напугствует Мезя. – Сейчас половина второго. Исай Янкелевич...

Слава бежит на Немигу.

Какая-то женщина (Ольга Петровна Митяшкина) выскакивает из маленького домика.

– Детей не води туда!

...Тарло стоит за колючей проволокой. Вокруг лагеря гуляет часовой.

– Blond, blond... – чмокает Славе. Эй, дескать, блондиночка!

Она смотрит на мужа.

– Слава, – говорит он, – я отсюда живой не выйду. Бери детей и уходи из города.

Она молчит.

– Слава, – говорит он, – бери детей – и в деревню.

Она молчит.

Внезапно, словно ударенный током, он дергается, срывает шумное кожаное пальто, и, как двадцать лет назад, Слава видит мужа голым по пояс. Синий, в багровых полосах, в крови, окрасившей красным цветом волосы на груди.

– Что они сделали с тобой, Исай?

Кидает пальто через проволоку. Садится на траву. Очень долго стаскивает ботинки.

Она видит его ноги и опять спрашивает:

– Что они сделали с тобой, Исай?

– Уходи, – говорит он. – Мне больше не нужно... Продашь... детям...

Она берет всё: и пальто, и ботинки, и кольцо, которое он никому не отдал. Ибо ничего не отнять силой у Исая Тарло.

Вещи мужа такие тяжелые – тянут ползти.

И ей кажется, все дороги тех лет – от первой, к дому, где дети, и до конца, в ров за деревней Марьина Гора, – она не прошла по ним, она проползла.

Ползет... ползет... ползет... на коленях.

26

Парень точил ножницы о каменный подоконник. Старик и две женщины (одна молоденькая) ползали по ковру, двигая коленками.

– Колочий какой! – засмеялась молоденькая и обдернула юбку.

– Хозяин, что ли? – спросил парень.

Лев Меерович кивнул.

Парень бросил ножницы старику.

Ковер выткан простым геометрическим узором. Делить было удобно. Приступая, старик пощелкал ножницами, как парикмахер.

– С мира не взыщешь... если бы я один... – И пошел резать по синей широкой полосе.

В былые времена Лев Меерович раскладывал листы рукописи, как эти люди – ковер, только не на полу, а по всей комнате – на столе, на диване, на подоконниках – и ходил, словно укротитель, с ножницами и клеем.

Старик не мог преодолеть сцепление волокон. Лезвия ложились набок и жевали ковер.

Лев Меерович снял с полки несколько книг.

Женщина постарше стала укорять старика, что он портит вещь, а после накинулась на парня, когда тот вызвался сменить старика. Женщина кричала, что старик справедливый и всем достанется поровну, а парень обязательно их обидит.

Внезапно и бесшумно ножницы распались на два ножа. Парень выругался. А старик оттирал следы колец – два красных глубоких рубца, врезанных в кожу.

– У тебя есть другие? – спросила молоденькая про ножницы.

Лев Меерович качнул головой.

– С мира не взыщешь, – шептал старик, дую на пальцы. – Если бы я один...

Трещал ковер, раздираемый на куски.

Был солнечный день. Пленные корчевали трамвайный путь. Стриженный плотный парень колотил по рельсам, высоко вскидывал молот, и конвоир быстро-быстро моргал при каждом ударе. Шпалы складывали в штабеля. Новенькие. Только пропитанные. Толстый немец помечает их мелом. И улица пахнет вокзалом, дальними поездами... Трамвайный провод мотали на катушку. От бронзового веселого блеска слезились глаза.

Лев Меерович свернул в переулок, но звон молота догонял его. Казалось, бьют в набат или гудят колокола.

Дома он говорил матери про общинное мирозерцание. Мать внимательно слушала, вытирала книги, а потом сказала, что давно уже хочет узнать, чем сын занимается, какая работа...

– А ты не знаешь?

– Нет.

И взялся объяснять, подлаживаясь к ее понятиям. Однако с их помощью ничего не выразишь. Более того, рассуждая ее понятиями, вконец запутался.

– Когда-то, – сказала мать, – ты учился на меламеда... Так стал им или не стал?

Стал. Только не меламедом, а шкрабом на Украине – школьным работником. Потом?.. Потом написал статью. Она была ответом на другую статью, в которой...

С тем же пылом, что двадцать лет назад, защищал Пушкина. В комнату вошел Гоберман, но Лев Меерович не заметил его.

– Деревянный поэт! – напал на Рылеева. – Ты только послушай!

Гоберман подскочил к нему и схватил за плечи.

– Тише, полоумный! Соображаешь, о чем орешь?.. Тише!

Ципа засмеялась.

– Значит, он правда был... этот... Пушкин?

Лев Меерович стоял посреди комнаты, глядя на смеющуюся мать и напуганного Гобермана.

– А я думала...

По простоте своей Ципа думала, что Пушкина изобрел Тарло, чтоб анекдоты были смешнее.

– Что сынок, что мамаша... – И Гоберман покрутил пальцем около лба.

– Это уже второй раз, – смеялась Ципа. – Раньше все веселые истории обязательно случались в Свенцянах: то какому-то богачу луну продавали, то еще что-нибудь... И вдруг приходит человек оттуда, из Свенцяна, – литвак, рыжий... Значит, и Пушкин был!

И Ципа очень просто сказала о том, что Лев Меерович давно похоронил, как похоронил старого Гобермана: она говорит по-русски и понимает по-польски, но писать не умеет совсем.

Мать Льва Страшуна была неграмотная.

– Пойду за водой, – сказал он. – Оба ведра пустые.

– Сходи. Только если «за водой» – не принесешь... «по воду» ходят, а не «за водой».

Он ушел, гремя ведрами.

– Не залейся! – крикнула мать вдогонку.

В городе стреляли. Быть может, тот стриженный плотный парень бежал из лагеря.

Í àò ìí àè àò àí úÿ, í àò úí èí àè é

Ì àè àò ò è ð àí ì ì è ð à àí ì .

Òòò í à àí í à ÷ à ð í è è, à è ð í à è -

Í à ì àí è à è í í à à è ì ò àí à à ò ù ì à ÷ ì .

И вдруг ему захотелось, чтоб эти топорные рылеевские строчки написал Пушкин.

27.

Ì Á Ú Æ È Á Í È Á

Á ð ò í à à ç è í à ì à ð à í í ì ì ì ð ÷ à í ú ì ð ð à ì ò à à ì ì ÿ ç è (ò à è à ò í í, ò à è à à ð ò, è à à à è ì). Ò à è è à è à ð à à è ò à è à è í à è ú ÿ à í è ì ò à ð à ð í à ò ù, á ð ò í à à ð à ì ð ð à è ÿ í í 50 ì ó æ ÷ è í, ÷ ò í à í è à è í í ì ì è ó æ è ò ù ì ð à ì ì ð ò à ð æ à í è à ì à è ÿ í à ì è à í è è ÿ. Ò ð à à ð ð à ì à ð à ç í à ÿ è è ð ì í à í ç ð è ò à è ù ù ð ð è ÷ ÷ ÿ ð í à ì à à è à í í ì ì í à ù à ò ù í à ì à è è ì à í è ð è à í è è è è í à ì à è è ì í è è è è è. Æ à à à ò ì í à à à ð æ è à à ò ù ì ì ð ÿ à í è è ì ì í è í è ð ò à è à à í à ì è ì à ð à ì è è ì ð è à ì à ò í à ì ò ì ÿ ò à è ù ò à à à

È è í ò ò,

ì í è è í à í è è è è í ì à í à à ì ò ð ð ò í à à

– Здесь до революции был казенный раввин, – сказал Гоберман, – тоже Клотц.

Человек, вслух бормотавший объявление, хмуро глянул на старика.

– А еще был медник Клотц...

Человек надвинул фуражку. Толпа расходилась.

Ногтями каменной твердости Гоberman соскоблил объявление и сунул за пазуху. Шел, распространяя шелест бумаг, которые как бы шептались в оттопыренных его карманах.

– Ну-ка, что здесь напечатано? – выкладывал дома первую бумагу.

И Лев Меерович читал: с сего дня евреи должны носить особую повязку – синюю с белой каймой.

– А тут что?

То было еще одно распоряжение коменданта: всё трудоспособное население призывается...

Вытаскивалась следующая бумага. Опять о евреях. На левую сторону груди и посередине спины обязаны они пришить всегда видимую шестиконечную звезду желтого цвета не менее 10 сантиметров в диаметре.

– Так что же носить? – спросил Гоberman. – Повязку или сионский знак?

Лев Меерович молчал.

– Но ты же грамотный. Там напечатано... За то, что я рву эти приказы, меня могут убить в любую минуту... Если не понял сразу, читай опять! Там напечатано!

– Послушайте, Гоberman, – сказала Ципа. – Что вам разрешается открыть свое дело – там не написано. И никто вас не гонит день-деньской шататься по городу... Сидели бы тихо.

Но Гоberman не желал сидеть тихо. Про его деда, Исера Гоbermana, великий князь писал царю – нельзя ли Исера отвезти в Петербург полочких кадетов? Царь разрешил. Но только до Острова. А там православных извозчиков нанять... Так и не попал дедушка в Петербург!

А Лейба попал. И сколько ученых слов выучил... А в двух бумажках не разобрался!

Нет, только при нынешней власти такой бестолковый человек вдруг стал профессором. Когда он, Вольф Гоberman, откроет свое дело, то не возьмет его подмастерьем!.. Старик уснул на полуслове, прямо за столом, и Лев Меерович с матерью перетащили спящего на кровать.

– Не обижайся, – сказала Ципа. – Он глупый. Сейчас всем трудно и все должны быть вместе.

Лев Меерович смотрел, как мать укрывает Гоbermana.

– В Михайловском, в ссылке, Пушкин сошелся с дворовой девушкой. Позже они расстались. Некоторое время переписывались. Пушкин назвал ее послание «кудрявым». А она: письма те писал мой муж, и не понимаю, что значит «кудрявые»...

28

Под храп Гоbermana рассказывал матери о Пушкине.

Детство. Лицей. Ссылка на юг. Пушкин в клетчатых панталонах, размахивая тростью, бежит по Кишиневу.

Ципа улыбалась. Ей не страшно за этого человека. Жизнь его – сказка, а сам он удачливый герой ее. Вот дерется на дуэли. Противник – командир егерей, рубака Старов. Метель. Под носом ничего не видать. Пушкин – мимо. Старов – мимо. Сдвинем барьер!

– Тем лучше, а то холодно!

Ципа засмеялась – озорник.

Но вот – Болдинская осень. Проваливается мост, по которому Пушкин едет к невесте.

– Расшибся? – спрашивает Ципа.

И не спит ночью, думает: не было бы войны – не пожила бы с сыном... так и умерла бы и не узнала, какой у меня сын.

На следующий день Гоberman принес новость:

– Евреев переселяют в старый город, на Долгобродскую. – И вытаскивая очередной приказ: – Ну-ка, что здесь напечатано?

29

На деревянном тротуаре стояли люди с оружием, а по булыжному крутому склону Лев Меерович Страшун тащил тележку. Колеса скрипели. Левое шаталось на оси (вот-вот свалится), и время от времени Ципа подправляла его ногой.

Впереди колонны, шаркая, как по песку, шли люди в синих больничных халатах, и тапки без задника падали с ног.

– В гетто будет своя больница, – сказал Гоberman. – Всё будет свое: община, староста, полицейские...

Молодая женщина говорила, что в 35-м их поселяли на Долгобродской, да мужу не понравилось: болото близко, весной-осенью – грязь... Мы тогда его ждали. Рядом с женщиной шел краснощекий мальчишка.

– Зато сейчас бы никуда не трогались, – сказала пожилая. – Сидели б на Долгобродской... и вещи при себе.

– Я только – что ему, – кивнула молодая на сына. – Лазаря на Немигу забрали... – Она остановилась. – Что это? Слышите?

Откуда-то сверху спускалось легкое стрекотанье, и люди в толпе закрутили головами, улавливая источник.

– Нас снимают для кино, – сказала молодая. – Я знаю: снимали Первого мая, на демонстрации.

Пожилая спрятала под шляпку седую прядь.

Оператор стоял на партикабле, деревянном большом ящике, деловито оглядывал толпу и возился с объективом.

– Попродержите их, – сказал военному по-немецки.

Тот поднял руку.

– Он самый, – зашептал Гоberman, – комендант и полковник.

– Пусть идут, но не быстро. – Оператор прыгнул на землю. – Пожалуйста, камеру.

– Марш! – скомандовал комендант на подмостках.

Толпа резко тронулась. Колесо сорвалось с тачки и плашмя ударилось о мостовую.

Оператор плясал впрыскаду перед больными, подкарауливая, когда седой небритый старик потеряет тапку. Солнце падало справа, и короткие седые волосы старика сверкали белыми искрами.

Оператор вскочил на партикабль и стал шарить в толпе хоботом объектива.

– Какая жалость! Очень типичное лицо... но без звезды.

– Они все достаточно типичны, – сказал комендант. – Кто вам нужен?

– В пятой шеренге, крайний. С тачкой. Возле него – старуха.

Комендант посмотрел на крайнего в пятой шеренге.

– Тут все – толпа, жалкая, забитая масса, – сказал оператор. – А этот – нет. Такие затеяли войну, расплодились по всему миру и весь мир настраивают против нас.

– Да-да, – сказал комендант. Спустился с партикабля и подошел к крайнему в пятой шеренге. – Где ваша звезда?

Лев Меерович молчал.

– Когда германская армия издает приказ, его положено исполнять. Если хочешь жить.

– У меня нитки с собой, – сказала пожилая женщина.

– А у меня – звезда, – добави

ла молодая, с ребенком. – Я думала, Лазарь вернется...

– Вот мой дом, – сказал Лев Меерович. – Там есть другая звезда. Фильмооператор будет доволен.

Выйдя из дому, он некоторое время стоит на горе. Лес. Немига. Электростанция разрушена, и место ее опять занято деревянной церковкой. Всё как сто лет назад, когда ты уходил из города.

...çàí òñò àéúé ààíð,

È àíì, è ñàà óàèéí àí íúé,

È à ííéá íòí àðòàÿ ààíðü.

Да, так. По обеим сторонам улицы – пустые дома, и ветер треплет раскрытую дверь.

А ведь здесь я родился. На этой знаменитой горе, известной всему городу, я знаю пригорок, известный лишь тому, чья родина здесь. Вот, во дворе аптеки Кравца. По мостовой пригорок сровняли... А я катался там на салазках.

Здесь моя родина. И люди, которых гонят на Долгобродскую, – какие бы ни были – мой народ.

È à ííéá íòí àðòàÿ ààíðü..

Первым опомнился Гоберман:

– Люди! Евреи! Он сумасшедший! Всегда был сумасшедшим!.. Из-за него нас убьют всех!

Молодая женщина, оставив ребенка, подбежала к Льву Мееровичу и, вцепившись, стала срывать шапку с красной звездой.

– Если тебе надоело жить, почему должен умирать мой мальчик?!

Но он застегнул буденовку вниз, под подбородком, и женщина не сумела стащить с него этот шлем, в котором мой отец ходил в атаку. Только лицо оцарапала.

Охрана приготовилась стрелять.

Пожилая женщина и еще несколько человек упали прямо на мостовую и завyli от страха.

Гоберман дернул с тачки колесо и замахнулся. Еще какие-то люди налетели на Льва Мееровича, и он отбивался, как мог.

Оператор соскочил с партикабля.

– Не разнимайте их! – Протолкался к дерущимся и нацелился аппаратом.

Но едва они снова услышали легкое стрекотанье – шорох вечности, – руки сами собой опустились.

– А-а, черт! – выругался оператор. – Бейте же его! Бейте его, женщины!

Никто не двигался. Ципа держала в руках тяжелое железное колесо, отнятое у Гобермана. Мальчик тербил молодую женщину:

– Дядя – военный, да, мама? А почему у него шапка со звездой? А у него есть наган?

– Бейте, – просил оператор ласково, – бейте, пожалуйста...

Лев Меерович Страшун взял у матери железное колесо и неумело, сильно откинувшись, швырнул в оператора.

– Ну, подымай же меня! Пойдем! Да выше, выше!.. Ну, пойдем!

Пушкин умер 29 января в 2 часа 45 минут пополудни.

Í eefáà à íà èèòá àà, – àáíòèò ìáàáí àííèè, – íá àèààè ý òàèíé àòáíéíé, ààèè-àíòááíííé, òíòèàíòááíííé ì ùííè. Í à òíòáò ìèýèà èèúàèá – èàé àú íòáèáíé í àíèàçáíííá ìííèíéíòáèý.

ÀÇÀÌ ÁÍ ÝÌ ÈÈÌÁÀ

Когда автору было тридцать лет, эта повесть называлась «Красная звезда».

К тому времени автор закончил Литературный институт, где теорию прозы читал Виктор Борисович Шкловский. И надо было сдавать зачет. Виктор Борисович – старше автора на сорок три года – принимал экзамены на дому. Будущих драматургов, критиков и поэтов особенно не тревожил. С нами, прозаиками, беседовал, задержав лично автора на два часа.

Среди сюжетов, которые я излагал, был и такой – про пушкиниста, что погиб в гетто. Тогда еще не привыкли, даже с глазу на глаз, объясняться прямыми словами. Длинная речь Шкловского сводилась к тому, что повесть про пушкиниста обязан я написать. Пускай не напечатают – всё равно обязан... Последний, решающий довод звучал так: «Если не напишете, то подавитесь... задохнетесь... вас разорвет!»

Только что отгремел театральный скандал с Александром Аркадьевичем Галичем. В его пьесе «Матросская тишина» была схожая сцена: старик бросается на охранника... Пьесу сняли с репертуара, закрывши для публикации некую тему. Но кто-то сообщил Галичу, что обнаружился беспечный молодой человек, который идет по стопам.

Нас познакомили. Александр Аркадьевич посоветовал мне «подработать» заглавие – не «Красная звезда»... что-нибудь иное... Я погрустнел.

– Нит гедайге! – сказал Александр Аркадьевич. – Не огорчайтесь! Это не мы изменили советской власти. Это советская власть, как женщина, изменила нам.

Та древняя рукопись тридцатилетнего автора – она открывалась обращением к покойному Бабелю:

Òáàçááí ùé Èíààé Ýì ì àíòèíáè÷!

Í ýì ííááíòú çàèíí-áí à 1964 áàá, à çàáí áí à ííá ðáíúòá – á 58-ì. Í íá íáðá-èòúáàò áá íáðáá òáí, èàé ààòú Ááí, íííèíéíéò íá òí-ó íé-áá ì áíýòú Í í íáí ýòè, òáí áíòú ì ùííè ìííòíúá è ààçá íáí ðáàèúíúá. Í í òàé ý èíèðáííá áòí àé òíáá. Áííèí èèýòèý í ðááíòáàèýèáíí ì íá ààéíòááííí áíçí íáèíúí è íáèçáèíúí áíòíáíí èçíí çáàòááííý ííèíááíéý.

Á ìèèò íáíòíýòáèúíòá íò ì áíý íá çààèíýúèò, ý íðèíáàèáèò è ííèíéáíèò èòááé, èèòáííúò íáòèííáèúííá íòíèíá. Òàé èàé áííáíúáá è ðááíííðááííá ìèèýíéý, íááíáííáá èíáá-òí, íá íòèçíèèí, íáí ìíòáàèííú èèòú ðááíòáíòèòúíý á áðááí íáðíáá – ìòðáí èáíéá íòíèèáíòááíííá, íí ì ííáèðáòíí òíèéáííá í ðááááííáíéýí è è áíéííé.

Íòðáò çáííè á íáí òàé íòí-íí, ÷òí-áðáç ááááòáòú èàò íííéá Ííááíòèí à ì ú áí áíá íòýòáèèíí Ýòí áúé èíé – ðáàèòèý æáððáí, èíòíðáý ìíáíáòííý íò íòíòíéèá Áíò íòèçáá íá áíèçáííáá æááí èáíáíòèè-èí ì ì áòáòúíý ì áðááí è èòááí è.

*Ī īnīēāāī āy Āāī īīāīōū īā īīāīēāīā īīāāīēī īī. Ēāī āī, ōī, ÷ōī ŷ ōīōāē ē ī īā
īēāāōū īīā ÷ōēīē ōāī ēēēāē, ŷ ōēā īēāāē. Čāāīī ēīī÷āāōīŷ Ÿā Ōōōī ēī ē īā÷ēīāpīī ŷ - Ÿāōāā
Ōōēīī āī.*

í à ãñóáííí à óãó

ííéíãè:éá

ñòíýéè ñáííã,

éáé íí èéíáééá

Íí íèè áéíí,

áé áéíáãñò è óéáá

è ñí ðàóéáèè ñáñíáíí

íðí íòí àòéè.

Òàò óéðíáéà í à í ðáíí éá:íí-

«Éíã»

è áíá -

«37-é»,

áááà çàí àò íí.

À áá:áðíí

é íáí ó í ðéááé áðáá

óóí áéí áíéúí íá

òðáí í íá çáñò íéúá..

Áçáúóáéà í áí à:

«Éáéáéá, áíí óí». -

È á í áðááíáá:

«Éááóéá, áííéúí í».

Í áçáúóá

íí óíáéè ñí í íé á èéíí,

á «Ñáéðò».

Í éè

éðáí ééé :áé,

ááéýéñý

í à áéááíá

Áíáíá êîí íàòó

òíò ìàì ùé ÷áí íááí

è ÷òí-òí ííòèòííúéó

íòääè ì àì á

Íí òáèáòííó

áíéá ááíðéé,

á òýææíé íáíæúí èóá

æáááóí ááí,

íá-æúí í íæ:

«Ñéæ è óá íí-áí ó?» -

è áúííí íéé, èáé

ííáíáíæääè Í ðááí

Í íòíí áííòæ èéðó

è óíéíéáá,

ì íá ííááðèé æéíáíí ù

è òáò ðááéé,

ì íé, ñéíðí íòáúááþ.

Í ðèí íòðé,

÷òíáú óí àì ù áúéí

áí, áííðýáéá

À íí-íþ, éíáá èáé áú

ý ñáéá,

íéàçè, ñòáðáýííí

ááíðéòúííòèóá

«Áííáíííáíéí àþò

íòáðúá ááéá,

è éááíðíí íá áíéíá,

æéáòòí, íáíí èóáò».

Áíññéääè Ì íðääááý
È í áääð Þñò äð
Áíéää çáí èò: «Éääèì ...»
Áíò ì óääñòää ì ðèì äð
Ì ù ðàçèèääì çáèíí
Á èðñó çíáèì ùò èèò.
Á äáí ù Ì óðèì à ááñéúíí
Í á ááááò äðí èò.
È áíò Ááðáì èðñéèòñý,
Èää äðéää, èää áíé-íé
Áí ó á ááí ì íéòúñý
Óíòý á í à ì áéúé ññé
Í í íí, ì ðí-òý ì íéèòáí
Áéääññéíáèò í á ðàç
Òíá, èòí ááé í á áéòáó
È èòí ááðáá ñí áñ
Í í ðñì èàì èúòòñý áíéèà
È ááñé òú, è ì úýí.
Òðáúé, ì íý òðáúí òéà,
Èääóèè èà ðáò áí.
Í áðí á í áò í á ááçáí ì áí,
Ááðáéñéé ì éàì áí úæ è á
Òàé ñéääè òí ðí: «Í í áí»,
Ì íéèòáó ñí ò áí ðé á

Ááää Áóò í áñéèé

А по соседству – вдовец с детишками. Тоже едва справляется. Авось вдвоем будет полегче... И вот, как та королева из «Гамлета», не износив башмаков, в которых шла за гробом, Хана, с мужниным ребенком во чреве, выходит за человека по имени Меер Пидрад д (от белорусского «подряд?»).

Летом 1904 года рождается мальчик Велвл – мой будущий папа. По документам – Пидрад, на самом же деле – сын покойного Столяра (а все местечковые Столяры – сплошь портные). Значит, Пидрад пишем, Столяр – в уме.

Гешвистер (братья и сестры) Пидрад не признавали его своим. Столяры признавали... да очень большая разница в возрасте... и другая фамилия.

В пять лет отдали Велвла в хедер и в подмастерья к старшему брату портному Столяру. Жилось получше, чем Ваньке Жукову, но тоже качал люльку, выносил горшки и помои, подметал...

Наконец приобщили к мастерству.

Знаете ли вы, что такое перелицевать? Почти пластическая операция.

Помните, как Акакий Акакиевич пришел к кутюрье (закройщику) Петровичу?

- Оείαειν-οί, ηνείη... έαεαδην, άσσοί ηαδία, ά ίίί ίίαά.. οίεуеі а іаііі і аηοά іаі ίία οία... ίίίδίοαδείηη.. δαίτου іаі ίία...

Їаодїае: даіоїіудеē еаііо ē

даііі іодіе аа ідїоēа ηаоа Їіоіі іадаоēē ііаēēаіēір ааіо ē, іадауеаеē а ііі оааіеē, ηі дїоаē оааіеадеі

- Їао, іаеуі ііі даіе оіе оаіе аададїа!

Не взялся, простите, перелицовывать!

Дряхлое, мягое, выгоревшее на солнце надобно аккуратно распатронить, отпарить утюгом, перевернуть наизнанку и сшить заново. Никаких ножниц, ножей, бритв! Осторожно – иголкой – освободи каждый стежок от нитки. Не повреди ветхую ткань!.. Трудов много, а заработок никакой.

Осваивая швейную машинку, прошил папа указательный палец. Насквозь... След на всю жизнь – раздвоенный ноготь. Опять-таки как у гоголевского Петровича:

...палец с каким-то изуродованным ногтем, толстым и крепким, как у черепахи череп.

Когда папа, бывало, грозил мне портновским своим пальчиком, я хватала его и внимательно разглядывала, – хитрая девчонка!

1914 год. Мировая война. Многие уже переселились в Америку. Бабушка Хана опасалась, что судьба разбросает семью по миру. И пошла на старости лет фотографироваться. Столько карточек, сколько детей. Чтобы у каждого был мамин портрет. Чтобы далекие потомки узнали друг друга.

Вскоре бабушки Ханы не стало. Стерлась «черта оседлости». Таяло местечко. Кто – на восток, кто – на запад. Кто – за океан.

Собрался и старший брат. Быстро, неожиданно. Оформил бумаги (в 20-х годах было еще возможно). И отправились Столяры в «новый свет»... А Велвл-то – Пидрад. Куда пойдешь, кому докажешь?

Папа скитался из города в город, из местечка в местечко. От Одессы до Евпатории, от Херсона до Кировограда. От родных к двоюродным. От двоюродных к сводным. Нанимался к знакомым портным... И ждал весточку от американского брата.

Не дождался.

Когда я вступала в ВЛКСМ, папа рассказывал о своей «комсомольской юности». Ремесленников вообще принимали туго, но папа – бедняк – годился вроде по всем статьям. Для проверки, однако же, поручили соответствующее «ответственное» задание – следить за попом. Чернявый испытуемый Велвл ведет, значит, церковные наблюдения, а белобрысый испытуемый – допустим, Володя – строчит doskonaльные отчеты, как там дела в синагоге...

Посидел папа в кустах пару дней да и сбежал по-тихому в другой город. Так и не стал комсомольцем!

Осел в Кировограде. Устроился на швейную фабрику, познакомился с мамой. В 1930 году появился мой старший брат, в 31-м – переехали мы в Баку.

Тепло, сытно, много работы, две синагоги, еврейский театр...

Отгремела страшная война.

Про брата в Америке боялись и вспоминать. Писали в анкетах, что родственников за границей нет. Только глубоко в памяти – слабая надежда, как далекая звездочка.

Когда мой брат уезжал в Америку, папа сказал:

– Может, найдешь своего дядю. Ему 94 года. Вдруг еще жив...

Будто страна Америка вроде местечка. Выйди на улицу и спроси прохожего. Или постучись в синагогу:

– Господа евреи, кто знает Столяра – портного из Первомайска?

Передо мной – старинная бедная фотография... Быть может, у кого-нибудь есть другая?

Такая же?

Или вот эта – моя – единственная?

Рожденная в послевоенном 1947 году, я никогда не видела бабушку. Но сохраняю ее гены, ее уголки губ, ее фотографию. И ее имя. Ибо в девичестве была Ханой Пидрад.

Аδελφεί, Ίψ-Έγώ

ПУРИМ

Илана Арци

В этом, 5765-м, году Пурим выпадает на 25 марта (14–15 адара). Адар по еврейскому календарю – двенадцатый месяц, а в високосном году – аж тринадцатый.

Праздник Пурим – один из самых веселых. И воистину народный.

Утром и вечером 14 адара (а в Иерусалиме и 15-го) в синагогах читают свиток Эстер.

При упоминании Омана поднимаются шум и треск, заглушающие звук этого ненавистного имени.

Особенно стараются дети.

В Пурим посылают угощение друзьям и щедро жертвуют на бедных.

Есть обычай устраивать в этот день особую пуримскую трапезу – когда евреям позволяют выпить больше обычного.

В еврейских общинах, в свою очередь, устраивают театрализованное представление – «Пурим-шилль».

Праздник Пурим символизирует еврейский оптимизм, нашу глубокую веру в вечное существование еврейского народа.

Ï ÓÐÈÏ

– Здравствуйте, дети!

– Шалом, Фира Вениаминовна!

– Садитесь поближе и будьте внимательны. Перед вами репродукция картины знаменитого художника Рембрандта «Ассур, Оман и Эсфирь». Ассур – это Ахашверош; Эсфирь – это Эстер. С чем связана картина?

– С Пуримом!

– Пурим – это наш великий выигрыш. Когда празднуем?

– Двадцать пятого марта.

– А по еврейскому календарю?

– Пятнадцатого адара!

– Адар по-русски – это что?

– Существительное от глагола «нээдар» – «исчезать».

– Боря, а кто исчез?

– В свитке Эстер нет ни одного имени Творца. Оно скрыто.

Когда в Мегилас Эстер читают «Царь Ахашверош» – это про персидского владыку.

А когда просто «Царь», то это о Всевышнем.

– Какое созвездие у месяца адар?

– Рыбы!

– А кто родился и умер седьмого адара?

– Моше!

– Молодцы!

– Давайте посмотрим: всё ли правильно изобразил на полотне художник.

– Можно я? Ну, пожалуйста!

– Говори, Двора.

Вскакивает рыженькая, веснушчатая девчушка:

– В те времена мужчины и женщины не сидели вместе. Каждому приносили отдельный столик. И каждый возлежал на ложе, опершись на левый локоть.

– Умница. Теперь ты, Юдит.

Поднялась тоненькая, бледная, с огромными карими, как у лани, глазами, девочка и еле слышно произнесла:

– Я слышала, что в Персии пили из золотых, серебряных и медных кубков. На картине – стеклянные фужеры. Откуда?

– Хорошо, Юдит, садись. Борис, тебе слово.

Поправив на носу очки и слегка заикаясь, увалень Боря начал:

– А разве у восточных женщин платья были с декольте, как в Европе? Кажется, на Востоке даже царицы одевались скромнее.

– Ребята, куда на картине падает свет?

– На Эстер. Она – «светлая личность»! – выпалила Двора. – Идет на самопожертвование и вся, как фонарик, светится.

– Ага, Оман – «темная личность», – пробурчал Боря, – потому и сидит в тени.

– Ну, не весь же. У него высвечен загривок.

– Точно, – фыркнул мальчик, – по шеям ему и надавали.

– А кто такой Оман и откуда взялся? – спрашивает Фира Вениаминовна.

– Он министр Ахашвероша, главный враг евреев, – «выстрелила» Двора.

– Кто дополнит?

– Оман происходит от царя амалекитян, от Агага.

– Молодец, Юдит. А если взять всю его родословную? Не вспомнишь?

– Дайте я скажу! – рвется в бой Двора. – Оман нам родственник...

– Это как?

– Смотрите! Авраам родил Ицхака. А тот – Эсава и Якова. Историю с первородством помните?

– При чем тут это? Оно ему было до лампочки. Всего лишь за чечевичную похлебку продал!

– Да, но когда Яков получил благословение, Эсав обозлился до того, что решил брата убить. Мать, Ривка, велела Якову отправиться к родственникам. Беглец уже считал себя в безопасности, как вдруг дорогу ему преградил сын Эсава – Элифаз: «Дядя, тебя отец велел резать. Что делать будем?» «Забери у меня всё, оставь только нательную рубаху. Тора говорит: “Нищий что мертвый”. И считай – поручение выполнил».

Эсав даже внуку своему Амалеку завещал уничтожить Якова и его потомков.

Когда евреи вышли из Египта, их Всевышний защитил «шапкой-невидимкой» – ОБЛАКАМИ СЛАВЫ. Облака защищали и от жары, и от холода, камни и стрелы сквозь них не проходили, а отскакивали бумерангом в того, кто их посылал. Только сыновья Якова могли беспрепятственно проникать в облако и выходить из него.

Амалек, как шакал, бродил вокруг облака, и если кто высовывался – сразу убивал.

Эти волшебные облака были даны евреям ради заслуг великого праведника, брата Моше – Аарона.

Как только он умер, облака растаяли – и евреи стали видны окружающим.

И тотчас же на них напал Амалек.

Перед Пуримом, в Субботу, читаем отрывок из Торы: «Помни, что сделал тебе Амалек...»

– Двора, я тебе пятерку в четверти ставлю прямо сейчас. Цви, ты сегодня еще не отвечал. Расскажи про Ахашвероша.

– Ассур-Ахашверош на картине и освещен, и затемнен. И вашим, так сказать, и нашим. Прямо не знает, что делать. Но жезл свой наклонил всё-таки в сторону Эсфири – Эстер. Она не испугалась прийти к

царю незваной. Ведь царь мог казнить ее запросто, как Вашти. Поэтому она подстраховалась – попросила евреев Шушана поститься три дня и молиться за нее. В память о том у нас есть пост Эстер перед Пуримом.

– Ну а кто мне скажет, на какие дни выпал тогда пост?

– На Пейсах! Мордехай, дядя Эстер, еще возмутился: «Это же праздник, нам хоть четыре бокала вина выпить да мацой с горькой зеленью закусить!» Еле-еле умолила его племянница. Все евреи, как один, постились.

– Кем был Ахашверош до того, как на трон взошел?

– Конюхом у вавилонского царя Навуходоносора. Сопровождал его во всех походах и битвах. Стал боевым генералом и удачливым полководцем. Потом и власть захватил, а в империю входило сто двадцать семь стран. Перенес столицу в Сузы – Шушан. Чтоб на троне удержаться и «породу улучшить», женился на внучке Навуходоносора. Вашти его против евреев подзуживала, Храм запретила достраивать. Ашем сделал так, что Ахашверош разозлился на свою жену и велел отрубить ей голову. А когда новую жену выбирал, решил: «Пусть будет из низов, совсем не знатная, чтобы конюхом больше не попрекала». Устроил конкурс невест. Год девушек готовили. Выбрал подходящую, самую скромную – Эстер. Только вот незадача: именно она из всех претенденток была «голубых» кровей – внучка первого еврейского царя Шаула из колена Биньёмина. На картине изображен момент, когда Эстер наконец-то открывает мужу, кто она такая, и просит за свой народ.

– Да. Ему не позавидуешь: жена, что дороже всех на свете, из того народа, который он только что Оману разрешил уничтожить.

– Ну и влип же: свой приказ отменить не может! Что делать-то?

– Новый написать – «Еврейам защищаться!»

– А без разрешения никак нельзя?

– Тише, спокойнее, не все сразу! А какова родословная Мордехая?

– Мордехай, как и Эстер, из колена Биньёмина, глава евреев Персии. Он это как аргумент использовал, когда к нему с вопросами приставали: «Ты, такой-сякой, почему перед Оманом спину не гнешь? Ведь Яков с сыновьями злодею Эсаву семь раз кланялись! А ты чем лучше?» «Мой праотец, Биньёмин, Эсаву челом не бил. Он тогда еще на свет не появился. И я Оману сапоги лизать не намерен!»

– Молодчина, Цви. Ребята, давайте вспомним, какие заповеди связаны с праздником Пурим.

– Читать свиток Эстер!

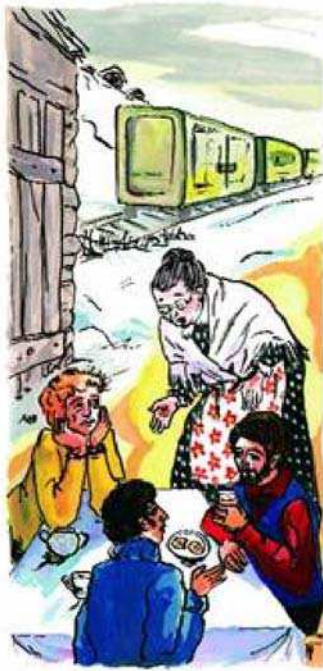
– Посылать друзьям и знакомым вкусное угощение!

– Дарить деньги бедным!

– Устраивать праздничную трапезу!

– Всё правильно. А еще есть обычай дурачиться, веселиться и показывать спектакль – «Пурим-шпиль». Мы с вами на следующем занятии роли распределим и начнем репетировать.

– Ур-ра!

ÀÀÊÌÀÊÀ

Было это не так уж давно; втроем отправились готовиться к зачету на дачу к однокашнику в Баковку. Предмет трудный и очень нудный. Как эту «муть» постигнуть?

«Но если в партию сгрудились малые – сдайся, враг! Замри и ляг!»

Кое-как втроем разобрались.

Выглядели мы очень усталыми. Хозяйка дачи принесла ароматного рубинового чаю. Подсела к нам, подперла сморщенным кулачком старенькую головку и вздохнула:

– Счастливые вы! Расстраиваетесь из-за какой-то ерунды. А мы вот с Илюшкой не струсили, когда ночью к нам вломились верзилы и погнали через всю Баковку на станцию.

– Как? Почему?

– Втолкнули в товарняк. И засов задвинули. Поезд ходко пошел, потом остановился и попятился назад.

Засовы отбили: «Выходь!» Батюшки, да это ж наша Баковка! Уф, пронесло на сей раз.

– Когда же это было?

– В марте пятьдесят третьего, аккурат перед Пуримом. Говорят, каждое поколение имеет своего Омана.

– А что такое Пурим?

– Это большой праздник, когда злодеи получают по заслугам!

РАББИ ШМУЭЛ А-НАГИД

Маркус Леман

Продолжение. Начало в № 9–12, 2004; № 1, 2, 2005

17. I DBI IE OI DAË

Праздник был в самом разгаре, когда случилась совершенно непредвиденная вещь. Слова попросил гость из Сарагосы, весьма уважаемый своими согражданами человек.

– Друзья и братья, – начал он речь, и голос его слегка дрожал от сдерживаемого волнения, – мы, народ Израиля, – народ особенный, отличный от всех других народов Земли. Даже нееврей, если он сведущ в истории, вне всякого сомнения, не станет отрицать это. Наша жизнь в изгнании, дрящяся столько времени и в таких тяжелых условиях, дрящяся вопреки всем преследованиям, всем указам против нас, сама по себе – уже великое чудо; это чудо невозможно объяснить простым способом, и всякий, кто наделен хоть каплей разума, должен признать, что оно свершается лишь благодаря особой милости Создателя. Только по Его воле просуществовали мы все эти века. Всевышний избрал иудейский народ среди остальных, чтобы даровать ему Свою Тору. Окруженные тьмой язычников, только мы всегда по-настоящему верили в единого Б-га, и от нас эту веру переняли некоторые другие людские сообщества. Однако же во всех странах огромного мира терпим мы спокон веков угнетение и многообразные беды. И нашим несчастьям не видно конца. Исключение составляет лишь эта благословенная страна. Здесь уважают евреев и веру их, и этим мы обязаны мудрому правителю, великому халифу Хабусу, который назначил нашего ученого брата своим главным визирем. Лишь в Гранаде жизнь бьет ключом, процветает культура и государство обогащается – и экономически, и духовно. Но тем не менее мы не должны забывать, что никакие блага и свободы, даруемые властью, не помогут нам жить счастливо, если мы не будем объединены, если не искореним в своей среде внутренние противоречия. Нет худшего зла, чем раздоры между людьми. Недаром говорили наши мудрецы: не нашел Всевышний другого сосуда, который мог бы вместить в себя благословение для Израиля, кроме мира. И еще сказано: Всевышний даст силу народу своему: благословит свой народ в мире. Мир-то сам по себе – не более чем отсутствие войны, но он служит «сосудом», в который излилось Г-споднее благословение Израиля, а благословение подобно воде, и если не найти ему подходящего вместилища, то оно в конце концов как бы испаряется, сходит на нет. Посему все мы должны искать мира. Так и заповедано: ищи мира и преследуй его. А еще всякий из нас должен помнить и исполнять завет Торы: «Усовести ближнего своего и не держи на него зла». Делать это, кстати, следует невзирая на лица. Те же мудрецы наши объясняли: даже ученик – учитель учителю своему... После пространного этого вступления я позволю себе обратиться к тебе, наш великий учитель... Великий – потому что так высоко, как ты, никто еще не поднимался со дня, когда был изгнан Израиль с земли своей. И кто, как не ты, величайший в Торе для нашего поколения, смирен при этом, точно старый Гилел?.. К тебе обращаюсь я и тебя спрашиваю: почему продолжаешь ты упорствовать в споре своем с рабби Йоной бен Джанахом?

Чтобы объяснить читателю смысл вопроса, прозвучавшего из уст сарагосца, мы должны несколько отклониться от главной линии повествования и рассказать о споре, возникшем между рабби Шмуэлом и рабби Йоной бен Джанахом. В одной из предыдущих глав уже говорилось, что рабби Шмуэл и рабби Йона, прозываемый также рабби Мериносом, оба принадлежали к числу крупнейших мудрецов Кордовы. Рабби Шмуэл был в свое время выдающимся учеником рабби Иеуды бен Давида Хайюджа и большую часть знаний почерпнул у него. Рабби Йона тоже не обошел вниманием этот источник мудрости, но учился он не у рабби Иеуды лично, а лишь по его книгам. Впоследствии, став серьезным, самостоятельным авторитетом в Торе, рабби Йона разошелся во мнениях с рабби Иеудой Хайюджем по нескольким вопросам. Рабби Шмуэл должен был выступить в защиту своего учителя; вообще-то ему уже не раз случалось сочинять аполгии в ответ на критические замечания рабби Йоны. На этой почве и возникли споры между двумя мудрецами. Началось это так. В Сарагосе, в доме одного из друзей рабби Йоны, собралось сразу несколько мудрецов, и среди них был некто, прибывший с юга. Этот гость поведал рабби Йоне и его друзьям, что в его земле несколько ученых людей, в том числе и рабби Шмуэл, собираются выпустить в свет книгу, где будет дан ответ на критику рабби Йоны в адрес рабби Иеуды Хайюджа. Естественно, рабби Йона захотел тотчас узнать, что именно написали рабби Шмуэл и другие мудрецы. Гость, однако, не смог дать ему хоть сколько-нибудь вразумительного ответа, ибо якобы сам толком ничего не знал. Когда же этот человек возвратился к себе, на юг Испании, он получил от рабби Йоны подробное письмо с опровержениями тех замечаний, которые всё-таки успел сделать в доме рабби Йоны. Как бы между

прочим, ни на кого не ссылаясь. Получив письмо и не будучи в состоянии поддерживать столь сложный ученый спор, южанин ответил рабби Йоне не самым учтивым образом. Он выразился в том смысле, что вместо писания писем с опровержением того немногого, что было сказано устно, рабби Йоне следовало бы не суетиться, а спокойно подождать выхода в свет книги рабби Шмуэла, где он найдет веские и убедительные возражения на свою критику, и уж тогда браться за сочинение ответа. В результате полемика между двумя различными течениями в науке разгорелась с небывалой силой и было создано несколько объемистых трудов с каждой стороны, в которых авторы старались опровергнуть аргументы противника и доказать свою правоту. И хотя разногласие между учеными возникло во имя Небес, и была в нем польза, уважаемый гость из Сарагосы, даже понимая это, счел возможным публично упрекнуть рабби Шмуэла за участие в дискуссии.

Рабби Шмуэл не выказал никаких признаков неудовольствия, выслушав это не слишком учтивое и довольно неуместное для того дня выступление. Хладнокровие, сдержанность всегда были отличительными чертами его натуры. Ответ первого визиря звучал вежливо и спокойно:

– На мою долю выпала радость черпать воды мудрости из такого источника, как наш учитель – великий рабби Иеуда бен Давид Хайюдж. Да будет вовеки благословенна память этого праведника! Он – тот человек, что систематизировал основы и сформулировал правила нашего языка, его грамматики – морфологии и синтаксиса. Поскольку он не успел завершить свой труд, на наши плечи теперь возложена почетная задача довести его до конца. Признаю: рабби Йона – крупнейший ученый, достойный того, чтобы продолжить работу по созданию грамматики святого языка в полном виде. Он, однако, не удовольствовался одним лишь раскрытием идей и воплощением замыслов нашего учителя, но также счел возможным не согласиться с ним по ряду важных вопросов и как бы вступил в полемику с покойным. Рабби Йона не учился у рабби Иеуды лично, он лишь читал его книги и посему, разумеется, вправе с ним спорить. Но для меня, который буквально впитывал в себя слова Торы из уст рабби Иеуды, это исключено. Я обязан вступить за честь учителя и защищать его мнение.

– Да разве сам рабби Йона не выказывал глубочайшего уважения к рабби Иеуде? – возразил почтенный гость из Сарагосы. – Разве не писал он в предисловии к своей книге: «И нет у меня мыслей умалить величие этого человека или унижить его; я стремлюсь, напротив, возвеличить и восславить рабби Иеуду, ибо все мы кормились с поля мудрости его. Познания его питали наш ум, и плоды его разума мы срывали, и в море учения его мы плавали. Он открыл нам глаза, обогатил нашу мысль, он взрастил нас и указал верный путь. И как вручил он нам ключи от храма своей науки, так с той поры мы ими и пользуемся».

– Кроме того, – продолжал приезжий, и в голосе его зазвучало ехидство, – ты не можешь отрицать, что рабби Йона, который занимается грамматикой святого языка постоянно, непрерывно, не жалея времени и даже в ущерб своей профессии врача-лечебника, заслуживает абсолютного доверия, что его мнение более весомо, чем мнение того, кто большую часть жизни посвящает политике и лишь изредка обращается к Торе и Талмуду.

По природной скромности рабби Шмуэл не стал опровергать слова гостя, не принялся убеждать его в том, что время свое главным образом как раз и посвящает занятиям Торой, а не политике.

– Трудно назвать это возражением корректным, – произнес он с полным бесстрашием. – Бывает, человек тратит на исследование какой-нибудь проблемы массу времени и всё-таки не достигает результата, а бывает иначе, и результат достигается довольно быстро. Только и всего...

– А скажи, – спросил гость, – отчего поначалу ты критиковал рабби Йону исподтишка – вместо того, чтобы выступить со своей критикой открыто? Выступить, как пристало великому человеку?

– Да ни в коем случае! – пожал плечами рабби Шмуэл. – Ничего я не делал исподтишка. Ничего подобного у меня не было даже и в мыслях. Сразу после того, как появилась книга рабби Йоны, где он отрицал многие положения труда рабби Иеуды, я тут же известил своих учеников и друзей, что не согласен с его позицией и собираюсь опубликовать книгу, где буду категорически ему возражать. Один мой друг приехал в Сарагосу и сообщил об этом рабби Йоне, но тот не захотел дожидаться выхода моей работы и поспешил опубликовать свою, озаглавив ее «Альтесуя», что значит «Книга сравнения», где написал очень резкие вещи по поводу моей точки зрения на некоторые проблемы лингвистики.

– Но и ты тоже не смолчал, и в новой своей книге «Расаиль аль Рафак» дал рабби Йоне весьма злую отповедь.

– Возможно, я тогда действительно слегка переборщил, – согласился рабби Шмуэл, – однако, да будет мне свидетелем Небо, я был честен и искренен. Мой противник тоже не поспешил на обидные слова и «выдал» мне как следует в четырех статьях, очень талантливых, которые назвал «Катаб альтшуер» – «Книга посрамления». Несмотря ни на что, я рад, что побудил его к написанию этой книги, ибо в ней его ум и дарование раскрылись во всей полноте. Кстати, там есть много вещей, с которыми я вполне согласен.

– Что ж, теперь я вижу, что ты не питаешь личной неприязни к рабби Йоне, как мне казалось раньше, а всего лишь не согласен с его научными взглядами. В таком случае, почему же ты не найдешь разумного способа прийти с ним к единому мнению и таким образом закончить наконец сильно затянувшийся спор?

– Боюсь, такого способа не существует. Дело в том, что я ни в коем случае не могу изменить свое мнение, не могу, в частности, отказаться от убеждения, что глаголы, вторая корневая буква которых «вав» или «йод», на самом деле имеют двухбуквенный корень, а долгая гласная, следующая за первой корневой согласной, восполняет среднюю (недостающую) корневую согласную. Есть и еще кое-что. Я об этом не раз писал в тех двадцати двух статьях о грамматике святого языка, которые сочинил за минувшие годы.

– Ладно, я доволен, что сумел хоть частично установить мир между двумя выдающимися мыслителями, – улыбнулся гость, – и буду счастлив сообщить всем в Сарагосе, что рабби Шмуэл вполне признает языковедческую компетентность рабби Йоны.

– Да я никогда и не ставил под сомнение его компетентность. А что касается нашего, так сказать, диспута, то завершить его удастся лишь в том случае, если рабби Йона перестанет оспаривать основные положения, выдвинутые рабби Иеудой – моим незабвенным учителем.

Присутствующие внимали этому диалогу с огромным интересом. Среди них хватало и мудрецов, сведущих в Торе, и тех, кто занимался грамматикой святого языка специально: тема эта была тогда очень популярна. Но один из слушателей пребывал в состоянии особого напряжения. С волнением ловил он каждое слово, слетавшее с уст спорящих. По нему было видно, что он с великим трудом сдерживается, чтоб не вступить в дискуссию. В конце концов он не вытерпел, встал и попросил у рабби Шмуэла слова. Остальные гости глядели на него пристально и с любопытством. Это был молодой человек с благородным лицом, окаймленным изящной черной бородкой. Рабби Шмуэл тотчас предоставил ему слово, и он начал свою речь:

– Я один из тех, кого наш уважаемый хозяин пригласил к себе на торжество, но, кроме него, я никого здесь не знаю. Прошу прощения за то, что пока не стану называть свое имя. Однако, после всего, что тут говорилось, я больше не в силах молчать. Я, поверьте, просто обязан сказать несколько слов. Вне всякого сомнения, и рабби Шмуэл, и рабби Йона – достойные ученики своего великого учителя, рабби Иеуды-грамматиста. Оба не жалеют трудов и времени, стремясь проникнуть в тайны нашего древнего и могучего языка, оба одержимы неотступным желанием углубить наше понимание Торы, дарованной Всевышним, и высветить «темные» места в учении. Их орудие – перо и бумага. Их книги – истинное чудо; они долго будут служить вящей мудрости еврейского народа. Авторитет рабби Иеуды для рабби Шмуэла непререкаем. Потому он и отказывается смириться с тем, что кто-то посягает на правоту его суждений, его выводов. И мы должны уважать мнение ученого. Современники не всегда способны в полной мере оценить высоту помыслов, талант и мудрость своих учителей. Подчас это бывает под силу лишь грядущим поколениям.

Под сводами шатра послышался дружный одобрителный ропот.

– Спасибо за проникновенную речь, – проговорил рабби Шмуэл, дружески улыбаясь гостю. – Ты так и не открыл нам свое имя – видно, надеялся, будто черная борода скроет черты твоего лица настолько, что помешает тебя узнать. Ты ошибся. Я легко тебя узнал, ибо только ты мог сказать такие серьезные вещи таким прекрасным слогом. Мир тебе! Благословен приход твой, дорогой мой Шломо ибн Гвироль!

18 יְדָאָאִי אֶעֱוֹאֶעֱוִי אֲדִי אֵא

Это произошло на следующий день после обрезания. Рабби Шмуэл снова пригласил своих гостей на праздничный пир, назначив его на послеполуденное время. А в первой половине дня состоялась встреча особо выдающихся представителей иудейского народа, – тех, что специально съехались со всех концов Испании и теперь собрались в доме рабби Ицхака бен Лиона, одного из самых уважаемых евреев Гранады.

Рабби Ицхак был большой богач и городской судья. Точнее – один из городских судей. Своих почтенных соплеменников он рассадил на стульях во дворе роскошного дома, рассадил в тени густолистных деревьев, подле мраморного фонтана, мощные струи которого, устремляясь вверх, несли всему живому прохладу и отдохновение.

После того как было подано, а потом и съедено вкусное угощение, хозяин дома, рабби Ицхак, обратился к собравшимся:

– Господа и учителя мои! Вот мы и собрались все вместе! Будет разумно использовать эту встречу прежде всего для того, чтобы размыслить, как улучшить положение нашего народа в стране, и заняться текущими нуждами общины. Однако сначала я считаю своим долгом сказать всё, что думаю, по поводу того, что произошло вчера на праздничном пиру у рабби Шмуэла. Не следовало публично укорять хозяина за разногласия с рабби Йоной бен Джанахом. Конечно, намерения нашего гостя из Сарагосы были самые благие, в этом я убежден, и всё же нельзя говорить в подобном тоне со столь значительным и уважаемым человеком, как наш раввин, в чьей тени все мы пребываем, не зная забот.

– Боюсь, твоя наивность, дорогой друг, – рабби Ицхак повернулся к гостю из Сарагосы, который тоже присутствовал на собрании, – может быть использована во зло теми людьми, что ненавидят рабби Шмуэла и норовят вредить ему любыми способами; не случайно выбрали они тебя для своих целей, ты ведь по виду простодушный и наивный праведник...

Наступило молчание. Присутствующие неподвижно сидели на своих стульях. Многих уже обуревал страх: а вдруг опять начнется разговор о рабби Йоне, вдруг между хозяином и гостем разгорится новый спор и пойдет, упаси Г-сподь, неведомо куда.

По прошествии нескольких минут тягостное молчание нарушил рабби Йосеф ибн Мигаши, глава ешивы. Поднявшись со стула, он оглядел единоверцев и негромко заговорил:

– Друзья и учителя мои! Сказал однажды мудрейший из людей, когда на него снизошло озарение: «Освобождающий воду первым подлежит суду». Если из плотины извлечь малюсенький камушек, в дырку сначала потечет лишь тоненькая струйка. Но постепенно брешь расширяется, поток воды становится всё больше, всё напористее и в конце концов прорывает плотину. А уж тогда стихия, высвободившись, крушит на своем пути всё подряд, причиняя серьезные бедствия. Нечто схожее происходит при ссорах. Начинается всё обычно с какого-нибудь незначительного упрека, однако понемногу огонь вражды разгорается жарче и жарче, и всё подчас кончается откровенной ненавистью. Помочь потом очень трудно; сделанного не вернешь... И всё-таки я прошу вас всех попытаться забыть о случившемся – будто ничего и не было.

А теперь потолкуем о другом. Я предлагаю на ваш суд одну идею, которую вынашиваю уже давно. Хочу надеяться, мое предложение притушит запылавшее было пламя. Сегодня здесь собрались лучшие люди нашего народа. Они приехали со всех концов страны, даже из других государств. Настал поэтому самый подходящий момент для воплощения в жизнь моего замысла. А заключается он вот в чем: мы должны во всеуслышание провозгласить рабби Шмуэла нашим предводителем, главой евреев всей испанской земли. Говорят, многие уже теперь называют его Нагидом. Но пока что это лишь молва, а не

официально присвоенный титул. Я лишен даже малейших сомнений в том, что вы единогласно меня поддержите. Но прежде чем мы объявим остальным о своем решении, мне всё-таки хотелось бы перечислить вслух те достоинства нашего раввина, благодаря которым он может и должен получить высокое звание, – хотя, конечно, вам они известны не хуже моего. Рабби Шмуэл – лучший и талантливейший среди учеников вавилонских гаонов первого поколения, поколения мудрецов, выросшего в диаспоре, в отрыве от вавилонской общины. Нет подобного ему меж людей – за исключением, быть может, рабейну Нисима и рабби Хананиэла. Сам рав Хай Гаон весьма ценит, безмерно уважает нашего раввина и переписывается с ним, обмениваясь мнениями по вопросам, сопряженным с Торой. Кроме заслуг в Торе, в святом учении, рабби Шмуэл имеет то серьезное достоинство, что он весьма приближен к нашим правителям. Он к тому же очень богатый человек. Но его репутация, его влияние на сильных мира сего, его богатство – всё способствует благу родного народа. Этим он озабочен в первую очередь. В Испании, в других европейских странах, в Африке, в Египте, в Вавилоне, а также в земле Израиля знают, почитают рабби Шмуэла и с благодарностью пользуются его щедротами. Тамошние мудрецы, целиком посвятившие себя Торе, давно получают от него свое пропитание. Каждому, кто вознамерится сделать изучение святой книги главным делом жизни, заранее обеспечена поддержка рабби Шмуэла и возможность не отвлекаться от ученых занятий ради заработка. Рабби Шмуэл держит также нескольких переписчиков, и они во многих экземплярах копируют для него Мишну и Талмуд. Книги эти получают в подарок его ученики – те, что не могут купить их на собственные деньги. Мало этого – всякий год рабби Шмуэл отправляет оливковое масло в синагоги Иерусалима... Словом, тот, о ком я веду речь, увенчан всеми четырьмя венцами: венцом Торы, венцом величия, венцом благородства и венцом доброго имени. Этот выдающийся человек бесспорно достоин, чтобы потомки назвали поколение, в котором он жил, первым поколением рабаним. И посему, господа и учителя мои, я прошу вас теперь согласиться на мое предложение: давайте решим, что рабби Шмуэл бен Йосеф а-Леви отныне будет именоваться Нагидом народа Всевышнего!

Гости рабби Ицхака бен Лиона единодушно и с радостью приняли предложение главы ешивы, и в тот же вечер особая делегация рабаним вручила рабби Шмуэлу важный документ, искусно начертанный писцом-художником на свитке из оленьей кожи и подписанный всеми уважаемыми евреями Гранады. В соответствии с этим документом рабби Шмуэл назначался Нагидом народа Израиля. Посланцы из дальних мест обещали в кратчайший срок прислать официальное согласие своих общин на это назначение.

Рабби Шмуэл поблагодарил своих единоверцев в самых искренних и взволнованных словах и объявил, что принимает высокий титул лишь потому, что надеется с его помощью еще больше возвысить народ Израиля.

Ближе к ночи, когда посланцы удалились, оставив его в одиночестве, герой нашего повествования погрузился в глубокое раздумье. Откинувшись на спинку кресла, мысленным взором окидывал он свою жизнь – все необычайные события, которых она оказалась полна. С самого дня его рождения и доныне. Вспоминал, как Всевышний поднял его из нужды, из крайней бедности на высоты богатства и славы. Сделал одним из самых известных людей своего народа и возвысил среди других народов. Как обычно, размышляя на подобные темы, рабби Шмуэл повторял про себя отрывки из священных книг, где речь шла о смирении и кротости, дабы не возгордиться ему и не вознестись в душе своей над собратьями. Поступать так было в обычае еще у амораим.

Слова, что твердил рабби Шмуэл, были на сей раз взяты из книги Иова и из книги «Коэлес», и речь там шла о суетности и об эфемерности мирских благ. Так сидел хозяин дома едва не до рассвета, пока не почувствовал: душа его совершенно смирилась и он проникся сознанием того, что сам – ничуть не лучше любого из окружающих его людей.

19. אֲנֹדָאֵי אֵינִי עֵינִי

Спустя несколько дней рабби Шломо ибн Гвириоль посетил дом рабби Шмуэла. Молодой человек даже не пытался скрыть волнение. Столько всего переменялось в его жизни, с тех пор как он в последний раз виделся с учителем наедине! Родители умерли. Приятели юности и бывшие соученики оставили его, ибо понимали, что теперь ему не подходят: он слишком превзошел их в мудрости и знаниях, и разрыв этот с каждым днем всё более увеличивался. Особенно в том, что касалось философии. Рабби Шломо всецело посвятил себя наукам; прочие занятия земного мира казались ему мелкими и суетными. И вот сегодня он решился навестить своего учителя рабби Шмуэла, которого не встречал несколько лет. Сердце его билось громко и часто, и сам он был охвачен неизъяснимой тревогой. Он помнил, что во время пира учитель говорил с ним дружелюбно, сердечно, но страх перед безмерно почитаемым наставником был почти так же силен в нем, как страх перед Б-жеством.

Войдя в ворота, он очутился посреди просторного двора, в центре которого бил фонтан; вокруг фонтана отдыхало несколько чужеземных рабов, свободных в этот час от своих трудов. В углу, у ограды, стояло человек пять еврейских слуг; они были так увлечены беседой, что не обратили ни малейшего внимания на приближавшегося к ним незнакомца. До рабби Шломо донеслись их голоса.

– Хотите верьте, хотите нет, – говорил один из слуг весьма возбужденно, – но это сущая правда! На прошлой неделе случился спор в Доме Учения во Франции, касался он одной хитрой талмудической проблемы. И тамошние мудрецы не могли найти для нее верное решение. И вот рабби Натурнай, живущий в Центральной Африке, каким-то чудесным образом услышал об этом, тотчас примчался в Париж и показал мудрецам копию Иерусалимского Талмуда из Седера Кдошим, которая раньше не была им известна. Прочитав эту копию, они сразу во всем разобрались.

– Конечно, такому никто не поверит, – усмехнулся другой слуга. – Любой скажет: да разве способен человек услышать разговор, происходящий за многие сотни миль от него? Или пролететь по воздуху чудесным образом? А ведь на самом деле это вещь возможная. Точно вам говорю. Нужно только поститься сорок дней, знать, как правильно произносится имя Всевышнего, и написать его на пергаменте, – но обязательно пребывая в эту минуту в состоянии святости.

– А вам известно, – вмешался в разговор третий собеседник, – что и наш господин способен совершать то, что обыкновенному человеку не под силу?

– И что же, к примеру?

– Ну, скажем, он может стать невидимым. А как иначе, объясните мне, сумел бы он узнавать мысли других? Халиф наш, вам всем про то известно, имеет привычку разговаривать во сне. А рабби Шмуэл, будучи невидимкой, стоит в это время у его ложа и слушает про все тайные планы и замыслы правителя. А наутро, как положено, является к халифу и «читает» в сердце того, как в раскрытой книге. Халиф же думает, что наш хозяин – пророк, ясновидец.

Тут слуги наконец заметили рабби Шломо ибн Гвириоля, стоявшего уже совсем рядом, и поглядели на него с подозрением.

– Тебе что здесь нужно?

– Я бы хотел повидаться с вашим господином.

– Нам никого не велено к нему пускать, кроме его приближенных или тех, кого он сам призвал.

– Что ж, – отвечал рабби Шломо ибн Гвириоль, – я готов вам предоставить доказательства того, что меня вполне можно причислить к его приближенным. Заодно могу кое-что разъяснить вам насчет сверхъестественных способностей, доступных якобы обычному человеку. Еще в те годы, когда рабби Шмуэл, наш господин и учитель, был торговцем в Малаге, я удостоился чести оказаться среди его учеников. Он показал мне тогда письма от рава Хай Гаона – великого ученого наших дней. В одном из них рав Хай Гаон откровенно высмеивал тех легковверных, что поддаются обману и думают, будто любой из нас может и достоин пользоваться полным именем Всевышнего. Если бы такое было доступно каждому, чем тогда отличался бы пророк от обычных людей? Если каждый будет в силах совершать сверхъестественные деяния, то чудеса перестанут быть чудесами. Они превратятся во вполне будничное явление...

В эту минуту к собеседникам приблизился пожилой мужчина весьма благообразного вида; по лицу его было видно, что он слышал последние слова рабби Шломо ибн Гвириоля.

– Ах, нет, сын мой, – произнес этот человек, – не говори подобных вещей. Неужели ты всерьез полагаешь, что наш скудный ум в состоянии проникнуть в тайны Всевышнего и постичь его помыслы?! На свете много такого, что, на первый взгляд, кажется чудесным, сверхъестественным, а при ближайшем рассмотрении, глядишь, происходит по общеизвестным, совершенно естественным законам, которые Всевышний установил в своем мире. Новые поколения – час их просто еще не настал – смогут раскрыть те бесчисленные тайны природы, что в нынешнее время считаются непостижимыми и оттого в наших глазах выглядят чудесами. А кроме того, есть еще ступень, она чуть ниже ступени пророков, и ее могут достигнуть праведники, живущие в наши дни. Тот же самый рав Хай Гаон писал в одном из своих посланий хозяину этого дома, что все предыдущие поколения верили: Всевышний творит чудеса не только «через» пророков, но и «через» праведников тоже. У нас поэтому нет права не доверять текстам Талмуда и сомневаться в чудесах, о которых повествует эта великая книга, – чудесах, совершенных рабби Пинхасом бен Яиром, рабби Янином бен Дуси, другими праведниками. В письме, которое видел я у господина нашего рабби Шмуэла, начертанном рукой мудрейшего рабби Хай Гаона, было сказано ясно и недвусмысленно, что он никогда не согласится с тестем рава Шмуэла бен Хафни: тот в результате изучения древнегреческой философии пришел к противоположным выводам. Да и сам я могу свидетельствовать перед вами, что не единожды случалось мне видеть сны, которые впоследствии неизменно сбывались. Разве можно отыскать этому естественное объяснение?

Рабби Шломо изумленно взирал на говорившего. Ему не доставало смелости, чтобы спросить незнакомца, кто он такой, откуда явился. Тот, однако, словно прочитав его мысли, неожиданно вымолвил:

– Меня зовут Яаков. Я один из друзей и сподвижников рабби Шмуэла... Пойдем, я провожу тебя к нему.

Поднявшись по ступенькам, они вошли в дом и вскоре оказались в приемной. Им пришлось подождать некоторое время: главный визирь халифа Хабуса в другом помещении принимал в тот момент делегацию из Толедо. Новый знакомый подвел рабби Шломо ибн Гвириоля к великолепному ковру огромной величины, купленному рабби Шмуэлом в Персии. Ковер свисал с потолка посреди зала и как бы делил зал на две части. В центре ковра было выткано большое дерево с густой листвой; мощные ветви его расходились далеко влево и вправо. Посреди всевозможных фигур и узоров, разбросанных то там, то сям, попадались еврейские буквы. Рабби Шломо ибн Гвириоль долго дивился искусству ткачей, а потом поинтересовался, откуда взялись еврейские буквы. Оказалось, из-за них-то рабби Шмуэл ковер и купил. Впрочем, до сих пор никто так и не сумел проникнуть в тайну их появления... Внезапно широко растворилась дверь, ветром качнуло ковер, и на пороге появился слуга, возвещая, что его господин готов принять посетителей.

– Прошу вас простить меня, – с улыбкой обратился к вошедшим рабби Шмуэл. – Не сердитесь, потерпите несколько минут: мой помощник прочтет три-четыре письма в вашем присутствии. Это весьма срочное дело...

Помощник мудреца исполнял те же обязанности, что в свое время исполнял сам рабби Шмуэл, служа у визиря Аль Арофа. Перед ним лежала стопка писем, на каждом виднелся государственный герб Гранады: плод граната, расколотый пополам.

– «В пятнадцатом округе страны», – продолжил чтение помощник, – «требуется новый кадий, в тринадцатом же округе требуется служащий».

– У них есть какие-нибудь кандидатуры на эти должности? – спросил рабби Шмуэл.

– На должность кадия в пятнадцатый округ они предлагают одного араба по имени Мурбит из семьи Бнео Вайт и араба по имени Махлял ибн Хани на должность чиновника в тринадцатый округ.

– Хорошо, согласен. Теперь вернемся назад. Ты прочел, что пятнадцать берберских семей, потерявших всё свое имущество во время недавних беспорядков, просят обеспечить их средствами к существованию. Чем они занимались прежде?

– Все они крестьяне или садовники, мой господин.

– Хорошо. Дай указание передать им в пользование кусок государственной земли. Пусть возле города Кадекса каждой семье выделят участок размером в одну квадратную милю. На правах аренды. Помимо этого распорядись привезти из Африки саженцы инжира и тамошних олив. Пусть эти берберы их посадят. Посмотрим, приживутся ли они в нашем климате. Арендную плату за три первых года ни с одной семьи не взыскивать. Дальше.

– Передо мной запрос, присланный еврейской общиной Малаги. Пираты привезли в гавань корабль с рабами; среди рабов есть чернокожие, утверждающие, будто они необрезанные евреи. Все до единого обязуются сделать обрезание, как только получат свободу. У людей, однако, возникло подозрение, что эти рабы – вовсе не евреи, а только притворяются евреями, – чтобы за них заплатили выкуп. Община Малаги спрашивает, как поступить в данном случае.

– Что ж, прежде всего следует попытаться выяснить, почему эти пленники не были обрезаны при рождении. Возможно, в тех местах, где они жили, был специальный закон, запрещающий обрезание. Возможно, евреи подвергались там преследованиям. Кроме того, нужно узнать, велика ли цена выкупа. Обычно пираты сильно завышают цену. После этого будем думать дальше.

Помощник продолжал:

– Христиане, живущие в нашем государстве, обращаются к визирю с просьбой освободить их от подушного налога – подобно тому, как от него освобождены евреи.

– Пожалуй, можно предоставить им эту льготу – при условии, что они будут платить за землю, как все остальные граждане. Но они должны позаботиться о том, чтобы земельный налог приносил казне хотя бы половину той суммы, которую она сегодня получает от налога подушного. А половина – это триста тысяч динаров!

– На сегодня всё, – помощник низко поклонился и вышел.

– Как я рад видеть тебя у себя в доме, дорогой мой Шломо! – обратился рабби Шмуэл к бывшему своему ученику. – Я слышал о твоих успехах в изучении Торы и в других областях. В том числе и в поэзии. Твое стихотворение «Корона царства» просто великолепно... А тут прочел я недавно еще один твой стих. Он до того пришелся мне по душе, что я декламирую его каждый день перед утренней молитвой.

С этими словами рабби Шмуэл вытащил из ящика стола пергаментный листок и прочел строки, сочиненные рабби Шломо:

В ппай іаі оо да е оааа пп аоо^п,
оааауіу оу, оу - пееа, оу - ііейо,
Е оааа ппр і іеео ао аісі іоо
Е оааа, ÷оі ааі уе іі-у аі і іа аеаао.
І ааа оаіей аае-еаі ппр
Е іеу е пееа, е аао оаі аі о
Аіп оі і і аі, ÷оі у а ппаа оар,
Е іо і аа і а педі оуіу іе-аі о
×оі і іаао і іеае оу ааеаеае і іе уаіе?
×оі і іаао ппааа? Е еаеу аеап оі
Ап оу а оіе ааа, еі оі оар і деаіе
В іі і оаа оу, е пп дае ааа оу е еуіп оіу?
І і сі ар у, еае ер ае оу оу даіеао
оао і ааі, ÷оі а оаір ппаао ÷ап оу -
А аеао оау аі ппааеу у, і іеа
Аі і іа ааа А-аап оаі і ау ап оу

Рабби Шмуэл смолк на мгновение. Потом заговорил о другом:

– Я слышал, у тебя неприятности... Внемли моему совету, Шломо: оставайся подле меня. Я готов заботиться о тебе, как о любимом сыне.

– Но что вы можете для меня сделать, дорогой учитель? – опустив глаза долу, грустно спросил рабби Шломо ибн Гвириоль. – После всего, что со мной случилось, я всё глубже понимаю, как справедлива мысль, которую лучше других выразил вдохновленный свыше сладкогласый певец Израиля: «Не упуйте на щедроты человеческие, на смертных, в чьих руках нет спасения».

– Да, так оно и есть, – вздохнул рабби Шмуэл. – Трудно полагаться на людей... И всё-таки кое на кого можно. Ибо люди разные. Как бы то ни было, сегодня естественный ход вещей таков, что, покуда халиф у власти, я буду бессменным его визирем. Он мне всецело доверяет. А жить Хабусу долго: он ведь даже к порогу старости еще не подошел. И не скоро подойдет.

Рабби Шломо ибн Гвириоль никак не отозвался на эти слова. Он просто снова стал цитировать псалом:

– «Отлетит его дух, и вернется он в землю, и в тот же день прервется его могущество».

Рабби Шломо едва успел закончить последнюю фразу, как в комнату ворвался до смерти перепуганный прислужник и заголосил во всю мочь:

– Господин мой! Халиф, наш повелитель, требует вас немедленно к себе! Сию же минуту! Ему очень плохо, он, кажется, умирает... О Аллах!..

Рабби Шмуэл застыл пораженный. Что же до рабби Шломо, то он поднял глаза к небу и громко, внятно прочитал еще одну строку псалмопевца:

– «Блажен тот, кому Б-г Якова в помощь, полагайтесь на Г-спода Всемогущего...»

Y'adivā Y. Y'adivāi nēiā

Y'ōrāēāi ēā nēāāō

НАПЕРСТОЧНИКИ ОТ КАБАЛЫ

Марьян Беленький

Прочтя и переведя статью из «А-арец» о «Центрах кабалы» рава Берга и о том, что его система никакого отношения ни к кабале, ни к иудаизму не имеет, а имеет отношение лишь к выкачиванию «бабок» из фраеров, я решил проверить это лично и отправился на вводную лекцию. Благо, бесплатно и за углом.

Привлекла внимание красная ниточка в коробочке за 39 шекелей. От дурного глаза. В соседнем киоске километровый моток таких же ниток продавался, чтоб не сглазить, за 2.50. Книга рава Берга, выпущенная в Киеве, продавалась за 130 шекелей, хотя в русском магазине через дорогу книга аналогичного объема стоит не более 20-ти. Значит, 20 – за книгу, 110 – за компостирование мозгов. Ну что ж, посмотрим, как они будут это делать.

Признаюсь честно, хоть я и автор множества статей на тему «Как не стать фраером» и прекрасно понимал, что задача лектора – «скачать» с меня «бабки», а моя задача – ему их не дать, но я несколько раз чуть не сорвался с места записываться на курсы кабалы.

Вводная лекция была построена и подана гениально. «Нам вовсе не нужны ваши деньги, плевать мы на них хотели, мы просто знаем нечто такое, что поможет вам жить, и мы прямо-таки горим желанием с вами поделиться, ибо миллионы людей во всем мире уже знают Великий Секрет Жизни, а вы еще нет».

Началось с того, что «Великий Секрет Щастя» сегодня доступен всем – евреям и китайцам, мужчинам и женщинам, молодым и старым. А разговоры о том, что кабалу можно изучать лишь мужчинам-евреям, знающим Тору, женатым и после 40 лет, – так это ж просто старые религиозные козлы прячут от вас секрет «Щастя»! Кто сказал «иудаизм»? Никакого, на фиг, иудаизма! Мухи отдельно, котлеты отдельно.

Сам лектор по кабале был без кипы.

Так вот, дорогие! Все вы чего-то хотите. Денег, «Щастя», любви, публикаций в «Маариве», авторских концертов во Дворце наций и чтоб бутерброды с икрой в постель подавали. Мы вам этого не дадим. И тот, кто говорит, что вам это даст, – мошенник. Мы вас просто научим, как всего этого достичь.

Дело в том, что у Жизни есть законы. Как законы физики. Знаете ли вы эти законы или нет, они всё равно действуют. Если вы будете их знать, вы будете хозяином собственной жизни. Не нужно будет советоваться со всякими там раввинами и мудрецами – вы сами себе будете мудрецами. Всякие там торы и тому подобные талмуды сегодня уже никому не нужны. Это в ешивах и университетах учат всякую ненужную фигню, а у нас учат, Как Надо Жить.

Вы ходите на наши лекции, а потом – хлоп! – почувствуете, что вдруг Всё поняли за Жизнь. И перед вами откроются офигительные перспективы. И те «нешасные» деньги, которые вы заплатите за наш курс, окупятся сторицей. Что деньги? Деньги – тьфу! Разве нам нужны ваши деньги? Раву Бергу нужны ваши деньги? Шо, в его денег нету? Та не дай Б-г! Мне с вас вже смешно! Как вы могли даже подумать! Просто нам за помещение платить надо. За электричество и арнону.

Всё это было преподнесено задушевым, вкрадчивым голосом – я, мол, недавно всё это открыл и вам даю уникальную возможность изменить свою жизнь. Вам дадут такую маленькую книжечку – мы ее всегда в кармане носим. Вообще-то в книге «Зогар» 35 томов, но мы всё в эту книжечку вместили. В последнем теракте, когда взорвался автобус, погибло 25 человек, а один, у которого в кармане была эта книжечка, остался цел и невредим, а стоял он буквально рядом с взорвавшимся террористом. А вы говорите – деньги. Кроме того, на ваши деньги мы раздаем нашим солдатам эти книжечки, и солдаты остаются целыми и невредимыми в любых переделках. Вы ведь не хотите, чтобы наши солдаты гибли?

«А действительно, какого хрена мучиться? – закралась у меня мысль. – Может, вправду...»

Если всё это, скажу честно, почти подействовало на меня, то представляю себе, какое впечатление произвело на людей, не искушенных в психологических техниках выкачивания «бабок» с фраеров. Ведь, в принципе, все они действуют одинаково: секта Муна, Харе Кришна, «кабала» по Бергу, великий учитель Ошо, великий гуру Рави Шанкар (в девичестве – Рувим Шинкарь) – проездом из Бердичева в Нью-Йорк, главный чукотский шаман Зяма Кац – только одно выступление в Тель-Авиве! всего 900 шекелей! – сайентология, общество задержки дыхания по Абрамовичу и питья мочи по Гелдмахеру. Все они обещают быстренько научить, как достичь «Щастя» за твои деньги. Причем немалые деньги. 10 вводных лекций у Берга стоят 1100 шекелей...

Это когда еще вы поймете, что вас в очередной раз нае... объе... А денежки-то уже – тью-тью.

Именно с этой целью здесь не берут чеки на платежи. Только наличные или кредитка.

В США существует целая индустрия психиатров, которые занимаются раскомпостированием мозгов, закомпостированных в различных сектах. Это, кстати, тоже немалых денег стоит...

В общем, вы как хотите, а у меня вывод такой:

Тот, кто обещает тебе за твои деньги немедленное и полное «Щасте», – мошенник.

Тот, кто пишет книги на тему «Как правильно жить», – мошенник.

Тот, кто пытается тебе эти книги всучить, – мошенник.

Тот, кто продает средство от всех болезней, – мошенник.

Тот, кто обещает научить тебя за две недели английскому и ивриту, – мошенник.

Тот, кто обещает тебя, без образования и опыта работы, устроить на выгодную и высокооплачиваемую работу, – мошенник.

А теперь – о главном.

Если вы действительно хотите узнать, как надо жить, немедленно обрести настоящее счастье, выучить иврит и английский, приобрести книгу «Самоучитель жизни в Израиле» (прислать мне чек на 30 шекелей), излечиться от всех болезней, устроиться на хорошую работу – никого не слушайте.

Обращайтесь только ко мне.

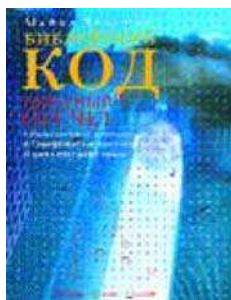
Оплата наперед.

****- Ááííííé ó ðááá Ááááá ó áéé ááóú Í í ñíáúáíéþ áááóú «Á-ááá», Í ááááí Í í çáí éáóéé ñáá 2 í éí áíééáóíá ááó í ááééó í ð-éíéáí éé çá ñáíé éí éáé é éáéééé.***

С НОВЫМ КОДОМ!

Î àééé Àðîîéí Àéàéàéîééé éîä Î áðàòí úé î òîî-àò

Î .: «Èí îîò ðàí éà», 2004 – 304 с.

Ñéíéúéí ÷àéíàá-àîòáí ñàý îîî íéò, îîî îîîòíýíí îòòááòíý íàéòé ðàéíúé ñ ùñé ñàíáá ñòíàîòáíáíéý, ááá-òí íáí ðàí áííí çàéíáííúé, çàéòéòðááííúé, çàéíàéòðááííúé. Ñòíéò áá íàéòé – é íéàáéòíý îîîýòíú ááéíáíá îòòáðòáá, áíáýáýúéá ááîî ùñéáííúí é áéíú, áéáá ðíá, î ù óíááí áóáòíáá é ñ íàéáí áá îðááòáðàòéòóç áíéé îîî íéàáéòíý ñòíéú áá áéáííúí é áááòíééí, éáé îðááéàîòáðòáý éñòíðéý ÷àéíàá-àîòáí

Вот и один американец... туда же. Нашел тайный шифр, в котором всё записано, всё предсказано. И где его искать, как не в Библии?

Тут надо сделать небольшую оговорку. Я не знаю иврита, но знаю, что на этом древнем языке запись производится без гласных и без промежутков между словами. Отсюда, кстати, такое обилие ересей и разных направлений в Б-гословии: само написание Священного текста можно прочесть многочисленными, порой противоречащими друг другу способами, и результаты можно получить разные.

Между прочим, «тайный код» открыл не автор этой книги, а израильский математик Элияу Рипс, который каким-то образом применил к библейскому тексту компьютер. Каким именно – не сказано, но книга изобилует всевозможными таблицами, в которых Священный текст используется как кроссворд: по диагонали и по вертикали. И автор прочитывает в этом тексте либо так, либо эдак.

То, что автор – абсолютный американец, становится понятно с первых страниц. Для него существует только его история, точнее, история США = история мироздания. Поэтому, как нам кажется, тон его повествования поразительно легковесен, хотя пишет он о вещах судьбоносных и серьезнейших. Автор порой напоминает эдакого дурачка, который знает то, о чем другие и не догадываются, и обивает пороги сильных мира сего с тем, чтобы это знание до них донести...

В результате реально встретиться ему удастся только с Ясиром Арафатом, который, как сказано, верит в пророчества. Автор очень хотел встретиться с Клинтонем, бывшим на тот момент президентом США, но его к президенту не допускают, и он встречается с Джоном Подестой – главой администрации Белого дома, которому излагает свои открытия. Впрочем, в другой главе он почему-то пишет: «...при встрече с Клинтонем...» Ладно, это мелочи. Еще он встречается с сыном Ариэля Шарона, некоторыми израильскими высокопоставленными военными, дочкой Ицхака Рабина...

И все, с кем он встречается, задают ему один и тот же, вполне закономерный, вопрос: «Что мы можем сделать?»

На этот простой вопрос у автора есть только один ответ типа «помириться». Что тут скажешь?

Кстати о том, что же всё-таки выяснили Элияу Рипс и автор, расшифровав «библейский код»: какое будущее нас ждет и почему у книги есть подзаголовок «Обратный отсчет».

Во-первых, автор настаивает на том, что он – атеист, в Б-га не верит. Поэтому «библейский код» сообщает ему – а Фрэнсис Крик, один из авторов открытия ДНК, в беседе подтверждает, – что жизнь на Землю была занесена из космоса более высоко стоящими по развитию существами. Они-то и зашифровали всё тайное знание в Библии, но открыть это стало возможно только благодаря компьютерам, то есть в наше время. Все остальные доказательства и следы пребывания «высших существ» спрятаны в «языке морском» – полуострове Мертвого моря Эль-Лизане (на территории современной Иордании). Поскольку там чересчур много соли, то всё «это» не должно было даже заржаветь: кислорода не хватило. И если бы не нынешняя интифада, можно было бы устроить большие археологические раскопки.

Что же автор сулит в будущем?

Ничего хорошего: «ядерный холокост», который начнется в 2006 году. Точнее, всё уже началось с гибели Торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, и всё идёт к концу света, который должен осуществиться именно в 2006 году. Об этом-то автор пытался всех предупредить: Арафата, Клинтона и прочих...

Можно было бы и поверить автору и его коду, но...

Почему это он, с помощью своего кода, прочитывает в Библии имена одних только современных политиков – причем исключительно американских либо израильских? Почему ничего не написано о сущности этого самого шифра – что он собой представляет? Эти «почему» можно длить бесконечно.

А вообще-то лично я не верю даже Нострадамусу. Впрочем, его «Центурии» написаны столь темно по смыслу, что там вроде ничего и не имеется в виду. Точнее – подставляй, что хочешь.

Есть многовековая традиция поисков тайных смыслов Торы, целая наука. Она называется кабала. Одна из главных ее книг – Сейфер Йецира – повествует о том, как Г-сподь создал мир с помощью 22 букв еврейского алфавита.

В книжке М. Дроснина это игнорируется. Он считает, что первый всё нашел и открыл. Ну что ж, с новым кодом вас, товарищи!

Аа̇ō Ва̇а̇а̇а̇

ПОЭТОМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ... И ГРАЖДАНИНОМ НЕ ОБЯЗАН!

Yôdâei Êešîi Yôî i û - ešdâeëüò yî á..

Î.: «Î îñòú éóëüò óóú»; Jerusalem: «Gesharim», 2004 – 223 c.

Áââ-ôî á 60-ò áââò Yôdâei Êešîi íáíeñâe éíðòáíüešp ðî ídâñeó îðî Êðdâeëü á éíòîðe áúeëe óâeëâ ñeîáâ: «Yôî - áâeîñòááí íá y ñòðáí á íá ñâóâ, á éíòîðe y î íâð æeòú». Áñeîðá î ññeá yò íâ íeáçâeîññî ÷òî îí î íæâð æeòú óíeüeî á Óâeëóâðeë. Îîòî îí íá-âe íeñòú îí-íáí áðeë è îðñeáâeëñy á Áâðî áíeë, á íá ðñeíá áúe îññòáíáí í çâáñò. Áíðî-áí, ñeîáâ î «ðñeíá» - ÷eñòá y ñeîíáí ñòú. Yôdâei Êešîi (íáñòí y áí ei y Óâðáí ó Óíòî áí) ðñeëñy á Áâí áðeë, á áñeî eëeðñáí í e áâðeñeîe ññ ññ. Á 20 éâð, á 1944 áâó (áí áðáí y eñòðâeáí e y áí áññeó áâðáâ), íáíeñâe ññp í áðáçp ñòeðe-áñešp éíeñ Áâú íá îññòú á Îññáíeë, íðeí y e ðeñòeáíñòáí, îñòî ñeáñíeë-íí eç íáñ áúeá. Áóíðe-íí îðñeáâeëñy á îññeáíáí í úá áâú á Áâí áðeë. Ñò æ çâí áñòeóâeáí æâáí íá ðââeóíðá éí î óí eñòe-áñeîá «ñâòeðe-áñeîá» æeðíáeá. Á 1948 áâó áúe íðeáçâeáí á Î ññeá, á «Êðñeíâeë», íí ðâeëe íð áðââá îññeáçâeá ñeëí yòú í á çâí áâ. Îòò óââ - á Êðdâeëü Á Êðdâeëá ññ íáá îðñeáâeëñy. Îîòî îðñeáâeëñy áúá è íá çâí áâá Ññââe á Óâeëóâðešp.

В общем – классический «гражданин мира». В конце 70-х годов стал самым покупаемым автором в Германии. Говорит, что в этом «его месть немцам». Одним словом – процветающее коммерческое предприятие.

Конечно, не литература. Но такое десятки тысяч людей читают в общественном транспорте. Смешно – и думать не надо. Эфраим Кишон, может быть, писатель никакой, но юморист талантливый. Это человек, наделенный редким даром отыскать смешное в любой ситуации, показать абсурдность любой прописной истины. Что особенно важно в наше время торжествующей пошлости «общечеловеческих ценностей». В прошлом году я уже имел возможность сообщить читателям, что «левые» Кишона на дух не выносили. Прочтите предлагаемый сборник, и тут же поймете почему. Эфраим Кишон несовместим с гражданским обществом, правом наций на самоопределение, демократическими выборами, многопартийной системой, большинством голосов и прочими общими местами. Что ж, здесь он абсолютно в своем праве. Поэтом можешь ты не быть, это разрешается, но и гражданином, по совести говоря, не обязан.

Особенность таланта Кишона в том, что от его текстов могут получить удовольствие и слесарь-сантехник, и утонченный интеллектуал. Оба власть посмеются, оба потом сразу забудут, о чем вообще шла речь, – останется лишь приятное ощущение, что автор прав: государственные чиновники – козлы, адвокаты – полные козлы, общественных деятелей хорошо бы закатать в асфальт, а мировое сообщество самое время извести посредством морового поветрия. И поскольку почти все действительно так думают, только бояться высказать свои классово незрелые мысли вслух, общая идея Кишона спокойно растворится в общем ходе мыслей читателя и оттого забудется еще легче, оставив по себе лишь негромкий, ласкающий ухо шелест. Так что через год можно прочесть еще раз и опять посмеяться.

Проблема с восприятием рассказов иная: значительная их часть теперь просто непонятна без комментариев. Кишон ведь и не творил на века: почти все юморески, помещенные в сборнике, первоначально публиковались в газете «Маарив». У автора там была своя колонка. Видимо, именно по этой причине составитель не включил в книгу «Мы – израильтяне» истории про политику и арабов. Политика и арабы, конечно, с тех пор не изменились, но «информационные поводы» для юморесок 50–70-х годов забыты напрочь, сметенные новыми безобразиями.

В заключение, как всегда, – несколько слов о переводе. Чуть больше 30 лет назад первая подборка рассказов Кишона была издана в Израиле по-русски. Тогда же я украл ее с государственной книжной базы. По сравнению с теми переводами текст Александра Крюкова на порядок лучше. Есть, конечно, явные «ляпы», но они относятся, скорее, к недостаткам редактирования, а не к промахам переводчика. Стоило бы более тщательно проверять транскрипцию иностранных имен и слов – тогда бы не гуляли по страницам «Рамон Нубаро» вместо «Наварро», «Бела Лугуши» вместо «Лугоши» и т. д. Не обязательно знать идиш, чтобы понять, что поговорки «Ойф колтас блот ман нишим» быть не может, последним словом явно должно стоять «ништ»...

Еще несколько мелких замечаний. Откуда взялся фильм «Пьяный ангел» вместо общеизвестного «Голубого ангела» (с Марлен Дитрих в главной роли) – Б-г знает. В разговорном иврите слово «рыжий» не означает «некто, незнакомец», как утверждает редакторская сноска, а означает именно «рыжий»...

Впрочем, всё это не столь уж и существенно. Книга на самом деле смешная и без претензий. Если вы пользуетесь общественным транспортом – возьмите ее с собой в дорогу: не пожалеете.

אי עֹדֵה יִדְעֵוּנָא

О ГОРОДЕ И О МИРЕ

Ôèëüü Áíðèñà Ì àóöèðà

«Òàèîì, Èàðóñàèèì !»

Èàðóñàèèì : Israel film service, – 2004

У слова «шалом» много значений. И название фильма израильского режиссера-документалиста Бориса Мафцира «Шалом, Иерусалим» можно понимать по-разному: как «прощай», как «привет». Но сам автор предпочитает наиболее старое значение этого слова – «мир тебе». Мир тебе, Иерусалим!

Картина снималась в течение нескольких лет на улицах Города Трех Религий, причем чуть не половина съемок проходила ночью.

Как вы думаете, представители каких профессий не спят по ночам? В Израиле можно назвать две: мусорщики и пограничники.

Вы спросите, что делают пограничники в городе? А как же «лес дремучий снегами покрыт, на посту пограничник стоит»? То есть «пустыня жаркая светом луны залита, спит спокойно израильская страна»...

Дело в том, что границы государства Израиль охраняет армия. А пограничники охраняют «границу» между днем и ночью, между законностью и криминалом, между безопасностью и риском. Словом, израильский пограничник – это российский омовец.

Итак, фильм начинается. Прозрачный ночной воздух. Спящий пока еще город. Огромный мусоровоз начинает свой путь по городу. Маршрут его проходит по одной из главных улиц – той самой, которая делит Иерусалим на западную, еврейскую, часть и восточную, арабскую. Эта подробность – равно как и особенности израильских «пограничников» – мало известна российскому зрителю. И для него, возможно, фильм представляет собой бесконечную цепь загадок: некая шарада, мозаика города, которую надо разгадать.

Взгляд режиссера задерживается на могиле праматери Рахели. Это настоящая крепость из резного камня, окруженная высоким забором. В узких, ослепительно белых комнатах толпятся люди, сидят, читают Тору, молятся.

В этом городе опасно. По обочине, жужжа черными толстыми колесами, движется желтая радиоуправляемая «игрушка». Камера показывает ее, потом «игрока» – взрослого мужчину в форме, а потом напряженно замершую толпу... Робот-манипулятор, так похожий на невинную детскую забаву, подъезжает к оставленному без присмотра пакету и резко сбрасывает его на землю. Пакет взрывается, манипулятор отлетает в сторону, толпа переводит дух. Очередная бомба обезврежена.

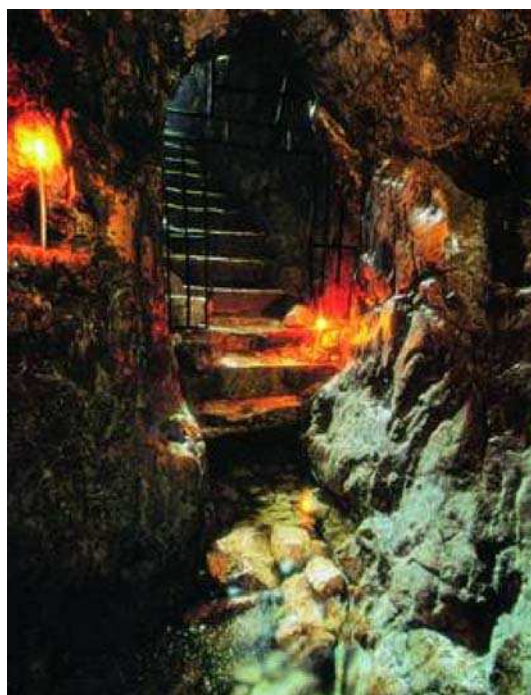
Дорога становится узкой, и мы вместе с автором начинаем плутать по улочкам города. Заходим на рынок, где все торговцы – палестинцы. Проходим мимо бородатого человека, который держит возле уха сотовый телефон и громко жалуется, что в священном свитке для тфилин неправильно написана одна буква. «Только в Израиле можно увидеть, как на улице обсуждают вопросы Торы по мобильному телефону!»

Кто из нас не видел Стену Плача и молящихся возле нее людей? Но в фильме «Мир тебе, Иерусалим» этой привычной картины нет.

Зато мы видим это место ночью, видим молодых людей, отдыхающих на ступеньках. А также узнаем, что есть способ проникнуть за Стену Плача и подобраться к святыне Храма намного ближе. Под руинами сохранились подвалы... Есть люди, которые верят: там, в этих подвалах, сохранился Ковчег Завета и его можно найти. Оператор с камерой проходит под низкими каменными сводами почти до самого центра Храма. До того места, над которым когда-то стоял Ковчег, остается всего двести шагов...

Демонстрация, вошедшая в историю под названием «За ты или против?» Разгневанная, буйная, не согласная с правительством Ицхака Рабина толпа. Плакаты: «Рабин, убирайся домой, мы тебя не хотим!», «Нет!», «Правительство предателей и преступников». И даже такие: «Смерть Рабину!» Пройдет год, и многие из этих людей соберутся на том же месте, чтобы зажечь свечи и почтить молчанием память Ицхака Рабина. Потому что один из них перейдет от слов к делу и вытащит пистолет...

Но пока об этом не знают ни демонстранты, ни режиссер фильма. Через год он обязательно вернется сюда с камерой и снимет панихиду. А пока мы снова путешествуем по улицам города, слушаем людей и наблюдаем забавные сценки повседневной жизни.

Мы уже многое узнали об этом городе. Нам предстоит узнать еще и то, что примерно через год после убийства Ицхака Рабина восточную часть Иерусалима отдали арабам. Там, где читали Тору, теперь читают Коран. Появляются огромные портреты Ясира Арафата, флаги, люди в клетчатых куфиях. Звучат уверенные призывы продолжать борьбу до победного конца!..

В середине фильма начинает казаться, что картинка рассыпается на глазах – так много разных, казалось бы не связанных между собой эпизодов... Но режиссер умело «закругляет» каждую сценку. После

кадров о разделе Иерусалима мы вновь видим могилу Рахели – и теперь в голосе за кадром звучит тревога за будущее этого святого места. Демонстрации «За ты или против?» волею судьбы противопоставлена панихида. Еврейскому Иерусалиму противопоставлен Иерусалим арабский. А мусоровоз заканчивает свой путь там, где и должен его закончить: на городской свалке.

Технические приемы фильма очень просты: нет спецэффектов, нет комбинированных съемок с разных точек. Создается впечатление, что каждый эпизод снят одной камерой, без последующего монтажа. Однако эта сдержанность в средствах, кажущаяся безыскусность оставляет глубокое впечатление.

Мир тебе, Иерусалим! Может, когда-нибудь это пожелание сбудется?

Віа І ааіаіаі

ÂÎ ÇÐÎ ÆÄÄÍ ÈÁ

Ì ÁÐÒÎÂÎÑÈÈÁÍ ÎÁÎÑÒÈ ÒÁÁÁÐÀÖÈÈ ÁÁÐÁÈÑÈÈÕ ÎÁÙÈÍ

ÎÑÁÁÍ ÕÈÌ . XXI ÁÁÈ

27 января – день освобождения советскими войсками самого крупного нацистского лагеря смерти Аушвиц. В нынешнем году весь мир отмечал 60-летие этой даты. Важнейшие официальные мероприятия прошли в Польше, в музее Аушвица. Главный раввин России 24 января, накануне визита в Польшу, дал пресс-конференцию, приуроченную к годовщине освобождения Освенцима. В пресс-конференции участвовали руководитель Департамента общественных связей Федерации еврейских общин России Борух Горин и сопредседатель Научно-просветительского центра «Холокост» Илья Альтман.

Предваряя вопросы журналистов, главный раввин России Берл Лазар отметил, что для евреев особенно важно, чтобы события тех лет больше никогда не повторились. «Главной задачей нацистов было уничтожить евреев, – сказал он, – и к этой цели они шли до последних минут войны. Даже убегая из Освенцима, они взяли с собой узников, стараясь убить их по пути... Это важный урок. И если не вспоминать его – мы не будем уверены, что всё это не повторится еще раз. И, возможно, не только для евреев».

«Порог терпимости к нетерпимости» – так определил Борух Горин один из важнейших уроков Освенцима, к сожалению забытый сегодня.

«Демократия, либерализм, цивилизованное общество должны относиться ко всему терпимо, кроме нетерпимости, – подчеркнул он. – Мы не имеем права оставлять место для человеконенавистнических идеологий, для дискриминационных законов, для шовинизма, для нацизма. Надо вспомнить, что до того времени, когда мир узнал об ужасах газовых камер, фашизм пользовался большой популярностью в совершенно неожиданных кругах, от ультралевых до ультраправых».

По мнению Боруха Горина, власть, государство должны действовать прежде всего как механизмы охраны, защиты своих граждан от идеологии тоталитаризма. «Когда закон воспринимает нападение на других людей по национальным причинам как хулиганство, то люди, видя, как человека избивают на улице, смеются. Государство должно понять, что Освенцим начинается здесь. И, к сожалению, к 60-летию Освенцима эти уроки становятся всё более насущными. Причем далеко не только в странах “третьего мира”. Это касается и Европы, и Америки, и России».

Илья Альтман в своем выступлении подчеркнул, что «Освенцим был освобожден только благодаря героическим действиям солдат и офицеров. Когда советские войска вошли в лагерь, они увидели несколько сотен трупов только что расстрелянных людей. Свыше 350 человек отдали жизни в боях за территорию лагеря. Почему же 27 января в нашей стране до сих пор не стало днем, о котором знают все? Граждане двадцати стран Европы прошли через Освенцим, и из них мало кто выжил. Не зря его называли “фабрикой смерти»».

Затем участники пресс-конференции ответили на вопросы журналистов, в том числе об активной деятельности еврейских организаций России в канун 60-летия Победы, направленной на то, чтобы человечество не забыло трагических уроков Холокоста.

Еврейская поминальная молитва Кадиш в память об истребленных нацистами 6 миллионах евреев прозвучала 27 января над бывшим концлагерем Освенцим. На церемонию приехали главы 19 государств, включая Польшу, Израиль, Россию, Германию и Францию. Перед 10 тысячами собравшихся, среди которых были бывшие узники и ветераны войны, освобождавшие Освенцим, выступили Александр Квасневский, Владимир Путин и Моше Кацав. Послание Папы Римского Иоанна Павла II прочитал кардинал Франции Жан-Мари Люстиже. На железнодорожных путях, по которым привозили заключенных, зажгли поминальные свечи. Президент Польши Александр Квасневский напомнил об огромном вкладе в освобождение Европы от фашизма народов Советского Союза, которым пришлось заплатить страшную цену за эту историческую победу. Президент России Владимир Путин предостерег от любых попыток переписать историю, ставящих в один ряд «жертв и палачей, освободителей и оккупантов», которые «аморальны и не совместимы с сознанием людей, считающих себя европейцами». Он подчеркнул, что «сегодня мы обязаны помнить не только о прошлом, но и осознавать все угрозы современного мира, среди которых терроризм не менее опасен и коварен, чем фашизм, и не менее безжалостен: его жертвами уже стали тысячи ни в чем не повинных людей». Президент Израиля Моше Кацав назвал Аушвиц «местом самого страшного преступления в истории человечества». Он отметил, что «через 60 лет после Холокоста мы стоим перед лицом воскресшего антисемитизма в Европе», призвав лидеров мировых держав не перекладывать бремя за судьбу мира на «сознание человечества».

В тот же день президент России Владимир Путин, выступая на международном форуме «Сохрани жизнь народу моему» в Кракове, призвал народы мира «помнить причины Холокоста и делать всё, чтобы этот ужас никогда не повторился». «Холокост показал, как легко срывается предохранитель, удерживающий цивилизацию от зверства, неизбежно ведущего к гибели человечества, – сказал президент России. – Это не преувеличение, поскольку по замыслу и самой логикой поведения нацистов судьбу евреев должны были повторить другие народы».

Президент Путин заявил, что «многим из нас должно быть стыдно за сегодняшний день. Даже в нашей стране, сделавшей так много для победы над фашизмом, сегодня, к сожалению, мы видим эти проявления. Россия всегда будет не только осуждать любые из проявлений, но бороться с ними силой закона и общественного мнения».

В завершение своего выступления российский лидер подчеркнул, что в начале XXI века человечество столкнулось с «новыми нацистами» – международным терроризмом. «Налицо известное родство нацизма и терроризма – то же пренебрежение к человеческой жизни, та же ненависть к инакомыслию и, самое страшное, то же стремление к маниакальной цели. Причем для достижения этих целей террористы, не колеблясь, уничтожают всех, кто не идет с ними в ногу, кто не соответствует определенным ими критериям. Убежден, сохранить нашу цивилизацию можно лишь в том случае, если отбросить все второстепенные разногласия и сплотиться против общего врага, как это было в годы второй мировой войны», – отметил президент России.

27 января на торжествах в Польше главный раввин России Берл Лазар вручил президенту России Владимиру Путину медаль «Спасение», учрежденную Федерацией еврейских общин России, в знак

благодарности советскому народу за освобождение нацистского лагеря смерти. Памятная медаль была вручена также президенту Польши Александру Квасьневскому за организацию мероприятий, связанных с 60-летием освобождения Освенцима.

В интервью журналистам раввин Берл Лазар отметил, что высоко ценит заявление Владимира Путина по поводу испытываемого им стыда в связи с проявлениями ксенофобии и антисемитизма в России. «Эти слова были ответом на события последнего месяца, когда волна антисемитизма усилилась, и, в частности, на последнее абсурдное заявление некоторых депутатов с требованием “запретить еврейские объединения как экстремистские”», – сказал главный раввин России. Он выразил надежду, что «политика толерантности по отношению ко всем народам многонационального российского государства будет проводиться и дальше, а правоохранительные органы усилят меры по борьбе с деятельностью неонацистов».

30 января в Большом зале Центрального дома литераторов в Москве состоялся мемориальный вечер, посвященный 60-летию освобождения лагеря смерти Освенцим.

Вечер был организован фондом «Холокост» при участии правительства Москвы, посольства Государства Израиль в России, Федерации еврейских общин России, Еврейского агентства в России и Центра им. Соломона Михоэлса. В качестве гостей в зале присутствовали ветераны Великой Отечественной войны, бывшие узники гетто и концлагерей, представители посольства Израиля, деятели культуры и науки, а также активные участники еврейской общинной жизни.

Вечер начался с показа кинохроники. Затем в зал было торжественно внесено знамя 322-й дивизии 60-й армии I Украинского фронта, освобождавшей Освенцим. Ведущий вечера народный артист России, художественный руководитель театра «У Никитских ворот» Марк Розовский напомнил о страшных событиях тех лет. «Пропускная способность печей Освенцима составляла 4756 трупов в сутки. И после произошедшего менее 15 процентов палачей и охранников предстали перед судом!» – отметил он с горечью. Марк Розовский предложил почтить память жертв Холокоста минутой молчания.

Перед собравшимися выступил министр иностранных дел России Сергей Лавров. «Уроки Освенцима важны для нас, ибо Холокост – наша незаживающая рана, – сказал министр. – Сегодня наша обязанность – сделать так, чтобы никто и никогда не пережил ничего подобного».

Посол государства Израиль в России Аркади Мил-Ман в своей речи отметил: «Фашистский режим в Освенциме пытался “окончательно решить еврейский вопрос”. Кто не испытал ужас концлагерей, никогда не сможет осознать его до конца. К сожалению, очевидцев становится всё меньше. И мы ответственны за то, чтобы передать нашим потомкам правду о Холокосте». «К сожалению, – подчеркнул посол, – и сегодня, когда отмечается 60-летие освобождения Освенцима, существуют силы, которые хотели бы перечеркнуть празднование». В качестве примеров антисемитизма г-н Мил-Ман привел события последнего времени: осквернение еврейского кладбища в Петербурге, избиение раввинов в Москве, антисемитское послание, подписанное членами блока «Родина».

Посол Германии в России Ханс Фридрих фон Плетц в своем выступлении сказал: «Миллионы людей стали жертвами хладнокровного убийства. Они подвергались пыткам, над ними ставили медицинские эксперименты, убивали в газовых камерах, они умирали на непосильных работах. И сегодня, 60 лет спустя после окончания этого ужаса, трудно выразить словами страдание, боль и унижение жертв. Мы склоняем голову в знак памяти и глубокой скорби».

Вторая часть вечера была посвящена вручению наград победителям третьего Международного конкурса работ преподавателей, школьников и студентов «Уроки Холокоста – путь к толерантности», в котором участвовало около 500 работ из 8 государств, в том числе из 39 регионов России. В церемонии награждения приняли участие народный артист России Михаил Глуз, профессор МГУ Александр Асмолов, депутат Московской городской думы Евгений Бунимович, директор представительства ЮНЕСКО в России Филипп Кео, представитель фонда Стивена Спилберга Феликс Духовны и другие деятели политики, науки и культуры.

Первое место в номинации «Лучшие студенческие работы» досталось студенту РГГУ Алексею Макарову за работу, посвященную Бабьему Яру. Сопредседатель Научно-просветительного центра «Холокост» Илья Альтман сообщил, что победителей конкурса вместе с их сверстниками из Франции и Италии 31 января в Париже примет генеральный директор ЮНЕСКО.

Затем перед собравшимися выступил ветеран войны из города Кимры Василий Громацкий, который 60 лет назад в звании лейтенанта принимал участие в освобождении Освенцима в составе 100-й Львовской стрелковой дивизии. Он рассказал о том, что, войдя в Освенцим, солдаты увидели узников в полосатых робах, которые начали обнимать и целовать их. «Вот здесь, – говорили они, – труба крематория, здесь нас сжигали. Я записал тогда: они сказали мне, что в Освенциме погибло 4 миллиона людей. Я знаю, что одних только детских колясок из Освенцима было отправлено 12 вагонов, а ведь большинство детей были не в колясках, а на руках у матерей. Эшелоны одежды, эшелоны обуви... Над входом в Освенцим была надпись: “Труд делает человека свободным”. Но не труд делает человека свободным, – люди делают себя свободными, трудясь на благо других людей...»

В завершение вечера сопредседатель центра «Холокост» Илья Альтман попросил присутствовавших в зале ветеранов войны подняться, и под дружные аплодисменты молодежь вручила им букеты цветов.

À. Áàñààèíàì

ÃÈÀÁÍ ÛÉ ÐÀÁÂÈÍ ÐÎÑÑÈÈ ÁÂÐË ÈÀÇÂÐ:

«ÇÂÐÂËÁÍ ÈÁ Á ÑÂÇÈÑ 60-ËÁÒÈÁÌ ÎÑÁÍÁÍ ÆÁÁÍ ÈÇ ÈÍ ÎËÃÃÂÐ ÌÑÁÁÍ ÕÈÌ »

«Стоя на этой земле, перемешанной с останками миллионов евреев и представителей других народов, убитых здесь 60 лет назад, мы обязаны объединиться против нашего нового общего врага – терроризма», – сказал духовный лидер российской еврейской общины.

«Вспоминая трагедию Холокоста, мы не можем не задаться вечным вопросом: “Где был Б-г?”»

Смертным не дано объяснить таинственные пути Г-сподни. Пророк приводит нам слово Б-жие: “Мои помыслы – не ваши помыслы”. И всё же мы можем сказать, что, когда человек страдает, Б-г страдает вместе с ним, страдает даже больше, чем отец за свое дитя. Однако Всевышний дал человеку свободу воли, чтобы тот мог изменять мир к лучшему, и мы должны сказать, что эта наша свобода, эта независимость настолько важна, что перевешивает самую страшную боль, возникающую, когда человек злоупотребляет своей свободой выбора во вред ближнему.

Мне совершенно ясно, что 60 лет назад Б-г наблюдал за происходящим и ждал ответа на еще более важный вопрос: “А где человек?!”

Где человек, способный отличать добро от зла, имеющий силу действовать и созидать? Где человек, осознающий святость человеческой жизни? Почему он не вопиет, видя ее осквернение?!

Да, шесть десятилетий назад мир беспрецедентным образом объединился и сумел остановить военную машину нацизма. Но почему для этого потребовалось так много времени? С ужасом думаешь, что всё это происходило всего 60 лет назад. Мы провозглашаем, что это не повторится вновь, не должно повториться. Но, увы, сегодня мы сталкиваемся с нацизмом XXI века – терроризмом. И вновь мы обязаны спросить себя: где человек перед лицом этой новой угрозы?»

Главный раввин России особо подчеркнул внутреннюю связь между современными террористами и нацистами прошлого века: «Террористы хотят того же, чего хотели нацисты, – мирового господства. Как и нацисты, террористы не делают различий, они ни во что не ставят всех людей – будь то администратор компании в Нью-Йорке или подросток в иерусалимской пиццерии, первоклассник в Беслане, житель мадридского предместья или турист на Бали.

Для них, террористов, мир делится на “правоверных” – тех, кто думает, как они, “высшую расу”, и всех остальных, “неверных”».

Подчеркивая необходимость объединиться против всеобщей опасности, раввин Берл Лазар отметил: «Ни одно государство, каким бы мощным оно ни было, не в состоянии вести эту войну в одиночку. Весь свободный мир должен объединиться ради жизни человечества. Новый враг должен быть четко определен, новый союз должен быть сформирован, ресурсы мобилизованы, и враг разбит.

События 60-летней давности – и наша трагическая нерешительность, неготовность дать отпор врагу, и наш созданный в конце концов союз, и наша победа – всё это преподает важнейший урок в человеческой истории: основа основ цивилизованного мира – это вера во Всемогущего Творца, наделившего человеческие существа равными правами... Надеемся, что новый международный союз, поддержанный властью закона, будет столь мощным, что самим фактом своего существования, без единого выстрела, сможет защитить мир.

Пусть нынешний день, когда мы отмечаем 60-ю годовщину освобождения Освенцима, станет днем, когда все цивилизованные нации воспримут универсальный Б-жественный закон, уважающий святость, достоинство и свободу каждого человека на планете – будь то мужчина, женщина или ребенок. Давайте со всей решительностью осудим любой акт террора, кто бы ни стал его жертвой, вне зависимости от обстоятельств или расовой принадлежности. Ни один акт террора, никакая поддержка таким актам не могут быть оправданы».

«Вместе мы способны превратить силы, когда-то разделенные “железным занавесом”, в железный союз, который сотрет терроризм с лица земли», – сказал в завершение главный раввин России.

І АІ ААЕНЌУ

*14 yí áády á Ĭ ĩŕéáá á dáéííá Ĭ áđúéííé đtúé áúéé ááñóíéí éçáéóú áááá Éééé «Ĭ ááú»
đáááéí Áéáéííáđ Éáéééí é ó:áúééíŕ éíéáéy í đé Ĭ ÁĬ Ö Ýéé, ó Ééáééó.*

Ĭ í đŕéçáááééó ĩáúóéyó đáŕŕéçááááđò ááđóáú í đáŕđóíéáíéé.

Раввин Александр Лакшин: «В пятницу вечером я и раввин Рувен Куравский отправились в гости к другу, у которого накануне родился сын. Рувен взял с собой в гости двоих детей девяти и десяти лет – братьев его жены. Мы были одеты в традиционную еврейскую одежду. Поскольку был Шабос, мы не взяли с собой никаких вещей. По дороге домой я заметил группу людей, стоящих поодаль. Поскольку я слышал, что в районе случались неприятные инциденты, мы не пошли через двор, а вышли на Суцевский вал и направились к подземному переходу. Заметив группу из 6–7 человек, которые преследовали нас явно с недобрыми намерениями, мы побежали к подземному переходу. Дети не могли бежать быстро, поэтому в середине перехода каждый из нас взял ребенка за руку, и мы потащили их за собой. Мы разделились: Рувен с одним из мальчиков побежал налево, я с другим ребенком направо. Большая часть нападавших погналась за мной. Я заметил, что они были одеты обычно, не как скинхеды. Правда, я слышал, что сейчас скинхеды, отправляясь “на дело”, одевают обычную одежду. Мне нанесли сильный удар в спину. Я успел только вытолкнуть малыша. Когда я упал, меня стали бить ногами. Потом ударили бутылкой по голове. У меня пошла кровь. Тем не менее мне удалось подняться и выбежать по ступенькам вверх.

Мы забежали в ближайший магазин и просили вызвать милицию, но служащие отказались: их волновало лишь то, чтобы я не закапал витрину и пол кровью. Мы вышли на улицу, остановили такси, отвезли детей домой; они были очень напуганы, не спали всю ночь, так что потом пришлось прибегнуть к помощи психолога. А меня отвезли в американский медицинский центр, где я провел два дня. У меня были две раны на голове, которые врачи зашили, множественные ссадины и синяки на всем теле, разрезан палец правой руки, вывихнут другой палец, были подозрения на трещину в нижнем отделе позвоночника.

Впоследствии я узнал, что примерно за 20 минут до того, как напали на меня, в том же районе было совершено нападение на молодую еврейскую пару. Поскольку это не первые подобные случаи, городские власти должны навести порядок в районе и принять меры, чтобы впредь и евреи, и представители других национальностей могли спокойно ходить по улицам. Те, кто на нас напали, – не члены законспирированной организации, они постоянно крутятся в одном районе и известны соответствующим органам. При желании не составит труда найти их и наказать по закону».

Элиёу Лившиц, 25-летний учащийся колеля: «Мы с женой направлялись домой, на Стрелецкую улицу, после субботней трапезы у друзей. Было примерно 10 часов вечера. Мы хотели пройти домой напрямиком, но я услышал из переулка дикие крики. Тогда мы пошли на Суцевский вал и сделали крюк. Но они, разгадав наш маневр, пробежали по дворам и опередили нас. Мы не успели повернуть на Стрелецкую, когда я понял, что нас преследуют. Я услышал топот за спиной, через секунду ощутил удар в спину – меня сбили с ног и начали бить... Я вспомнил, как мне рассказывали, что в такой ситуации надо прикрывать голову руками, чтобы не убили. Я так и сделал. Происходящее не слишком шокировало меня, казалось, всё прошло очень быстро, а жена впоследствии утверждала, что это длилось бесконечно долго. Я слышал безответные крики моей жены – она кричала страшно, не своим голосом. Ужасающий факт: мимо шли люди и ничем не помогли...

Один прицельно ударил меня в голову и попал в руку, она потом опухла... Я слышал, как, целясь в ребро, нападавший произнес: “На тебе!” Это была грубая ненависть, абсолютная. Я никогда не встречал ничего подобного. Вдруг я услышал топот и увидел, что они убегают. Они убежали сами – их никто не спугнул. Я был в шляпе, они ее зачем-то забрали вместе с кипой... По словам жены, почти всё время, пока меня избивали, рядом с нами стоял прохожий и смеялся, глядя на эту картину... Всего мимо прошли 8 человек.

Мы не сразу обратились к врачу, хотя было предположение, что у меня сломано ребро: в Шабос не разрешается звонить по телефону, а куда идти, мы не знали. Мой друг, работающий в “Рамбам-центре”, сказал, что перелом ребра не представляет опасности для жизни и можно подождать до окончания Шабоса. Потом оказалось, что это просто сильный ушиб. Жена всю ночь тряслась и наутро обратилась к психологу. До сих пор ей страшно ходить по квартире, она вздрагивает, слыша голоса на улице... Вместе с Александром Лакшиным мы были в отделении милиции на Трифоновской улице, подали заявление и дали свои показания». *çáí éŕŕéá Á. Ááŕŕéáéŕáá*

ДЕПУТАТЫ ОБВИНЯЮТ ЕВРЕЕВ: «СИНДРОМ ПАРАНОЙИ ИЛИ СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ПОДЛОГ?»

*À j'iaada aduila aai'odaofa Ainnadon'aaifite aoi u to dae iaguaai uo fii'f'ee'fii'uo
oda'ee'e iai da'ee'a i'enu i a Aai'adae'uf' i'of'oda'oo' Di'ne' n'ide'ua'i i'oe'ee'uu' i' ai'ca'ee'ou' aae'f
i «ca'ida'oa a ia'oa'e no'da'ia a'no da'ee'ae'f'uu' e ia'oe'f'ia'ee'uu' a'ada'e'f'ee' i'au'aa'e'ia'ee' eae
je'no'dai' ep'of'ee'». Aa' o'ae'no aue' i' i'aa'ee'ef'aa'i a'aa'q'io'a «Du'ni' I' da'aa'f'aa'i ay'».*

Инициатором запроса в Генпрокуратуру стал депутат от фракции «Родина» и главный редактор журнала «Русский Дом» Александр Крутов.

В этом письме представители думских фракций «Родина» и КПРФ, в частности, утверждали, что «еврейская религия – антихристианская и человеконенавистническая, доходящая до ритуальных убийств. Многие случаи этого ритуального экстремизма были доказаны в суде».

«Смеем Вас заверить, господин Генеральный прокурор, – сказано в письме далее, – что по этим вопросам во всем мире существует большое количество общепризнанных фактов и источников, на основании которых можно сделать бесспорный вывод: отрицательные оценки русскими патриотами типичных для еврейства качеств и действий против неевреев соответствуют истине, причем эти действия не случайны, а предписаны в иудаизме и практикуются два тысячелетия. Таким образом, инкриминируемые патриотам высказывания и публикации против евреев являются самообороной, которая бывает не всегда стилистически правильна, но оправдана по сути».

Депутаты-подписанты обвинили евреев в стремлении «превратить народ в животную массу без веры и традиций». По мнению народных избранников, все антисемитские инциденты в мире и в России, в том числе взрывы в синагогах и осквернения еврейских кладбищ, за последние несколько лет «устраивают сами евреи». «Множество антиеврейских акций во всем мире постоянно устраивается самими евреями с провокационной целью – чтобы применить карательные меры против патриотов», – говорится в обращении. «Весь демократический мир сегодня находится под денежным и политическим контролем международного еврейства», – утверждают народные избранники.

Реакция на обращение группы «оппозиционных» депутатов Госдумы последовала незамедлительно.

Главный раввин КЕРООР Адольф Шаевич посчитал «невозможным комментировать этот документ, содержащий лживые факты и аргументацию и отражающий бредовое состояние животного антисемита».

Руководитель Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин высказал мнение, что проблема гораздо серьезнее, чем просто заявление группы депутатов. «Раз они прошли в Государственную думу, значит, их поддерживают десятки тысяч людей, и я боюсь, что их высказывание является лакмусовой бумажкой того, что происходит в обществе», – заявил он.

Письмо «борцов с еврейским засильем» прокомментировал президент Института изучения **Израиля и Ближнего Востока Евгений Сатановский**. «Эта инициатива не является новой, – отметил он. – В свое время с такого рода инициативами успешно выступали Адольф Гитлер, руководство испанской инквизиции, а также ряд других заинтересованных руководителей, возглавлявших государственные или религиозные органы. При этом евреи со всеми своими религиозными и нерелигиозными организациями живут и успешно трудятся как на благо еврейского народа и еврейского государства, так и на благо тех стран, руководство и национальная элита которых заняты обустройством общего дома, а не поиском виноватых в том, что всё пропито и украдено».

«Количество перешло в качество, – сказала президент фонда «Холокост» Алла Гербер. – Многочисленные ксенофобские выступления в газетах, акции скинхедов – а их, по нашим подсчетам, в России сегодня около 70 тысяч – несут угрозу физического насилия. Страна находится в ксенофобском возбуждении, постоянно подогреваемом органами печати, которых не меньше 250 и которые распространяются по всей России...»

Зерна упали на хорошо подготовленную почву: экономическая ситуация в стране более чем сложная, поиск виновных в разграблении страны идет уже который год.

Характерно, что со своими требованиями они обращаются именно в Генпрокуратуру. Лишь в последние месяцы 2004 года, после нескольких убийств, прошел ряд процессов по 282-й статье “за возбуждение национальной ненависти”. До того прокуратура дел не возбуждала, а суды либо давали условный приговор, либо выпускали сразу, по амнистии. Из 76 дел, которые были возбуждены по статье “разжигание национальной ненависти”, до суда дошли только 11, а приговоров было и того меньше. Прокуратура относится к этой проблеме более чем халатно, а 282-я статья “заработала” только после убийств в России иностранных студентов, которые вызвали волну возмущения в мире».

Вице-президент Фонда ИНДЕМ, секретарь Союза журналистов России Михаил Федотов подчеркнул, что «это не просто письмо, это письмо *urbī et orbī*, городу и миру. Поскольку эти люди апеллируют к общественности, они рискуют вступить в противоречие с законом о разжигании национальной розни... В приличном обществе к антисемитизму относятся, как к сифилису: все знают, что эта болезнь существует, но ни один больной не признается в ее наличии. Раз уж подписанты предали свое письмо гласности, последствия для них могут быть неприятными».

Директор Московского бюро по правам человека Александр Брод заявил, что «обращение ряда национал-патриотов в Генеральную прокуратуру с призывом запретить иудейские организации в России – это полнейший абсурд, поскольку все они зарегистрированы в Минюсте и ждать от Генпрокуратуры их запрета – просто наивно. Расчет делается на внешний эффект: это очередная попытка сыграть на предрассудках, существующих в обществе... Я бы связал этот новый всплеск демонстративной активности национал-патриотов с 60-летием освобождения Освенцима».

«Рассматриваю произошедшее как демонстративный вызов, – продолжал он, – тем более что эти люди всё время говорят, что не было никакого Холокоста, что не было уничтожения шести миллионов евреев, объявляют евреев неполноценной расой».

В **Межрелигиозном совете России** назвали заявление группы депутатов Госдумы, призвавших к запрету еврейских организаций страны, беспрецедентным «во всей истории православной цивилизации». По словам **исполнительного секретаря совета Романа Силантьева**, «диалог, который Русская православная церковь ведет с иудейским сообществом России, приносит немалую пользу обеим его сторонам». Он напомнил, что раввин Берл Лазар сравнивал осквернение православных икон с надругательством над свитком Торы. «Кроме того, иудейское сообщество помогает православным бороться с сектантами и мракобесами, ненавидящими любое проявление религиозных чувств».

Обращение группы депутатов Госдумы в Генпрокуратуру РФ с просьбой проверить деятельность еврейских религиозных и национальных организаций вскоре было отозвано его инициаторами.

Как отметил в этой связи официальный представитель Генпрокуратуры, «проверка поступившего некоторое время назад заявления по существу не начиналась».

Депутат А. Крутов подтвердил факт отзыва подписанного им и еще 19 депутатами нижней палаты коллективного обращения. На вопрос журналистов, почему он это сделал, А. Крутов ответил: «Комментариев не будет».

Между тем депутат Александр Чуев в своем письме на имя главного раввина РФ Б. Лазара сообщил, что информация о его собственной подписи под этим документом стала для него полной неожиданностью: «С текстом данного письма я впервые ознакомился лишь после того, как с удивлением узнал из публикации в газете “Известия”, что назван в числе “подписантов” обращения в Генеральную прокуратуру, – пишет А. Чуев. – Считаю своим долгом заявить, что подобного обращения я не подписывал, более того, содержащееся в обращении к генеральному прокурору утверждение ни в коей мере не соответствует моим убеждениям».

Депутат далее отметил: «Как политик, верный русской и российской исторической традиции, считаю необоснованными и некорректными, крайне вредными и невозможными какие-либо призывы к запрещению еврейских религиозных и национальных организаций, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России». Появление обращения в генпрокуратуру он признает «досадной ошибкой или сознательной провокацией». *Ἰὶ ἰ ἀὸ ἀδὲ ἀἰ εἰ ὀ ἰ ἀὸ εἰ ἰ ἰ ὀ ἀἰ ὀ ἰ ὀ*

В МИРЕ НЕМАЛО ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ЧУВСТВУЮТ ЧУЖУЮ БОЛЬ

23 января в иерусалимском офисе Всемирного конгресса русскоязычных евреев состоялась встреча руководства этой организации с семьями, пострадавшими во время терактов на территории Израиля.

Председатель Координационного совета ВКРЕ Михаил Шнеерсон и председатель Общественного совета Татьяна Сапунова вручили представителям семей жертвования, собранные специально для этой цели россиянами в рамках акции «Спешите делать добро». Пострадавшие подчеркивали, что при всей важности материальной поддержки – ведь большинство из них новые репатрианты, еще не успевшие как следует встать на ноги, – главным остается внимание, которое они чувствуют во время таких встреч.

У каждого свое горе, и никакими мерками невозможно оценить страдания и потери, которые перенесли эти люди. Среди присутствующих на церемонии были пострадавшие при взрывах двух автобусов 31 августа в Беер-Шеве: Татьяна Абдулаева и Андрей Миговский получили ранения; у Евгении Малюги были ранены двое детей, 15-летняя Ольга и 12-летний Борис. Евгения рассказала, что, кроме полученных физических травм, детей тревожит тяжелое психологическое состояние: их продолжают мучить кошмары, они боятся ездить в транспорте. У Елены Леман, приехавшей в Израиль 9 лет назад из Украины, в этом теракте погибла мать. Елена недавно закончила службу в армии. Прежде она работала в полиции и хотела бы туда вернуться, но с трудоустройством пока не всё гладко. Она живет с бабушкой и дедушкой. После пережитой трагедии семье очень трудно, как морально, так и материально.

Без матери осталась и Лена Перова – дочь Нелли Перовой, погибшей 18 мая 2003 года на перекрестке Гиват Царфатит в Иерусалиме. Лене тогда было 20 лет. Чем можно утешить эту девочку с полными слез глазами? Что можно сказать родителям Александра Цвитмана, героически погибшего, защищая своих товарищей, во время нападения на поселенцев в Хевроне? Кто вернет радость в дом Валерия Аккермана и его 14-летней дочери Кати после гибели любимой жены и матери Татьяны в ноябре 2004 года при взрыве на рынке в Тель-Авиве?

«Когда люди слышат о таких трагедиях, при всем ужасе и возмущении, они как-то внутренне отстраняются. Когда же встречаешься с людьми, пострадавшими в терактах, видишь оголенные нервы тех, кто потерял самых близких, понимаешь, насколько бессмысленны все слова, – рассказали журналистам Михаил Шнеерсон и его супруга Нонна Кухина. – Единственное, что мы можем дать этим людям, – немного тепла и внимания, чтобы они не чувствовали себя такими одинокими и брошенными в своем неутешном горе. И, конечно, наш долг – собрать для них какие-то средства, чтобы семьи, потерявшие кормильцев, могли справляться со своими проблемами, учили детей и не были сломлены окончательно. Сегодня мы раздали жертвования на сумму шесть тысяч долларов, собранную сотнями малоимущих людей, зачастую пенсионеров, которые вместо того, чтобы купить себе необходимые продукты, предпочли помочь пострадавшим в далеком от России Израиле. Замечательно, что в мире есть люди, которые понимают чужую боль».

ÀĚÀĀĪ ŪĒ ÐĀĀĀĒĪ ÐĪÑÑĒĒ ĀĀÐĒĒĀÇĀÐ

Ī ÐĪ ÒĪ ĒĪĒ

16 января встреча в Москве с 10-летней Аней Кадалаевой, бывшей заложницей Беслана, которая только что вернулась из США, где прошла трехмесячный курс лечения и реабилитации.

В поездке, которую организовал Всемирный конгресс русскоязычного еврейства при помощи главного раввина России, Аню сопровождали 7-летняя сестра Алена, получившая ранения во время операции по освобождению заложников, и отец девочек. Мама, 29-летняя Ирина Кадалаева, погибла.

«Любых слов не хватит для того, чтобы выразить вам благодарность за всё, что вы сделали для моей семьи», – сказал организаторам поездки отец девочек Альберт Кадалаев.

18 января выступление с заявлением по поводу избиения раввинов в Москве: «Мы в очередной раз видим возмутительное пренебрежение к человеческой жизни. Преступники напали и жестоко избили нескольких человек в одежде религиозных евреев. Особенно страшно, что их не остановило даже присутствие детей, которым, к счастью, удалось убежать. Эти антисемитские преступления неоднократно повторяются в районе Марьиной рощи, где находится Московский еврейский общинный центр... Мы неоднократно подчеркивали, что преступления на национальной и расовой почве не могут и не должны считаться обычным хулиганством. История XX века доказывает: любое попустительство антисемитизму и приуменьшение его опасности приводит в конечном счете к самым страшным катастрофам, к гибели миллионов людей всех национальностей.

Поэтому мы считаем своим долгом настаивать и требовать, чтобы правоохранительные органы приняли решительные меры для того, чтобы в обязательном порядке найти и наказать этих нелюдей. Мы также надеемся на то, что органы правопорядка будут лучше защищать представителей всех национальных меньшинств, чтобы подобные случаи не повторялись».

24 января реакция на обращение группы депутатов Госдумы в Генеральную прокуратуру РФ с призывом запретить все еврейские организации и объединения как экстремистские: «Первая возможность: господа, подписавшие этот бредовый документ, неадекватны. Если это так, мне их жаль, но помочь ничем не могу, я не психиатр.

Вторая возможность хуже: эти господа вполне нормальные, но при этом бесконечно циничны. Они прекрасно знают, что выдвигаемые ими обвинения – вранье, ведь они приписывают еврейской религии такие черты, которые абсолютно противоречат законодательным нормам не только России, но любой цивилизованной страны. Однако они сознательно идут на подлог в расчете на то, что, разыгрывая антисемитскую карту, могут увеличить свой электорат».

27 января участие в церемониях, связанных с 60-летием освобождения концлагеря в Освенциме.

28 января визит в швейцарский Давос для участия во Всемирном экономическом форуме, в рамках которого у раввина Берла Лазара был запланирован ряд двусторонних встреч.

1 февраля встреча с министром образования и науки Андреем Фурсенко в Московском еврейском общинном центре. Главный раввин России показал министру МЕОЦ и рассказал о его работе. В беседе была затронута проблема преподавания религии в школе. Стороны обсудили также возможности сотрудничества между системой национальных негосударственных школ, которые действуют в рамках ФЕОР, и Министерством образования.

NUÁÇÄ ÄNÄÏ ÈDÏ ÎÄÏ ÈÏ ÎÄÄÄÑÄ ÁÓÖÄDÑÈÈÖ ÄÄDÄÄÄ Ä ÈÄDÖÑÄÈÈÏ Ä

Ä ýÏÄÄÄ Ä ÈÇÄÈÈÄ ÏDÏÄÈ ÖDÄÄÄÄÄÄÏÜÈ ÑÄÇÄ ÄÏÄ ÈDÏÎÄ ÈÏÎÄÄÄÄÄ ÄÓÖÄDÑÈÈÖ ÄÄÄÄÄÄ Ö-DÄÇÄÄÄÏ ÎÄÏ 26 ÎÏÄÄÏ 2000 ÄÄÄ Ä ÈÄDÖÑÄÈÈÏ Ä

В состав организации входят пятьсот общин бухарских евреев, проживающих в разных городах мира. Координатор проектов Авраам Пинхасов рассказал, что Конгресс объединяет 350 тысяч бухарских евреев, проживающих во всем мире. В съезде приняли участие три тысячи представителей из Израиля, России, США, Германии, Австрии и других стран. Среди основных задач этой организации – получение бухарскими евреями религиозного образования, создание и координация деятельности синагог, социальная поддержка членов общины, создание музея, развитие культуры, поддержка общинных СМИ.

Не будет преувеличением сказать, что среди всех еврейских общин бывшего СССР именно бухарская является наиболее сплоченной. Причину такого единения представители общин видят в том, что даже в годы советской власти, когда евреи, соблюдающие традиции, преследовались властями, в среде бухарских евреев старались поддерживать национальный и религиозный уклад. Старшее поколение передавало свои знания молодежи. В то время как евреи, проживающие на территории России, Украины и других республик, за 70 лет советской власти если не совсем ассимилировались, то во многом отошли от еврейства, с бухарской общиной этого не произошло. «Для нас всегда был важен общинный фактор. И теперь мы также стараемся поддерживать эту традицию», – говорили люди разного возраста из разных городов мира.

Бухарские евреи стараются селиться компактно. Выходцы из Самарканда, Ташкента, Бухары, они строят свои районы и стараются, чтобы молодые люди заключали браки между собой. Конечно, в Израиле никто не препятствует бракам с евреями из других общин. Один из делегатов съезда сказал: «Это прекрасно, когда существует преемственность поколений и дети соблюдают те же традиции, что и их деды». Вероятно, именно поэтому основное внимание последний съезд уделил вопросам образования.

Значение воспитания и сохранения традиций подчеркнул и президент Конгресса бухарских евреев России Якуб Левиев: «Мы очень благодарны Конгрессу и его президенту Леви Леваеву за поддержку, благодаря которой нам удастся сохранять еврейские традиции. Конгресс предоставил нам раввина из Израиля, который обучает нашу молодежь, мы вместе проводим праздники. Наша община действует в тесном контакте с Федерацией еврейских общин России, которая тоже нам помогает. В России сегодня проживает от двух до трех тысяч бухарских евреев, но именно Москва является для нас важным центром. Через Москву люди, разъехавшиеся по всему миру, возвращаются в те регионы Средней Азии, откуда они когда-то выехали, чтобы навещать могилы родственников, встречаться с друзьями, налаживать бизнес. Поэтому для нас очень важно чувство единства, которое поддерживается благодаря деятельности Конгресса».

«На этом съезде мы собрали представителей еврейских бухарских общин со всех стран. Только в Израиле более 150 тысяч бухарских евреев. Более 60 тысяч представителей общины проживают в США. Большие общины существуют в Австрии и Германии. Мы подняли важнейшую проблему еврейского образования и воспитания, укрепления еврейских традиций. Мы выделили стипендии 1500 студентам, разработали программу «Компьютер каждому ребенку». Кроме того, наша община заботится о нуждающихся, об обеспечении людей рабочими местами. Мы видим задачу не только в том, чтобы дать пособия, но обеспечить образованием, чтобы люди сами могли трудоустроиться и чувствовать себя уважаемыми членами общества в любом месте, где бы они ни жили. Главная цель конгресса – объединить представителей нашей общины».

D. ÖeläçäÄÄÄÄÄ

ÈÍ ÒÁÁÐÀÖÈÈ ÁÁÇ ÀÑÑÈÌ ÈÈÈÖÈÈ

На вопросы рижской ежедневной газеты «Час» отвечает рижский раввин Мордехай Глазман.

– Господин Глазман, год назад еврейская община пригласила вас быть раввином Рижской синагоги. Вероятно, за это время у вас состоялось множество контактов и встреч. Какие проблемы сегодня волнуют латвийских евреев?

– Конечно, среди самого важного, что произошло за год, люди отмечают вступление Латвии в Евросоюз и первые плоды интеграции в единую Европу. Пожилая часть общины воспринимает эти перемены неоднозначно. У многих людей появились новые проблемы, в частности, из-за скачка цен и общей дороговизны.

Однако в целом членство Латвии в ЕС воспринято общиной положительно, особенно молодежью. Бизнесмены стараются быстрее понять новые возможности и перспективы, которые открываются перед ними в ЕС. Так что я бы отметил достаточно высокий уровень оптимизма в общине.

Второе, о чем следует сказать, – это неудовлетворенность ходом общественной интеграции. Об этом в Латвии пока больше говорят, чем делают. А тем временем продолжают сохраняться две общины, самодостаточные и разделенные невидимой стеною.

– С какой стороны этой стены находится еврейская община?

– Как известно, до войны в Латвии была огромная еврейская община: в одной только Риге жили пятьдесят тысяч евреев, а в целом по стране – не менее ста тысяч! Все они владели латышским языком, имели гражданство Латвийской Республики и были лояльны по отношению к законам своей страны. Но более 85% латвийских евреев погибли в годы нацистской оккупации, выжили буквально единицы.

Значительная часть нынешнего еврейского населения – это русскоязычные выходцы из Белоруссии, Украины и России. В подавляющем большинстве они разделяют идею и практику интеграции, учат своих детей языку и истории, стараются вырастить их сильными и конкурентоспособными членами латвийского общества. Старых людей уже не переделать, а молодежь должна интегрироваться. Но без ассимиляции. Молодежь должна знать и хранить традиции и историю своего народа, не забывать их самим и не дать забыть другим. В Латвии известны десятки мест, где в 1941 году казнили евреев, но есть еще десятки мест, которые неизвестны. Они никак не обозначены, в лучшем случае о них помнят местные старожилы. Не так давно я был в Малте, маленьком латгальском местечке, где были открыты два мемориальных камня в память о жертвах Холокоста. Ранее подобные памятники были установлены в Ауце, Прейли, Лудзе. Это только начало большой работы. Она требует средств, а возможности общины ограничены.

Да, мы чувствуем доброжелательное внимание к себе со стороны государства. Министры и высокие должностные лица регулярно участвуют в наших мероприятиях. Но это участие ограничивается морально-политической поддержкой. Практическую помощь мы чаще получаем на муниципальном уровне; так, например, нам очень помогли городские власти Малты.

– Однако внимание государства к общине не ограничивается только лишь участием в траурных церемониях?

– Официальные лица приходят к нам и на праздники. Есть у нас традиция, положенная покойным раввином Барканом, приглашать на Хануку в синагогу политиков, дипломатов, известных в обществе людей. Ханука – это праздник света, и мы празднуем его вместе с нашими гостями. Пусть каждый живет по своим традициям, соблюдает свои праздники и с уважением относится к традициям других.

В этом году на праздник Хануки в синагогу пришли спикер сейма Ингрида Удре, многие министры, политики. Президент страны была в это время с визитом в Лондоне и прийти не смогла, но прислала поздравительное письмо. Нас посетили посол Израиля, американский поверенный в делах, послы Франции, Украины, других стран. Посол России Виктор Калюжный тоже был, поэтому я очень удивился, когда через несколько дней прочитал его интервью...

– Вы имеете в виду его слова о том, что Реввоенсовет состоял почти из одних евреев?

– Наши мудрецы говорят: судите о людях не по словам, а по делам их. Но на этот раз слова посла меня действительно расстроили и насторожили.

Я не специалист по истории Гражданской войны в России, хотя, конечно, много читал о том времени. Но о том, что руководство Красной Армии состояло почти сплошь из евреев, узнал только от г-на Калюжного. Из его слов выходит, что в бедах русских виноваты «нерусские»: в Реввоенсовете работали евреи с латышами, ЧК возглавлял поляк, Сталин был грузин и т. д. У меня такие слова вызывают самые тревожные исторические ассоциации. Я думаю, что г-н посол как минимум не очень хорошо подготовился к своему интервью и поэтому повторил чьи-то заблуждения.

– Какие особенно важные события ожидаются в общине в этом году?

– В 2005 году рижские евреи будут отмечать важную дату – столетие синагоги на улице Пейтавас в Вецриге. Это единственная синагога, которая чудом уцелела в годы второй мировой войны. Если бы ее стены могли говорить, они бы многое поведали миру... Синагога на Пейтавас – центр еврейской жизни Латвии. Мы начали капитальную реконструкцию здания, которое за сто лет обветшало; реставрации требует и внутреннее убранство. Средств на всё не хватает, будем работать этапами, искать поддержки. Уверен, что мы справимся с этим большим делом и передадим обновленную синагогу молодому поколению.

Слава Б-гу, сегодня в Риге любой еврей может соблюдать еврейскую традицию: жить полноценной религиозной жизнью, изучать Тору, язык, историю и культуру своего народа. Есть возможность соблюдать кашрус. Община крепнет, всё больше евреев возвращаются к своим традициям и корням.

НАШИ МАРТОВСКИЕ ПРМЯТНЫЕ ДАТЫ

3 МАРТА

90 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* писательницы и правозащитницы, составительницы стенограммы процесса над И. А. Бродским **Фриды Абрамовны Вигдоровой** (1915, Орша – 1965, Москва).

70 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* физика, члена Национальной АН США, профессора Кембриджского, Парижского, Калифорнийского университетов и Хайфского технологического института, автора работ в области теории конденсированных сред, лауреата Национальной научной медали США **Марвина Коэна** (Cohen; р. 1935, Монреаль).

6 МАРТА

75 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* скрипача, дирижера Кливлендского оркестра, Питсбургского симфонического общества, Национального оркестра Франции, Немецкой оперы, оркестра Баварского радио, музыкального руководителя Венской оперы и Нью-Йоркской филармонии **Лорина Маазеля** (Maazel; р. 1930, Нёйи-сюр-Сен, Франция).

7 МАРТА

105 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* физика, профессора Университета Дюка, одного из создателей квантовохимической теории химической связи, автора работ в области спектроскопии, квантовой механики, физики низких температур, теории сверхпроводимости и сверхтекучести в жидком гелии **Фрица Лондона** (London; 1900, Бреслау – 1954, Дарем, США).

75 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* биохимика, члена Национальной АН США, профессора Калифорнийского университета, автора работ в области зарождения жизни на Земле Стэнли Миллера (Miller; р. 1930, Окленд, США).

8 МАРТА

65 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* химика, члена Национальной АН США, профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке, автора работ в области теории динамики и структуры жидкостей **Брюса Берна** (Bene; р. 1940, Нью-Йорк).

9 МАРТА

70 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* ученого в области теории информации, предпринимателя, члена Национальной АН США, профессора Калифорнийского университета, совладельца компании мобильной связи Qualcomm, автора работ в области теории кодирования **Эндрю Витерби** (Viterbi; р. 1935, Бергамо).

13 МАРТА

95 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* живописца, народного художника СССР, члена-корреспондента АХ СССР, автора пейзажей «Края родные», «Наш Дальний Восток», «Русская зима» и др. **Лидии Исааковны Бродской** (1910, Петербург – 1990, Москва).

15 МАРТА

75 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* физика, академика РАН, Национальной АН США, Польской АН, директора Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе РАН, автора работ в области полупроводников, гетеропереходов и приборов на их основе, лауреата двух Государственных премий СССР, Государственной премии РФ, Нобелевской премии по физике (совм. с Г. Кремером) 2000 года **Жореса Ивановича Алферова** (р. 1930, Витебск).

75 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* биохимика, члена Национальной АН США, Нидерландской королевской АН и Лондонского королевского общества, профессора Колумбийского и Гарвардского университетов, автора работ в области детерминированных молекулярных структур **Мартина Карплуса** (Karplus; р. 1930, Вена).

110 éàò ìí àíý ðæääíéý архитектора, автора ряда проектов крупных общественных зданий в духе конструктивизма в Ленинграде (Кировского райсовета, Дворца культуры им. С. М. Кирова, [соавтор Н. Козак] и др.) **Ноя Абрамовича Троцкого** (1895, Петербург – 1940, Ленинград).

19 МАРТА

160 éàò ìí àíý ðæääíéý патолога, профессора Лейпцигского университета, установившего закономерность порока развития мочеточников, предложившего гистологические красители, а также методы окраски клеточных и тканевых элементов, которые способствовали развитию гистологии, бактериологии, патоанатомии, **Карла Вейгерта** (Weigert; 1845, Мюнстерберг, Пруссия – 1904, Франкфурт-на-Майне).

95 éàò ìí àíý ðæääíéý математика, члена Национальной АН США, профессора Северо-Каролинского, Колумбийского, Корнеллского, Калифорнийского, Иллинойского, Южно-Флоридского, Парижского, Гейдельбергского университетов, Хайфского и Парижского технологических институтов, автора работ в области статистики **Джексона Вольфовица** (Wolfowitz; 1910, Варшава – 1981, Тампа, США).

20 МАРТА

65 éàò ìí àíý ðæääíéý математика, члена Национальной АН США, профессора Массачусетского технологического института, автора работ в области аналитической теории стохастических процессов **Даниэля Струка** (Stroock; р. 1940, Нью-Йорк).

23 МАРТА

75 éàò ìí àíý ðæääíéý физика-теоретика, члена-корреспондента РАН, члена Американской академии искусств и наук, профессора Ленинградского университета, автора работ в области физики элементарных частиц, высоких энергий, квантовой теории поля **Владимира Наумовича Грибова** (1930, Ленинград – 1997, Москва).

25 МАРТА

85 éàò ìí àíý ðæääíéý биохимика, члена Парижской АН, профессора Пастеровского института, автора работ в области бактериального роста **Жоржа (Йосефа-Нисима) Коэна** (Cohen; р. 1920).

26 МАРТА

60 éàò ìí àíý ðæääíéý биохимика, члена Национальной АН США, профессора Нью-Йоркского и Йельского университетов, автора работ в области молекулярных механизмов передачи сигнала **Джозефа Шлезингера** (Schlessinger; р. 1945, Югославия).

27 МАРТА

100 лет со дня рождения математика, члена Венгерской АН, профессора Сегедского университета, автора работ в области математической логики, лауреата Государственной премии ВНР **Ласло Калмара** (Kalmar; 1905, Эде, Венгрия – 1976, Матрахаза, Венгрия).

28 МАРТА

90 лет со дня рождения поэта и композитора, автора (совм. с Р. Эвансом) песен к фильмам «Бледнолицый» (пр. «Оскар» за лучшую песню к фильму 1948 года), «Капитан Кэри» (пр. «Оскар» за лучшую песню к фильму 1950 года), «Человек, который слишком много знал» (пр. «Оскар» за лучшую песню к фильму 1956 года) и др. **Джея Ливингстона** (Livingston; 1915, Макдональд, США – Лос-Анджелес).

29 МАРТА

105 éàò ìí àíý ðæääíéý режиссера, народного артиста РСФСР, профессора ГИТИСа, главного режиссера Московского цирка **Марка Соломоновича Местечкина** (1900, Киев – 1981, Москва).

90 éàò ìí àíý ðæääíéý физика, члена Национальной АН США, профессора Станфордского университета, автора работ в области квантовой механики, общей теории относительности и др. **Леонарда Шифа** (Schiff; 1915, Фолл-ривер, США – 1971, Станфорд, США).

30 МАРТА

85 ёаò ì ã äÿ ðæääíèÿ биохимика, члена Национальной АН США и Шведской королевской АН, профессора Калифорнийского университета, автора работ в области химии протеинов, лауреата Национальной научной медали США **Даниэля Кошланда** (Koshland; р. 1920, Нью-Йорк).

80 ёаò ì ã äÿ ðæääíèÿ режиссера, народного артиста РФ, главного режиссера Латвийского театра юного зрителя, Ленинградского театра им. Ленинского комсомола, Московского театра юного зрителя, Театра им. Моссовета, профессора ГИТИСа (РАТИ) **Павла Осиповича Хомского** (р. 1925, Москва).

70 ёаò ì ã äÿ ðæääíèÿ физика, члена Национальной АН США, профессора Корнеллского университета, автора работ в области квантовой механики **Дэвида Мермина** (Mermin; р. 1935, Нью-Хейвен, США).

примером для тех, кто любит сетовать на то, что «нас здесь не любят» и оправдывать свои неудачи русским происхождением (так же как в прошлой жизни оправдывали еврейским).

Кишон сумел вырваться из нацистского концлагеря и советского плена: из концлагеря он ушел, смастерив себе фальшивые документы, с которыми ежесекундно рисковал жизнью. Прячась среди развалин разбомбленных зданий, 20-летний Кишон в 1944 году пишет свой первый роман, который он решил издать лишь в прошлом году. Это единственное произведение Кишона, опубликованное в Израиле в переводе с его родного венгерского языка, с 1950 года Кишон пишет на иврите. Роман, в ивритском переводе называющийся «Шаир, леазазель», – это история о том, как два проходимца случайно основали политическую партию, единственной задачей которой было преследование лысых. К их удивлению, идея нашла понимание среди широких масс. Этот роман я бы поставил в один ряд с антиутопиями Хаксли, Замятина и Оруэлла.

Будучи видным членом партийной номенклатуры коммунистической Венгрии и пользуясь всеми привилегиями, Кишон решает бросить всё и уехать в Израиль. Приезжает он без агоры в кармане, не зная ни одного слова на иврите. Он чистит туалеты в кибуце, что оставляет достаточно времени для занятий ивритом. Уже через два года пьеса Кишона, написанная на иврите, с успехом идет в «Габиме».

А после того как рассказы никому не известного репатрианта были напечатаны в газете «Маарив», Кишон становится штатным фельетонистом газеты и в течение 30 лет пишет по рассказу в день – производительность для писателя просто немислимая.

Перу Кишона принадлежит несколько тысяч рассказов, два романа, несколько пьес и киносценариев. Созданный Кишоном образ репатрианта из Марокко Салаха Шабати стал в Израиле нарицательным. По его сценарию создан самый популярный в мире израильский мюзикл и кинофильм.

По мнению авторитетных критиков, фильмы, поставленные Кишоном по собственным сценариям, являются лучшими фильмами, созданными в стране. Это «Салах Шабати», «Лиса в винограднике», «Арбинка», «Полицейский Азулай», «Канал Блаумильх».

Главный герой выдержавшего множество изданий и переведенного на множество языков романа «Лиса в винограднике» – прож-женный политикан, партаппаратчик-мапаевец Дольникер, всю свою жизнь не занимавшийся ничем, кроме политических интриг, попадает на отдых в отдаленную деревню, где занимается любимым делом – политическими интригами. Ему удается поссорить между собой всё население деревни и расколоть его на два враждебных лагеря, в результате чего население настолько увлекается интриганством, что забывает ремонтировать плотину. Плотину прорывает, и всё население деревни гибнет...

И ади́т Аа́а́т үе́е́

ИЗ НАШЕЙ МАРТОВСКОЙ ПОЧТЫ

יִי יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Прошлым летом отмечалось столетие со дня рождения поэта Михаила Светлова, и многие средства массовой информации не обошли вниманием это знаменательное событие, отдав должное выдающемуся представителю отечественной литературы.

Михаил Аркадьевич был, мне кажется, самым остроумным человеком в стране. Недаром до сих пор не умерли его шутки, его каламбуры, до сих пор ходят легенды о его незабываемых розыгрышах.

Сегодня, спустя более полувека, мне вспомнилась давнишняя встреча с поэтом. Случилось это совершенно неожиданно – в Москве, летним днем 1948 года.

В послевоенные времена, еще школьником, я часто проводил летние каникулы на подмосковной даче у родственников. Естественно, бывал в столице, ходил в театры, на концерты и на футбол. Регулярно навещался я и в редакцию газеты «Труд» на улице Горького, где ответственным секретарем редакции работал мой двоюродный брат Лазарь Маркович Лившиц. Не раз с интересом наблюдал, как «делаются» номера одной из самых массовых газет страны.

Лазарь Лившиц, живший в Гомеле в конце 20-х годов, был приглашен на работу в редакцию столичной газеты «Гудок». В то время в «Гудке», как известно, собралась целая группа талантливых молодых литераторов: Юрий Олеша, Лев Славин, Илья Ильф, Евгений Петров. Сотрудничал с газетой Михаил Зощенко, заезжал в редакцию и молодой Михаил Светлов. Но в первые же дни Великой Отечественной войны журналист Лившиц стал фронтовым корреспондентом газеты «Известия» в действующей армии на западном направлении, а в октябре 1941 года был назначен редактором газеты только что созданного на подступах к Москве Калининского фронта. В «Гудок» он уже не вернулся.

И вот теперь, когда война осталась позади, зашел я как-то в довольно ранний час в редакцию «Труда». Уставший после ночного дежурства брат предложил мне поехать вместе на дачу, отдохнуть. Идя по Горького к станции метро «Охотный ряд», прямо на углу проезда Художественного театра мы неожиданно встретили Михаила Аркадьевича. Брат и Светлов обнялись. Потом пошел разговор о текущих делах, о жизни и семье, о прессе и творческих планах...

Беседа вроде подходила к концу, когда Михаил Аркадьевич вдруг, как бы невзначай, обронил:

– А ведь ты, Лазарь, спас мне жизнь.

Тогда, в октябре 41-го. Недавно узнал, что вся колонна ополченцев, в которой я шагал тогда на фронт, полностью полегла в первом же бою. – И заговорил о другом.

Я ничего толком не понял и уже в вагоне пригородного поезда спросил Лазаря, о чем вел речь Светлов, о каком спасении.

Вот что под стук колес поведал мне брат:

– В октябре 1941 года наступили самые трудные дни. Гитлеровские войска находились всего в нескольких десятках километров от Москвы, которую мы обороняли. Меня, редактора газеты Калининского фронта, срочно вызвали в Главное политуправление Красной Армии. На Калининском направлении враг стоял в районе Химок, так что на стареньком «газике» я довольно быстро добрался до Москвы. Ехали по улице, и я увидел, что навстречу движется колонна ополченцев, примерно в тысячу человек. Это были в основном люди старшего призывного возраста, наверняка необученные, понятия не имевшие о военных премудростях, в большинстве своем без оружия. Их на улицах задерживали военные патрули и направляли в пункты-приемники, где из них наскоро формировали части, пешком уходившие на фронт. Прямо с марша ополченцев бросали на передовую, в бой, и они своими телами закрывали брешь в разваливавшейся обороне. А что творилось тогда на фронте, я видел собственными глазами.

Поравнялся я с колонной и неожиданно разглядел в шеренге Михаила Аркадьевича. Резко притормозив, приказал лейтенанту, что вел колонну, вызвать ко мне из строя бойца Светлова. Подойдя к машине, боец Светлов доложил о себе по всей форме. Ему я приказал немедленно сесть в машину, а ведущему колонну – доложить своему командованию, что ополченец поступил в мое распоряжение по приказу Главпура.

Обстоятельства требовали принять решение мгновенно. Я так и сделал. Было совершенно ясно, что перо талантливого поэта гораздо более необходимо стране для борьбы с фашистами, нежели штык, которым он, вероятно, не особо мог орудовать.

Конечно, Светлов заметно повеселел, когда услышал, что теперь мы с ним будем работать вместе. В пути я спросил у него: «Миша, а как ты попал в ополченцы? Ведь почти все журналисты и писатели или во фронтовых газетах, или военные корреспонденты?» Всё оказалось весьма прозаично.

Светлов в тот день вернулся в Москву из блокадного Ленинграда, куда был направлен по заданию «Красной звезды», и шел в редакцию. Тут его и остановил патруль. У него, естественно, не оказалось спецпропуска (спецпропуска недавно ввели в осажденной столице). Не желая слушать никаких объяснений, патруль задержал его и препроводил в «накопитель», где создавались ополченческие подразделения. Ну, остальное я видел сам.

В тот же вечер мы с Михаилом Аркадьевичем уже были во фронтовой редакции. Наша совместная работа продолжалась в течение нескольких самых тяжелых, самых кровопролитных месяцев битвы за Москву. Затем Светлов был отозван Главпуrom и направлен военкором одной из центральных газет. Только сегодня узнал я, что вся та колонна ополченцев полегла на ближних подступах к столице. Ты ведь слышал, как он это сказал? Будь проклята война...

Вот такой эпизод был в жизни нашего знаменитого поэта.

А. Евсеев, Есн